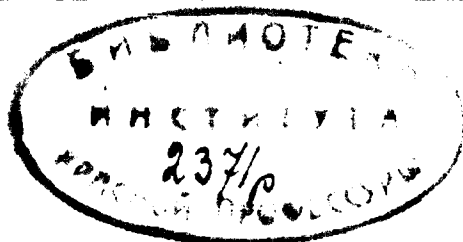

БОРЬБА КЛАССОВ

1932 г. 4

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОМПАРКАДЕМИИ ЦИК СССР

И. СТАЛИН

Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом

13 декабря 1931 года

Л ю д в и г. Я Вам чрезвычайно признателен за то, что Вы нашли возможным меня принять. В течение более 20 лет я изучаю жизнь и деятельность выдающихся исторических личностей. Мне кажется, что я хорошо разбираюсь в людях, но зато я ничего не понимаю в социально-экономических условиях.

С т а л и н. Вы скромничаете.

Л ю д в и г. Нет, это действительно так. И именно поэтому я буду задавать вопросы, которые быть может Вам покажутся странными. Сегодня, здесь, в Кремле, я видел некоторые реликвии Петра Великого, и первый вопрос, который я хочу Вам задать, следующий: допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?

С т а л и н. Ни в каком роде. Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна.

Л ю д в и г. Но ведь Петр Великий очень много сделал для развития своей страны, для того, чтобы перенести в Россию западную культуру.

С т а л и н. Да, конечно, Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры. Что касается меня, то я только ученик Ленина и моя цель — быть достойным его учеником. Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении другого

класса, а именно — рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо национального государства, а укрепление государства социалистического, и значит—интернационального, при чем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса. Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной.

Вы видите, что Ваша параллель не подходит.

Что касается Ленина и Петра Великого, то последний был кашлей в море, а Ленин — целый океан.

Л ю д в и г. Марксизм отрицает выдающуюся роль личности в истории. Не видите ли Вы противоречия между материалистическим пониманием истории и тем, что Вы все-таки признаете выдающуюся роль исторических личностей?

С т а л и н. Нет, противоречия здесь нет. Марксизм вовсе не отрицает роли выдающихся личностей или того, что люди делают историю. У Маркса, в его «Ницете философии» и других произведениях, Вы можете найти слова о том, что именно люди делают историю. Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить. Если они этих условий не понимают и хотят эти условия изменить так, как им подсказывает их фантазия, то они, эти люди, попадают в положение Дон-Кихота. Таким образом, как раз по Марксу вовсе не следует противопоставлять людей условиям. Именно люди, но лишь постольку они правильно понимают условия, которые они застали в готовом виде, и лишь постольку они понимают, как эти условия изменить,—делают историю. Так, по крайней мере, понимаем Маркса мы, русские большевики. А мы изучали Маркса не один десяток лет.

Л ю д в и г. Лет 30 тому назад, когда я учился в университете, многочисленные немецкие профессора, считавшие себя сторонниками материалистического понимания истории, внушали нам, что марксизм отрицает роль героев, роль героических личностей в истории.

С т а л и н. Это были вульгаризаторы марксизма. Марксизм никогда не отрицал роли героев. Наоборот, роль эту он признает значительной, однако, с теми оговорками, о которых я только что говорил.

Л ю д в и г. Вокруг стола, за которым мы сидим, 16 стульев. За границей, с одной стороны, знают, что СССР — страна, в которой все должно решаться коллегиально, а с другой стороны знают, что все решается единолично. Кто же решает?

С т а л и н. Нет, единолично нельзя решать. Единоличные решения всегда или почти всегда — односторонние решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, могущие высказать

и неправильные мнения. На основании опыта трех революций, мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не проверенных, не исправленных коллективно, 90 решений — односторонние. В нашем руководящем органе, в Центральном комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, имеется около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки народностей Советского союза и национальной политики. В этом ареопаге сосредоточена мудрость нашей партии. Каждый имеет возможность исправить чье-либо единоличное мнение, предложение. Каждый имеет возможность внести свой опыт. Если бы этого не было, если бы решения принимались единолично, мы имели бы в своей работе серьезнейшие ошибки. Поскольку же каждый имеет возможность исправлять ошибки отдельных лиц, и поскольку мы считаемся с этими исправлениями, наши решения получаются более или менее правильными.

Л ю д в и г. За Вами десятки лет подпольной работы. Вам приходилось подпольно перевозить и оружие, и литературу и т. д. Не считаете ли Вы, что враги советской власти могут заимствовать Ваш опыт и бороться с советской властью теми же методами?

С т а л и н. Это, конечно, вполне возможно.

Л ю д в и г. Не в этом ли причина строгости и беспощадности Вашей власти в борьбе с ее врагами?

С т а л и н. Нет, главная причина не в этом. Можно привести некоторые исторические примеры. Когда большевики пришли к власти, они сначала проявляли по отношению к своим врагам мягкость. Большевики продолжали существовать легально и выпускали свою газету. Эсеры также продолжали существовать легально и имели свою газету. Даже кадеты продолжали издавать свою газету. Когда генерал Краснов организовал контрреволюционный поход на Ленинград и попал в наши руки, то по условиям военного времени мы могли его по меньшей мере держать в плену, более того, мы должны были бы его расстрелять. А мы его выпустили «на честное слово». И что же? Вскоре выяснилось, что подобная мягкость только подрывает крепость советской власти. Мы совершили ошибку, проявляя подобную мягкость по отношению к врагам рабочего класса. Если бы мы повторили и дальше эту ошибку, мы совершили бы преступление по отношению к рабочему классу, мы предали бы его интересы. И это вскоре стало совершенно ясно. Очень скоро выяснилось, что чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги оказывают. Вскоре правые эсеры — Гоц и др. и правые меньшевики организовали в Ленинграде контрреволюционное выступление юнкеров, в результате которого погибло много наших революционных матросов. Тот же Краснов, которого мы выпустили «на честное слово», организовал белогвардейских казаков. Он объединился с Мамоновым и в течение двух лет вел вооруженную борьбу против советской власти. Вскоре оказалось, что за спиной этих белых

генералов стояли агенты западных капиталистических государств — Франции, Англии, Америки, Японии. Мы убедились в том, как мы ошибались, проявляя мягкость. Мы поняли из опыта, что с этими врагами можно справиться лишь в том случае, если применять к ним самую беспощадную политику подавления.

Л ю д в и г. Мне кажется, что значительная часть населения Советского союза испытывает чувство страха, боязни перед советской властью, и что на этом чувстве страха в определенной мере покоится устойчивость советской власти. Мне хотелось бы знать, какое душевное состояние создается у Вас лично при сознании, что в интересах укрепления власти надо внушать страх. Ведь в общении с Вашими товарищами, с Вашими друзьями Вы действуете совсем иными методами, а не методами внушения боязни, а населению внушается страх.

С т а л и н. Вы ошибаетесь. Впрочем, Ваша ошибка — ошибка многих. Неужели Вы думаете, что можно было бы в течение 14 лет удерживать власть и иметь поддержку миллионов масс благодаря методу запугивания, устрашения? Нет, это невозможно. Лучше всех умело запугивать царское правительство. Оно обладало в этой области громадным старым опытом. Европейская, в частности французская буржуазия, всячески помогала в этом царизму и учила его устрашать народ. Несмотря на этот опыт, несмотря на помощь европейской буржуазии, политика устрашения привела к разгрому царизма.

Л ю д в и г. Но ведь Романовы продержались 300 лет.

С т а л и н. Да, но сколько было восстаний и возмущений на протяжении этих 300 лет: восстание Стеньки Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 года, революция в феврале 1917 г., Октябрьская революция. Я уже не говорю о том, что нынешние условия политической и культурной жизни страны в корне отличаются от условий старого времени, когда темнота, некультурность, покорность и политическая забитость масс давали возможность тогдашним «правителям» оставаться у власти на более или менее продолжительный срок.

Что касается народа, что касается рабочих и крестьян СССР, то они вовсе не такие смиренные, покорные и запуганные, какими Вы себе их представляете. В Европе многие представляют себе людей в СССР по-старинке, думая, что в России живут люди, во-первых, покорные, во-вторых, ленивые. Это устарелое и в корне неправильное представление. Оно создано в Европе с тех времен, когда стали наезжать в Париж русские помещики, транжирили там награбленные деньги и бездельничали. Это были действительно безвольные и никчемные люди. Отсюда делались выводы о «русской лени». Но это ни в какой мере не может касаться русских рабочих и крестьян, которые добывали и добывают средства к жизни своим собственным трудом. Довольно странно считать покорными и ленивыми русских крестьян и рабочих, проделавших в короткий срок три революции, разгромивших царизм и буржуазию и победоносно строящих ныне социализм.

Вы только что спрашивали меня, решает ли у нас все один человек. Никогда, ни при каких условиях, наши рабочие не потерпели бы теперь власти одного лица. Самые крупные авторитеты сходят у нас на-нет, пре-

вращаются в ничто, как только им перестают доверять рабочие массы, как только они теряют контакт с рабочими массами. Плеханов пользовался совершенно исключительным авторитетом. И что же? Как только он стал политически хромать, рабочие его забыли, отошли от него и забыли его. Другой пример: Троцкий. Троцкий тоже пользовался большим авторитетом, конечно, далеко не таким, как Плеханов. И что же? Как только он отошел от рабочих, его забыли.

Л ю д в и г. Совсем забыли?

С т а л и н. Вспоминают иногда,—со злобой.

Л ю д в и г. Все со злобой?

С т а л и н. Что касается наших сознательных рабочих, то они вспоминают о Троцком со злобой, с раздражением, с ненавистью.

Конечно, имеется некоторая небольшая часть населения, которая действительно боится советской власти и борется с ней. Я имею в виду остатки умирающих, ликвидируемых классов и прежде всего незначительную часть крестьянства,—кулачество. Но тут речь идет не только о политике устрашения, которая действительно существует. Всем известно, что мы, большевики, не ограничиваемся здесь устрашением и идем дальше, ведя дело к ликвидации этой буржуазной прослойки.

Но если взять трудящееся население СССР, рабочих и трудящихся крестьян, представляющих не менее 90 проц. населения, то они стоят за советскую власть и подавляющее большинство их активно поддерживает советский режим. А поддерживают они советский строй потому, что этот строй обслуживает коренные интересы рабочих и крестьян. В этом основа прочности советской власти, а не в политике так называемого устрашения.

Л ю д в и г. Я Вам очень благодарен за этот ответ. Прошу Вас извинить меня, если я Вам задам вопрос, могущий Вам показаться странным. В Вашей биографии имеются моменты, так сказать «разбойных» выступлений. Интересовались ли Вы личностью Степана Разина. Каково Ваше отношение к нему, как «идейному разбойнику»?

С т а л и н. Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства. Но, конечно, какую-нибудь аналогию с большевиками тут нельзя проводить. Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг.

Как видите, аналогия с большевиками никак не подходит.

Л ю д в и г. Разрешите задать Вам несколько вопросов из Вашей биографии. Когда я был у Масарика, то он мне заявил, что осознал себя социалистом уже с 6-летнего возраста. Что и когда сделало Вас социалистом?

С т а л и н. Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или с 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе.

Л ю д в и г. Что Вас толкнуло на оппозиционность? Был может плохое обращение со стороны родителей?

С т а л и н. Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения.

Л ю д в и г. Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?

С т а л и н. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе. Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство,—что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики.. Что может быть в этом положительного?

Л ю д в и г. Я наблюдаю в Советском союзе исключительное уважение ко всему американскому, я бы сказал даже преклонение перед всем американским, т. е. перед страной доллара, самой последовательной капиталистической страной. Эти чувства имеются и в Вашем рабочем классе, и относятся они не только к тракторам и автомобилям, но и к американцам вообще. Чем Вы это объясняете?

С т а л и н. Вы преувеличиваете. У нас нет никакого особого уважения ко всему американскому. Но мы уважаем американскую деловитость во всем,—в промышленности, в технике, в литературе, в жизни. Никогда мы не забываем о том, что САСШ — капиталистическая страна. Но среди американцев много здоровых людей в духовном и физическом отношении, здоровых по всему своему подходу к работе, к делу. Этой деловитости, этой простоте мы и сочувствуем. Несмотря на то, что Америка высоко развитая капиталистическая страна, нам нравы в промышленности, навыки в производстве содержат нечто от демократизма, чего нельзя сказать о старых европейских капиталистических странах, где все еще живет дух барства феодальной аристократии.

Л ю д в и г. Вы даже не подозреваете, как Вы правы.

С т а л и н. Как знать, может быть и подозреваю. Несмотря на то, что феодализм, как общественный порядок, давно уже разбит в Европе,

значительные пережитки его продолжают существовать и в быту и в нравах. Феодальная среда продолжает выделять и техников, и специалистов, и ученых, и писателей, которые вносят барские нравы в промышленность, в технику, науку, литературу. Феодальные традиции не разбиты до конца. Этого нельзя сказать об Америке, которая является страной «свободных колонизаторов», без помещиков, без аристократов. Отсюда крепкие и сравнительно простые американские нравы в производстве. Наши рабочие-хозяйственники, побывавшие в Америке, сразу подметили эту черту. Они не без некоторого приятного удивления рассказывали, что в Америке в процессе производства трудно отличить с внешней стороны инженера от рабочего. И это им нравится, конечно. Совсем другое дело в Европе.

Но если уже говорить о наших симпатиях к какой-либо нации, или вернее к большинству какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам. С этими симпатиями не сравнить наших чувств к американцам!

Л ю д в и г. Почему именно к немецкой нации?

С т а л и н. Я прежде всего констатирую это, как факт.

Л ю д в и г. За последнее время среди некоторых немецких политиков наблюдаются серьезные опасения, что политика традиционной дружбы СССР и Германии будет оттеснена на задний план. Эти опасения возникли в связи с переговорами СССР с Польшей. Если бы в результате этих переговоров признание нынешних границ Польши со стороны СССР стало бы фактом, то это означало бы тяжелое разочарование для всего германского народа, который до сих пор считает, что СССР борется против версальской системы и не собирается ее признавать.

С т а л и н. Я знаю, что среди некоторых немецких государственных деятелей наблюдается известное недовольство и тревога по поводу того, как бы Советский союз в своих переговорах или в каком-либо договоре с Польшей не совершил шаг, который означал бы, что Советский союз дает свою санкцию, гарантию владениям и границам Польши. По моему мнению, эти опасения ошибочны. Мы всегда заявляли о нашей готовности заключить с любым государством пакт о ненападении. С рядом государств мы уже заключили эти пакты. Мы заявляли открыто о своей готовности подписать подобный пакт и с Польшей. Если мы заявляем, что мы готовы подписать пакт о ненападении с Польшей, то мы это делаем не ради фразы, а для того, чтобы действительно такой пакт подписать. Мы политики, если хотите, особого рода. Имеются политики, которые сегодня обещают или заявляют одно, а на следующий день либо забывают, либо отрицают то, о чем они заявляли, и при этом даже не краснеют. Так мы не можем поступать. То, что делается во-вне, неизбежно становится известным и внутри страны, становится известным всем рабочим и крестьянам. Если бы мы говорили одно, а делали другое, то мы потеряли бы наш авторитет. В момент, когда поляки заявили о своей готовности вести с нами переговоры о пакте о ненападении, мы, естественно, согласились и приступили к переговорам.

Что является с точки зрения немцев наиболее опасным из того, что может произойти? Изменение отношений к немцам, их ухудшение? Но для

этого нет никаких оснований. Мы, точно так же, как и поляки, должны заявить в пакте, что не будем применять насилия, нападения для того, чтобы изменить границы Польши, СССР или нарушить их независимость. Так же, как мы даем это обещание полякам, точно так же и они дают нам такое же обещание. Без такого пункта о том, что мы не собираемся вести войны, чтобы нарушить независимость или целостность границ наших государств, без подобного пункта нельзя заключать пакт. Без этого нечего и говорить о пакте. Таков максимум того, что мы можем сделать. Является ли это призыванием версальской системы? Нет. Или может быть это является гарантированием границ? Нет. Мы никогда не были гарантами Польши и никогда ими не станем, так же как Польша не была и не будет гарантом наших границ. Наши дружественные отношения к Германии остаются такими же, какими были до сих пор. Таково мое твердое убеждение.

Таким образом, опасения, о которых Вы говорите, совершенно необоснованы. Опасения эти возникли на основании слухов, которые распространялись некоторыми поляками и французами. Эти опасения исчезнут, когда мы опубликуем пакт, если он будет подписан Польшей. Все увидят, что он не содержит ничего против Германии.

Л ю д в и г. Я Вам очень благодарен за это заявление. Разрешите задать Вам следующий вопрос: Вы говорите об «уравниловке», при чем это слово имеет определенный иронический оттенок по отношению ко всеобщему уравнению. Но ведь всеобщее уравнение является социалистическим идеалом.

С т а л и н. Такого социализма, при котором все люди получали бы одну и ту же плату, одинаковое количество мяса, одинаковое количество хлеба, носили бы одни и те же костюмы, получали бы одни и те же продукты в одном и том же количестве,—такого социализма марксизм не знает. Марксизм говорит лишь одно: пока окончательно не уничтожены классы, и пока труд не стал из средства для существования первой потребностью жизни, добровольным трудом на общество, люди будут оплачиваться за свою работу по труду. «От каждого по его способностям, каждому по его труду»,—такова марксистская формула социализма, т. е. формула первой стадии коммунизма, первой стадии коммунистического общества. Только на высшей стадии коммунизма, только при высшей фазе коммунизма каждый, трудясь в соответствии со своими способностями, будет получать за свой труд в соответствии со своими потребностями. «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

Совершенно ясно, что разные люди имеют и будут иметь при социализме разные потребности. Социализм никогда не отрицал разницу во вкусах, в количестве и качестве потребностей. Прочтите, как Маркс критиковал Штирнера за его тенденции к уравниловке, прочтите марксову критику Готской программы 1875 г., прочтите последующие труды Маркса, Энгельса, Ленина, и Вы увидите, с какой резкостью они нападают на уравниловку. Уравниловка имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма». Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом. Только люди, не знакомые с марксизмом, могут

представлять себе дело так примитивно, будто русские большевики хотят собрать воедино все блага и затем разделить их поровну. Так представляют себе дело люди, не имеющие ничего общего с марксизмом. Так представляли себе коммунизм люди вроде примитивных «коммунистов» времен Кромвеля и Французской революции. Но марксизм и русские большевики не имеют ничего общего с подобными уравниловскими «коммунистами».

Л ю д в и г. Вы курите папиросу. Где Ваша легендарная трубка, г-н Сталин? Вы сказали когда-то, что слова и легенды проходят, дела остаются. Но поверьте, что миллионы за границей, не знающие о некоторых Ваших словах и делах, знают о Вашей легендарной трубке.

С т а л и н. Я забыл трубку дома.

Л ю д в и г. Я задам Вам один вопрос, который Вас может сильно поразить.

С т а л и н. Мы, русские большевики, давно разучились поражаться.

Л ю д в и г. Да и мы в Германии тоже.

С т а л и н. Да, Вы скоро перестанете поражаться в Германии.

Л ю д в и г. Мой вопрос следующий: Вы неоднократно подвергались риску и опасности, Вас преследовали. Вы участвовали в боях. Ряд Ваших близких друзей погиб. Вы остались в живых. Чем Вы это объясняете? И верите ли Вы в судьбу?

С т а л и н. Нет, не верю. Большевики, марксисты «в судьбу» не верят. Само понятие судьбы, понятие «шикзалия» — предрассудок, ерунда, пережиток мифологии, вроде мифологии древних греков, у которых богиня судьбы направляла судьбы людей.

Л ю д в и г. Значит тот факт, что Вы не погибли, является случайностью?

С т а л и н. Имеются и внутренние, и внешние причины, совокупность которых привела к тому, что я не погиб. Но совершенно независимо от этого на моем месте мог быть другой, ибо кто-то должен был здесь сидеть. «Судьба» это нечто незакономерное, нечто мистическое. В мистику я не верю. Конечно, были причины того, что опасности прошли мимо меня. Но мог иметь место ряд других случайностей, ряд других причин, которые могли привести к прямо противоположному результату. Так называемая судьба тут не при чем.

Л ю д в и г. Ленин провел долгие годы за границей, в эмиграции. Вам пришлось быть за границей очень недолго. Считаете ли Вы это Вашим недостатком, считаете ли Вы, что больше пользы для революции приносили те, которые, находясь в заграничной эмиграции, имели возможность вплотную изучать Европу, но зато отрывались от непосредственного контакта с народом, или те из революционеров, которые работали здесь, знали настроение народа, но зато мало знали Европу?

С т а л и н. Ленина из этого сравнения надо исключить. Очень немногие из тех, которые оставались в России, были так тесно связаны с русской действительностью, с рабочим движением внутри страны, как Ленин, хотя он и находился долго за границей. Всегда, когда я к нему приезжал за границу — в 1907, 1908, 1912 гг., я видел у него груды писем от практиков из России, и всегда Ленин знал больше, чем те, которые оставались

в России. Он всегда считал свое пребывание за границей бременем для себя.

Тех товарищей, которые оставались в России, которые не уезжали за границу, конечно, гораздо больше в нашей партии и ее руководстве, чем бывших эмигрантов, и они, конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты. Ведь у нас в партии осталось мало эмигрантов. На 2 миллиона членов партии их наберется 100 — 200. Из числа 70 членов ЦК едва ли больше 3 — 4 жили в эмиграции.

Что касается знакомства с Европой, изучения Европы, то, конечно, те, которые хотели изучать Европу, имели больше возможностей сделать это, находясь в Европе. И в этом смысле те из нас, которые не жили долго за границей, кое-что потеряли. Но пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода, беллетристической или научной. При прочих равных условиях, конечно, легче изучить Европу, побывав там. Но тот минус, который получается у людей, не бывавших надолго в Европе, не имеет большого значения. Наоборот, я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлоттенбурге или в Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и все же не сумели изучить Европу и не поняли ее.

Л ю д в и г. Не считаете ли Вы, что у немцев, как нации, любовь к порядку развита больше, чем любовь к свободе?

С т а л и н. Когда-то в Германии действительно очень уважали законы. В 1907 г., когда мне пришлось прожить в Берлине 2 — 3 месяца, мы, русские большевики, нередко смеялись над некоторыми немецкими друзьями по поводу этого уважения к законам. Ходил, например, анекдот о том, что когда берлинский социал-демократический форштанд назначил на определенный день и час какую-то манифестацию, на которую должны были прибыть члены организации со всех пригородов, то группа в 200 человек из одного пригорода, хотя и прибыла своевременно в назначенный час в город, но на демонстрацию не попала, ибо в течение двух часов стояла на перроне вокзала и не решалась его покинуть: отсутствовал контролер, отбирающий билеты при выходе, и некому было сдать билеты. Рассказывали шутя, что понадобился русский товарищ, который указал немцам простой выход из положения: выйти с перрона, не сдав билетов...

Но разве теперь в Германии есть что-нибудь похожее? Разве теперь в Германии уважают законы? Разве те самые национал-социалисты, которые, казалось бы, должны больше всех стоять на страже буржуазной законности, не ломают эти законы, не разрушают рабочие клубы и не убивают безнаказанно рабочих? Я уже не говорю о рабочих, которые, как мне кажется, давно уже потеряли уважение к буржуазной законности. Да, немцы значительно изменились за последнее время.

Л ю д в и г. При каких условиях возможно окончательное и полное объединение рабочего класса под руководством одной партии? Почему, как говорят коммунисты, подобное объединение рабочего класса возможно только после пролетарской революции?

С т а л и н. Подобное объединение рабочего класса вокруг коммунистической партии легче всего может быть осуществлено в результате победоносной пролетарской революции. Но оно несомненно будет осуществлено в основном еще до революции.

Л ю д в и г. Является ли честолюбие стимулом или помехой для деятельности крупной исторической личности?

С т а л и н. При различных условиях роль честолюбия различна. В зависимости от условий честолюбие может быть стимулом или помехой для деятельности крупной исторической личности. Чаще всего оно бывает помехой.

Л ю д в и г. Является ли Октябрьская революция в каком-либо смысле продолжением и завершением Великой французской революции?

С т а л и н. Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой французской революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма.

„Большевик“ № 8

Десятилетие Общества старых большевиков

Речь на торжественном заседании Общества старых большевиков 30 марта 1932 года

Товарищи, разрешите мне от имени Центрального комитета коммунистической партии большевиков передать старой ленинской гвардии коммунистический привет и поздравления с десятилетним юбилеем Общества старых большевиков. (Шумные аплодисменты).

Товарищи, десятилетие Общества старых большевиков совпадает с другим десятилетним юбилеем: в конце марта 1932 г. исполнилось 10 лет со времени XI съезда нашей партии.

Это был последний съезд нашей партии, на котором выступал Владимир Ильич Ленин. Разрешите мне остановиться на этих двух десятилетиях, неразрывно связанных между собою.

В чем суть истекшего десятилетия?

Вы помните, товарищи, как на XI съезде партии Ленин от имени ЦК нашей партии заявил, что отступление, которое продолжалось год после X съезда, закончено.

«Мы год отступали,—говорил т. Ленин. — Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута...

Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил».

XI съезд партии под непосредственным руководством Владимира Ильича развернул тогда программу перегруппировки наших сил на основе новой экономической политики.

Перегруппировка сил для нового наступления новыми методами, новыми средствами к той же великой цели — построения социализма в нашей стране,—таков основной смысл XI съезда партии.

Товарищи, это десятилетие с 1922 г. по 1932 г., от XI съезда до XVII конференции ВКП(б), было десятилетием успешной перегруппировки сил и успешного наступления на рельсах нэпа. Оно было десятилетием грандиозной борьбы большевиков за победу ленинского плана.

Вспомним такие исторические вехи этого героического большевистского наступления, как XIV, XV и XVI партийные съезды.

Тов. Сталин дал исключительно четкую политическую характеристику роли этих исторических съездов нашей партии.

«XIV съезд был, по преимуществу, съездом индустриализации. XV съезд был, по преимуществу, съездом коллективизации. Это была подготовка к общему наступлению».

Основой наших успехов в деле подготовки к общему наступлению являлся мощный подъем нашей социалистической промышленности и в первую очередь тяжелой индустрии. Борьба за упрочение ее ведущей роли составила, как вы помните, товарищи, содержание целой полосы нашего развития. Побеждая на этом решающем участке, мы подготовили успешное продвижение вперед и в области сельского хозяйства, насаждая совхозы, всемерно поддерживая колхозы, которые еще в 1928 г. объединяли только 1,7 проц. всех крестьянских хозяйств.

«В отличие от пройденных этапов,—говорил т. Сталин,—период перед XVI съездом является периодом общего наступления со-

циализма по всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI съезд есть съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации».

На путях этого развернутого наступления социализма по всему фронту мы уже одержали крупнейшую победу всемирно-исторического значения. Мы завершили построение фундамента социалистической экономики. Мы продолжаем наше наступление и движемся вперед — к полному построению социализма.

Обосновывая необходимость новой экономической политики, Ленин подчеркивал, что новая экономическая политика есть единственный способ найти «настоящий подход к социалистической экономике, построению ее фундамента». В период XI съезда партии Ленин подчеркивал, что «фундамент еще не создан».

Теперь, когда после десятилетия напряженной борьбы партия и трудящиеся разрешили эту сложнейшую задачу построения фундамента социалистической экономики, каждому мало-мальски политически грамотному человеку ясно, что именно в паре партия нашла единственный способ решения этой задачи. А вспомните, товарищи, как партии приходилось за эти десять лет отбивать попытки оппортунистов ревизовать экономическую политику партии!

Партии и сейчас приходится жестко одергивать тех, кто пробует перепрыгнуть через еще не разрешенные задачи, кто толкует об «отмирании денег» или пытается подменить задачу развертывания советской торговли «левацкими» проектами «социалистического продуктообмена».

Вы знаете, что и в деле коллективизации, несмотря на совершенно четкие директивы нашей партии, еще нередки случаи таких «заскоков». Совсем недавно ЦК ВКП(б) должен был призвать к порядку тех, кто стремится подтолкнуть ход развития наших колхозов, забегает вперед, принудительным путем сгоняет коров и мелкий скот колхозников в общее колхозное стадо и думает этим способом ускорить разрешение сложной задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

«Первые шаги нашего наступления,—говорил Ильич,—должны быть «архимедленными» и «архиосторожными». Он говорил на XI съезде партии:

«Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем».

Ускорение нашего развития наступило. Это ускорение явилось результатом правильной ленинской политики партии, не давшей себя увлечь на путь авантюристических «прыжков в социализм».

Оно явилось результатом того, что партия разгромила оппортунистические попытки затормозить развитие большевистских темпов и стянуть партию с рельсов социалистического наступления в болото мелкобуржуазной ограниченности.

Пятилетка в четыре года — вот конкретный итог этого ускорения, победа большевистских темпов.

Свыше 60 проц. крестьянских хозяйств, об'единившихся в колхозы,— вот конкретный итог этого ускорения, победа социалистического пути в сельском хозяйстве.

Таковы факты. Они очевидны для каждого рабочего и крестьянина вашей страны. Они бесспорны для трудящихся всего мира. Их не могут опровергнуть наши враги.

На XI съезде Ленин говорил нам, что правильность нашей политики и умение партии воплотить правильную политику в жизнь проверяются самой жизнью.

Отношение крестьянства к нашей политике — «вот какой экзамен на нас неминуемо надвигается, и он, этот экзамен, все решит в последнем счете: и судьбу нэпа и судьбу коммунистической власти в России».

К XVII конференции нашей партии мы имеем совершенно ясный ответ по вопросу об этом экзамене: поворот крестьянских масс к социализму, который определился уже ко времени XVI съезда партии, обеспечивает теперь завершение в 1932 — 33 гг. коллективизации сельского хозяйства в СССР.

Понятно, что в колхозах еще немало трудностей. Колхозник — это вчерашний собственник-крестьянин, который нередко еще оглядывается назад. Перед нами во весь рост стоят задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов, перевоспитания колхозников, создания новой коллективной дисциплины, без которой нет и не может быть коллективного труда.

Эти задачи партия решает проверенным ленинским методом, подводя к ним вплотную массы так, чтобы они сами убедились в необходимости мероприятий, с которыми к ним идет наша партия. Голое администрирование — это извращение политики партии в вопросах коллективизации. Это не наши, не большевистские методы подхода к массам.

Но и в хвосте у масс большевики никогда не шли. Мы завершим сплошную коллективизацию СССР на путях нашего развернутого большевистского наступления во главе масс, руководя их движением вперед к социализму.

Тот факт, что социалистический сектор нашего хозяйства занял преобладающее положение, свидетельствует бесспорно о том, что уже теперь разрешен окончательно и бесповоротно вопрос «кто кого», — разрешен в пользу социализма и в городе и в деревне.

Вспомним, товарищи, как Ленин ставил этот вопрос на XI съезде. Он говорил:

«Последний решительный бой... с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства,—предстоит в ближайшем будущем, бой, срок которого нельзя точно определить.

Тут предстоит «последний решительный бой», тут больше никаких ни политических, ни всяких других обходов быть не может, ибо это экзамен соревнования с частным капиталом.

Либо мы этот экзамен соревнования с частным капиталом выдержим, либо это будет полный провал».

Вот как остро ставил этот вопрос Владимир Ильич.

Мы выдержали этот экзамен. Мы ликвидируем кулачество. Во вторую пятилетку капиталистические элементы должны быть полностью ликвидированы, должны быть уничтожены причины, рождающие деление общества на классы.

Ленинский план наступления на рельсах нэпа победил. Таковы основные политические итоги этого большого и трудного исторического десятилетия.

Поставим, товарищи, еще один вопрос в связи с основными итогами этого исторического десятилетия,—в чем же коренная и решающая причина достигнутых нами успехов?

Вспомним условия внутривнутрипартийного развития в течение этого десятилетия, трудные дни нашей борьбы, участниками которой все мы были.

Это была борьба за ленинизм, борьба за единство партии, за ее большевистскую дисциплину.

~~В процессе~~ этой борьбы партия разгромила и выбросила из своих рядов троцкистов, «рабочую оппозицию», сапроновцев, разбила наголову правых уклонистов и «леваков».

Победил ленинизм против троцкизма, который превратился в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, по выражению т. Стал. Победил ленинизм против правооппортунистических либеральных теорий, являющихся рупором кулацкого сопротивления и реставраторских замыслов буржуазии.

Победило ленинское единство партии на четкой принципиальной основе ленинской политики партии против оппозиционных намерений превратить партию в беспринципный блок фракций и группировок. Победила железная большевистская дисциплина против мелкобуржуазной расхлябанности и барского анархизма оппозиции.

Коллективное руководство ленинского ЦК одержало победу над претензиями отдельных «вождей», возомнивших себя сверхчеловеками и оставшихся полководцами без армии.

Таково содержание этого десятилетия внутрипартийного развития.

Этим партия обеспечила ленинское руководство массами, укрепила связь с ними, вобрала в свои ряды их лучших, передовых представителей.

Этим партия обеспечила победу социалистических элементов над элементами капиталистическими, разгромила контрреволюционные заговоры агентуры международной буржуазии и кулачества, дала отпор всем и всяческим попыткам империалистов помешать нашему строительству.

За эти годы все мы на опыте еще лучше познали, что вопрос о единстве партии, о партийной дисциплине — это вопрос о крепости пролетарской диктатуры.

Задача укрепления пролетарской диктатуры стоит перед нами сейчас как важнейшее условие окончательной ликвидации капиталистических элементов и полного уничтожения классов в нашей стране. Эта задача неразрешима без дальнейшего укрепления нашей большевистской партии и ее руководства массами.

«Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов» — это положение т. Сталина, проверенное на опыте дореволюционной истории большевистской партии, полностью подтверждено опытом борьбы партии на два фронта за эти десять лет.

В этой борьбе Общество старых большевиков было верной опорой и помощником ленинского ЦК нашей партии.

Было бы, понятно, неверно представлять историю нашего внутрипартийного развития так, что все без исключения старые большевики оказались до конца верными ленинцами.

Прошедшие десять лет были трудными годами. Партия проделывала сложный маневр наступления с крутыми поворотами. Кое-кто не сумел понять необходимость этих поворотов и сбился с правильного, ленинского пути.

Вот как т. Сталин характеризовал на XV съезде партии это положение:

«Если просмотреть историю нашей партии, то станет ясным, что всегда, при известных серьезных поворотах нашей партии, известная часть старых лидеров выпадала из тележки большевистской партии, очищая место для новых людей. Поворот — это серьезное дело. Поворот опасен для тех, кто некрепко сидит в партийной тележке. При повороте не всякий может удержать равновесие. Повернул тележку, гляди — и кое-кто выпал из нее».

Да, у нас такие случаи были. Это неизбежно. Были такие единицы и из среды старых большевиков.

Вот в чем один из уроков этого десятилетия. Никакие старые заслуги не обеспечивают члену партии доверия партии, если он утрачивает боль-

шевистскую непримиримость, если он оказывается рупором враждебной идеологии.

Тут ничто не поможет: ни славное прошлое, ни долгие годы борьбы на плечах, ни бывшее доверие партии. В тот период тяжелой, напряженной, упорной борьбы, какой мы переживаем, партия не может, не имеет права оставлять у руководства таких своих членов.

Не голым признанием своих ошибок должен восстанавливать поколебленное доверие член партии, а подлинно большевистской борьбой за исправление этих ошибок на деле, активным участием в боях, какие партия ведет против врагов пролетарской диктатуры и против их агентуры внутри партии в лице оппортунистических элементов.

Победа ленинизма, победа партии в борьбе за самоочищение от оппортунистических элементов, еще большее сплочение и укрепление партии под руководством ее ленинского ЦК — таков итог истекшего десятилетия.

В этом ключ к одержанным нами за десять лет победам на фронте социалистического наступления.

В течение этого десятилетия непосредственно на опыте борьбы на два фронта против всех и всяких внутрипартийных уклонов партия воспринимала те свои новые пополнения, какие вливались в наши ряды за эти годы. Вы помните, как уже в первые годы истекшего десятилетия сотни тысяч коммунистов ленинского призыва чрезвычайно расширили связи партии с массами и усилили ее пролетарский костяк. Новые люди пришли за эти десять лет в партию. Новые поколения поднялись к активной политической жизни.

В чем суть большевистского воспитания этих новых кадров партии, каковы задачи старого поколения большевиков, которое вместе с Лениным строило партию и вело рабочий класс через три революции к диктатуре пролетариата? В чем сила этих коренных старых кадров партии?

Вот несколько вопросов, совершенно необходимых для понимания основных причин, движущих наше дело успешно вперед.

Эти вопросы особенно кстати сегодня — на десятилетнем юбилее общества старых большевиков.

Накануне XI съезда в своем письме от 26 марта 1922 г. т. Ленин отмечал «громадный, безраздельный авторитет того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». Общество старых большевиков и объединяет именно эту старую большевистскую, ленинскую гвардию.

Авторитет старого поколения большевиков есть результат того, что в старой гвардии воплощен опыт развития большевизма.

Ленин в «Детской болезни «левизны»» характеризовал основные черты большевизма «как течения политической мысли и как политической партии»:

«С одной стороны, большевизм возник в 1903 г. на самой прочной базе теории марксизма... Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувекковой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сооставления опыта Европы».

«С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903 — 1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете».

Опыт этой практической истории воплощен в старых большевистских **Мирах.**

С каждым годом тончайший слой старой партийной гвардии становится все тоньше. А партия растет и насчитывает 2,5 млн. человек. Из них 1.600 тыс. человек пришли в ряды партии за два последних года. За один только последний 1931 год партия приняла миллион новых бойцов за дело коммунизма!

Это дело естественное: «Наша партия есть живой организм,—говорил на XV съезде т. Сталин,—растут новые, и вверху и внизу, ведя дело вперед».

Громадный рост нашей партии, товарищи, это также совершенно очевидное доказательство правоты нашего дела. Очень печально конечно, что старых сил становится год от года меньше, но это неизбежно. Но радостно, товарищи, то, что на место каждого из уходящих старых бойцов становятся сотни и тысячи новых. Миллионы пролетариев — коммунисты, комсомольцы, пионеры — идут продолжать дело тех стариков, которые отдали свои силы, здоровье, жизнь за дело рабочего класса. Это радостно, это успокаивает, это вознаграждает, товарищи!

Преимственность поколений в партии, передача революционного опыта, овладение историей большевистской партии — таковы задачи. Именно в этом основа идейного единства нашей партии и глубочайший источник большевистской дисциплины.

Большевистское воспитание новых пополнений — вот основное звено внутрипартийной работы. Партия решает эту задачу сочетанием партийно-массовой работы, активного участия коммунистов в социалистическом строительстве и систематической политической учебы.

История партии — основное орудие политической учебы. Из этого в частности вытекают и задачи Общества старых большевиков. По-моему, эти задачи совершенно четко зафиксированы в уставе Общества. Это всемерное использование революционного опыта старых большевиков в помощь партии и ее ленинскому ЦК, оказание влияния на широкие массы молодых товарищей в духе старых товарищеских традиций большевизма, собирание историко-революционных материалов и воспоминаний участников большевистской работы.

Задача большевистского воспитания не есть такая задача, которая разрешается спокойно, плавно, «академическим» порядком. Она решается в процессе борьбы партии за закрепление новых кадров, против классово-враждебных попыток протащить через оппортунистическую агентуру антипартийную контрабанду. Нынешний этап внутрипартийного развития тем и характерен, что наши противники применяют тонкие методы маскировки и направляют свои усилия на овладение источниками идейного воспитания партийных масс.

Вы помните, что оппозиция не раз пыталась отвоевать у партии молодежь, в том числе и комсомол. Но правильное руководство ленинского ЦК и теснейшая связь большевистской гвардии с молодыми коммунистами явились той гранитной стеной, о которую разбились лбы оппортунисты всех мастей. В органической связи старой партийной гвардии с партийным и комсомольским молодняком — залог успешного движения вперед нашего дела.

Таковы, товарищи, в немногих словах важнейшие итоги истекшего десятилетия, вне которых нельзя себе представить правильно ход развития и Общества старых большевиков.

Мы, большевики, не любители проводить юбилей и годовщины и подводить итоги только для воспоминаний.

Мы обращаемся к опыту прошлого развития для того, чтобы яснее и лучше видеть то, что предстоит нам впереди, чтобы мобилизовать наши силы, чтобы учиться самим и учить других, готовясь к решению новых задач.

Задачи наши велики. Условия нашей борьбы сложны. Но и силы у нас, товарищи, немалые и опыт за плечами у нас чего-нибудь да стоит.

Мне вспоминается, как после смерти Владимира Ильича многие товарищи спрашивали друг друга, как быть, кто поведет партию в этой трудной обстановке. Прошло десять лет — и, подводя итоги, мы констатируем единодушное боевое сплочение партии вокруг большевистского ЦК во главе с т. Сталиным.

Мы намечаем практические пути для полного построения бесклассового социалистического общества и мы уверены, что мы и впредь будем идти вперед такими же гигантскими шагами и достигнем поставленной нами великой исторической цели.

Разрешите мне еще раз от имени ЦК ВКП(б) передать товарищам коммунистический привет. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы).

„Мы подняли нашу революцию на невиданную еще в мире высоту. Никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она ни могла принести еще миллионам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возьмет назад, ибо это уже теперь не „наше“, а всемирно историческое завоевание“.

(Ленин, Заключительное слово на XI съезде партии),

М. Н. Покровский— большевистский историк

I

В историю нашей партии и в марксистскую историографию имя М. Н. Покровского прочно войдет как имя большевистского историка.

Все его развитие как историка-марксиста, начиная с первых его исторических работ, еще носивших печать так называемого экономического материализма, и кончая его позднейшими работами, в которых он твердо становится на почву революционного марксизма, были лишь этапами по пути превращения его в историка-большевика, историка-ленинца.

Не случайно, что почти все его статьи последних лет базируются на внимательном и тонком анализе ленинских высказываний по отдельным и общим вопросам истории и что именно Ленину, его историческому методу и оценкам отдельных вопросов М. Н. Покровский посвятил ряд специальных статей («Ленин в русской революции», «Ленин как тип революционного вождя», «Ленин и внешняя политика», «Ленинизм и русская история» и др.).

Особенно ценными и важными для своей схемы М. Н. считал те методологические и конкретно-исторические замечания Ленина по вопросам общего хода русского исторического процесса, с которыми он ознакомился в считавшейся затерянной брошюре Ленина: «Что такое друзья народа и как они воюют с социал-демократами». Ознакомление с этой брошюрой заставило М. Н. пересмотреть, изменить и уточнить некоторые свои формулировки о крепостничестве, торговом капитале и пр.

М. Н. Покровский считал себя—и в действительности являлся—учеником Ленина, видевшим в марксизме-ленинизме и в решениях партии важнейший критерий для разрешения всех основных проблем и установок исторической науки.

«Нужно очень хорошо знать Ленина, нужно очень хорошо знать Маркса и Энгельса»—постоянно, вплоть до последних дней, повторял М. Н., обращаясь к многочисленным подрастающим кадрам историков и призывая их быть «настоящими

М. Н. Покровский в 1908 г.

большевистскими теоретиками, представителями большевистской науки, твердым оплотом партии в ее борьбе со всякими попытками искажений ленинской теории» (речь на 10-летию ИКП).

М. Н. Покровский особенно любил слова Ленина: «Для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира». Эти слова он считал отправным пунктом своего и вообще всякого марксистского анализа прошлого. Изучение истории буржуазного мира до самой его глубины, до его корней необходимо для победы пролетариата — такова исходная позиция В. И. Ленина. Целиком и полностью на нее становится и М. Н. Покровский, формируясь на основе учения Ленина как подлинно большевистский историк. Именно поэтому такой заостренный и отчетливо политический характер приобретают суммированные М. Н. в статьях и речах за последние несколько лет его взгляды на роль и значение истории, на ее связь с политикой, с современными задачами рабочего класса, на увязку теории с практикой и т. п. В очень сжатом изложе-

нии эти его взгляды сводятся к следующему. Историей нельзя заниматься ради истории. Маркс, Энгельс и Ленин, очень часто прибегавшие к истории, все свои исторические работы и анализы посвящали задачам борьбы рабочего класса и из них исходили.

История — орудие в руках борющегося класса. Каким бы словесным маскарадом ни приукрашивали свои истинные классовые намерения историки, начиная от крепостника Карамзина и кончая такими столпами буржуазной исторической науки, как Ключевский и Милюков, для нас теперь ясно, что история использовывалась ими отнюдь не в качестве легкого эстетического занятия.

«Объективной», внеклассовой истории не существует.

Самая формула «объективной» истории была придумана буржуазией как средство одурманивания масс, к чему направлена и вся ее система, прикрытая флером демократии.

Пролетариат должен твердо усвоить, что история — самая политическая из наук, и что она непосредственным образом связана с делом пролетарской борьбы, с победой пролетарской революции. «Суть истории в том... — говорил М. Н. Покровский, — что это — самая политическая из всех наук, и ее увязка теории с практикой заключается в том, что история должна непосредственно и неустанно раз'яснять массам происходящую классовую борьбу, вскрывать корни, иногда глубоко скрытые, классовых противоречий, словом, обнажать и подвергать беспощадному марксистско-ленинскому анализу все те политические конфликты, которые перед нами происходят, что совершенно невозможно понять без исторического подхода к этим конфликтам»¹.

При изучении истории вопрос стоит так: либо изучать «историю как таковую», попадая в ловушку буржуазных исследователей, на самом деле преследующих определенные классовые цели, либо понимать и использовать историю как оружие пролетарской классовой борьбы, как средство вскрыть все и всяческие враждебные пролетариату политические течения и бороться с ее помощью против них.

У историка-марксиста не может быть колебаний в выборе, если он революционный

марксист. Не смущаясь обвинениями буржуазии по адресу марксистов в «ненаучности» и «публицистичности», необходимо твердо и решительно заявить: базой и исходным пунктом для историка-марксиста, историка-большевика должна быть только пролетарская революция.

Попытки отделить политику от истории, научное исследование от публицистики, теорию марксизма от практики революционного действия — это попытки, заведомо враждебные делу пролетарской революции.

М. Н. Покровский прямо вскрывает в этих попытках проявление буржуазной идеологии и подвергает острой критике теории Риккерта, об'явившего буржуазных историков представителями подлинной, «объективной» науки, ибо они сохраняют свои политические убеждения как свое «частное дело».

Ни один политик, неоднократно подчеркивал М. Н., не обходится без истории, и ни один историк не может и не должен обойтись без политики, т. е. без увязки всей своей научно-исторической работы с борьбой пролетариата против наемного рабства. «Там, где этой увязки нет, нет и настоящей ленинской истории» — делает свой основной вывод М. Н. Покровский.

«Только тот, кто в теории борется за интересы пролетариата, в соответствии с этим выбирает т е м ы, выбирает п р о т и в н и к а, выбирает то или иное о р у ж и е борьбы с этим противником, — только тот является настоящим историком-ленинцем»².

Но не только по буржуазным взглядам на историю или по их пережиткам бьет М. Н. в своих статьях и речах, посвященных оценкам общих задач и направления исторической науки. Он как историк-большевик выступает против всякого книжного, абстрактного, оторванного от действительности понимания истории. Он вооружается прежде всего против тех историков, которые, будучи весьма довольны тем, что Октябрьская революция предоставила им свободу исследования, отсиживаются по своим углам, мало интересуясь ходом классовой борьбы за стенами своего ученого кабинета. Но в не меньшей степени он грозит и тем, кто хотя теоретически и признает необходимость обслуживания политических потребностей пролетариата, понимает свои задачи по-книжному, оторван-

¹ «Историк-марксист» № 21, 1931 г.

² «Историк-марксист» № 21, 1931 г.

но от действительности. Он обрушивается на историков, которые «сидят где-то в дубрах Французской революции или еще где-то в довольно отдаленных местах», и которые не столько отдаленностью своей тематики, сколько манерой ее разработки показывают образец отрыва теории от практики.

Дело не в хронологии, а в подходе к тем или иным этапам или проблемам истории. Проблемы феодализма и даже родового быта например могут быть поставлены в высшей степени актуально и политически остро, если исследование ставить так, чтобы оно отвечало нашим общим политическим задачам. При этом М. Н. предупреждает, что история есть прежде всего конкретное исследование. Без разрешения конкретных задач, поставленных условиями классовой борьбы, историческая работа легко вырождается в довольно поверхностную полемику, не основанную на историческом знании.

Серьезная и глубокая увязка теории с практикой достигается в непрерывной борьбе большевистской истории с буржуазной историографией и с оппортунистическими течениями в области истории. К этому и сводится основной вывод М. Н. Покровского: «В борьбе с буржуазными историками и с оппортунистами и в беспощадном разоблачении их и получается увязка теории и практики на историческом фронте»¹.

Таков общий взгляд большевистского историка на роль и значение истории как науки, всецело отдающей себя на службу рабочему классу и пролетарской революции.

Этот итог был результатом всей научной и революционной деятельности М. Н. Покровского. Он означал неизменный путь М. Н. к оформлению его в большевистского историка. На этом пути М. Н. прошел целый ряд этапов, каждый из которых означал значительное продвижение вперед—к ленинизму в исторической науке.

Свою научную специальность—сторию—М. Н. считал одним из видов партийной работы историка-большевика. Вот почему он не боялся ломать старые схемы и строить новые, если практика революции и опыт борьбы пролетариата давали ему материал для новых выводов, более правильных с точки зрения задач и перспектив пролетарской революции. Само-

критика была одним из вернейших средств, помогавших росту и формированию М. Н. в большевистского историка. Исправляя старые ошибки, прорабатывая новые материалы, продумывая опыт и уроки революции, М. Н. Покровский шел и пришел к овладению ленинским методом исторического исследования.

II

Какие же этапы прошел М. Н. Покровский в своем развитии как большевистский историк?

Сам он свою эволюцию делит на три периода:

1. Период до 1905 г., который М. Н. называет «периодом демократических иллюзий и экономического материализма».

2. Период от революции 1905 г. до революции 1917 г., когда рушатся окончательно демократические иллюзии и классовая борьба становится стержнем изучения исторических явлений.

3. Период Октябрьской революции, доделавший в Покровском как историке то, что было заложено в нем вторым периодом, когда в исторических работах Покровского складывались общие основы его марксистского мировоззрения и оформлялась его концепция русского исторического процесса.

Объединяющей линией для всех этих трех периодов было все большее овладение методом Маркса и Ленина и все более правильное и глубокое приложение этого метода к своеобразию исторической обстановки в России, в общем ходе ее развития—от феодализма к капитализму и от капитализма к социализму—и на отдельных этапах этого развития.

Такой же общей чертой М. Н., выявившейся на протяжении всей его эволюции, был боевой характер и полемический тон всех его исторических работ.

С первых дней своего появления на научном поприще М. Н. резко порывает с традициями и с внешней «ученой» респектабельностью буржуазной профессуры и кафедр-социалистов. М. Н. не только все более понимал, но и все острее и непримиримее вскрывал, что за этой внешней «объективной» ученостью, за преклонением перед историческими традициями и авторитетами скрывается прямая апология старых порядков и отношений. Для него же научная работа в области истории означала

¹ «Историк-марксист» № 21, 1931 г.

борьбу против этих порядков, их историческое и теоретическое ниспровержение. Исторический материализм — даже в самых его первых и марксистски несовершенных работах — был в его руках оружием историка-бойца, которое он неизменно оттачивал и совершенствовал по мере овладения революционной теорией марксизма-ленинизма.

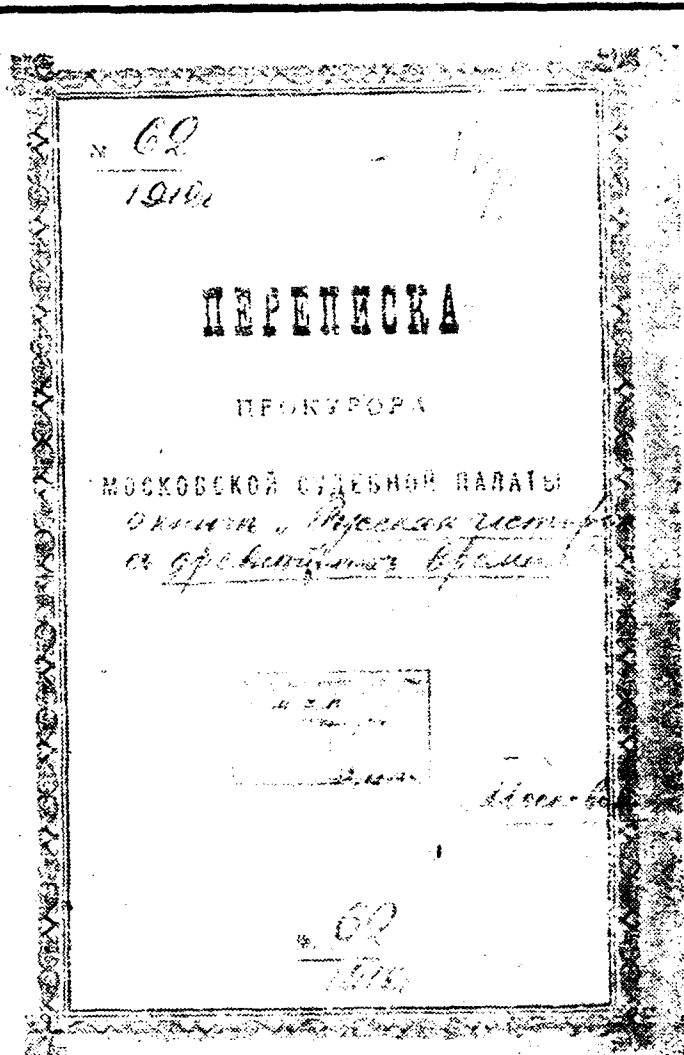
Применение этого разящего оружия у М. Н. не всегда сочеталось с соблюдением всех аксессуаров академических приличий и условностей, но там, где разворачивалась классовая борьба, трудно было помнить о деликатности обращений. Понимали классовую суть острых полемических стрел М. Н. Покровского и его противники. Недаром буржуазная профессура до революции не переставала обвинять М. Н. Покровского в том, что он — «не настоящий историк», ибо он «поддался искушению превратить науку в служанку партийной политики, и наука отомстила за себя»¹.

Отомстила не наука, а классовые служители и идеологи буржуазии и помещичьего самодержавия, не допускавшие и не допустившие М. Н. Покровского до самой Октябрьской революции занять профессорскую кафедру.

Не получив университетской трибуны, М. Н. Покровский нашел более действенную и прочную трибуну и путь к массам, какой ему открыли революция 1905 г. и большевистская партия, с которой М. Н. связал всю свою дальнейшую жизнь и под руководящим воздействием которой вырос и возмужал его талант историка-большевика. Именно эта связь с партией внесла и еще одну особенность в общий облик историка-партийца. Это — совершенно изумительное сочетание в М. Н. ученого, пропагандиста-популяризатора и практика-организатора. Именно это сочетание сделало возможным для М. Н. такое весьма легкое переключение критики оружия в оружие критики.

От непосредственного участия в вооруженном восстании, от активной борьбы в революции 1905 г. в качестве партийного пропагандиста и агитатора М. Н. сравнительно легко переключается на упорную научно-историческую работу в эмиграции, где он создает свои крупнейшие работы: «Русскую историю с древнейших времен» и первую часть очерков «История русской

¹ См. статью Кизеветтера («Русская мысль» кн. 1, 1908 г.).

Судебное дело о пятигольнике М. Н. Покровского

культуры». В этих работах он заостряет оружие критики против буржуазных исторических концепций и на широком полотне, в блестящей, острой полемической форме дает марксистский анализ русского исторического процесса.

Эти черты М. Н. Покровского остаются для него характерными до конца его жизни.

Перейдем теперь к особенностям формирования М. Н. как историка на каждом из указанных им самим этапов его эволюции.

На первом этапе М. Н. Покровский формируется как историк, еще целиком стоящий на почве экономического материализма.

Он начинает печататься в 90-х гг. Его первые работы — рецензии на исторические книжки в библиографическом отделе журнала «Русская мысль» и статьи в коллективной работе «Книга для чтения по истории средних веков» под ред. П. Г. Виноградова. Это — первый, «утробный» период развития.

90-е годы — период быстрого развития и расцвета русского промышленного капитализма и созревания в класс русского про-

летариата, вырастающего в гегемона русской революции. От разрозненных рабочих с.-д. кружков революционная социал-демократия переходит к организации под руководством В. И. Ленина «Союзов борьбы» и к попытке оформления партии (первый съезд 1898 г.). Марксизм — в результате бурных стачек — становится идеологией развертывающегося рабочего движения и привлекает широкий общественный интерес, начиная входить в моду.

М. Н. Покровский, говоря о судьбах исторического материализма в России, дал весьма образную характеристику этого этапа: «Исторический материализм пошел такой бурной волной, что захватил территорию, далеко выходящую за пределы не только революционного рабочего класса, но вообще всего связанного с пролетариатом»¹.

И это естественно.

После того как от материалистов первого призыва (Шапов, Чернышевский) не осталось к 90-м гг. почти никаких следов, ибо царская каторга и цензура, с одной стороны, и «мокрая губка» субъективно-социологического метода народников — с другой, усердно стерли эти следы, всякая подлинно-научная мысль в области истории замерла. К «моральным проблемам» народнической социологии, правда, было добавлено кое-что новое в виде теории «государственных интересов» Ключевского, но дальше этого историческая наука до начала 90-х гг. не шла.

Отдельными нелегальными ручейками просачивались издания группы «Освобождение труда» и переводные марксистские работы Общества русских издателей и переводчиков в 80-х гг. Первые марксистские работы распространялись — в силу общих политических условий — в чрезвычайно ограниченном количестве. И только работы «легальных марксистов» 90-х гг. находили гораздо более свободный выход в читательскую массу.

В такой исторической обстановке появляются первые литературные работы молодого историка М. Н. Покровского. В них он еще не марксист. Даже в работе «Хозяйственная жизнь Зап. Европы в конце средних веков» идеологические позиции М. Н. непрочно в отношении марксизма.

¹ Доклад М. Н. Покровского при открытии Общества историков-марксистов в июне 1925 г. («Историк-марксист» № 1, 1926 г.).

Методологические позиции Покровского этого раннего этапа еще определялись не марксизмом, а экономическим материализмом.

Правда, это был шаг в сторону марксизма, своего рода «историческая извилина», которую в тот период прошел не один М. Н. Покровский. «Классовой борьбы не было около нас, — а с массами мы, академики, соприкасались мало... Классовая борьба оставалась теорией и как чистая теория мало отражалась в исторических построениях»² — пишет об этом своем этапе М. Н. Покровский, указывая, что задачу экономического обоснования русского исторического процесса тогдашние историки-материалисты понимали довольно академически.

Экономический материализм был, как указывал М. Н. Покровский в своем докладе при открытии Общества историков-марксистов в 1925 г., особой «профессиональной уродливостью», на известной стадии и в некоторых отношениях даже не бесполезной для исторической науки. Он помог покончить со школой субъективной социологии (народники) и утвердить некоторые основы научного обоснования истории. Эту роль пережитой стадии экономического материализма М. Н. характеризует так:

«Для того, чтобы обосновать объяснение политических перемен экономическими, для того, чтобы вышибить раз навсегда сладенькую легенду «субъективной социологии», делившей всех исторических деятелей на добрых и злых, на симпатичных и антипатичных, — для того, чтобы проложить дорогу хотя бы элементарно-научному пониманию истории, нам пришлось собрать громадный экономический, в частности историко-статистический материал. Мы им гордились, он делал чрезвычайно наглядной и математически неопровержимой нашу аргументацию, но... задерживаться долго в воротах не годится»³.

М. Н. Покровский как историк задержался на своих позициях экономического материализма и демократических иллюзий почти до революции 1905 г., но уже в годы, непосредственно предшествовавшие революции, он делает некоторые шаги вперед. Его статья «Идеализм и законы истории» по поводу книги Риккерта «Границы естественно-научного образования понятий» (1904 г.) уже в значительной степени вы-

² «Под знаменем марксизма» № 10-11, 1924 г.

³ «Историк-марксист» № 1, 1926 г.

являет будущую роль М. Н. как воинствующего марксиста. Уже в то время М. Н. Покровский был единственным историком, который начал прокладывать дорогу научному пониманию истории.

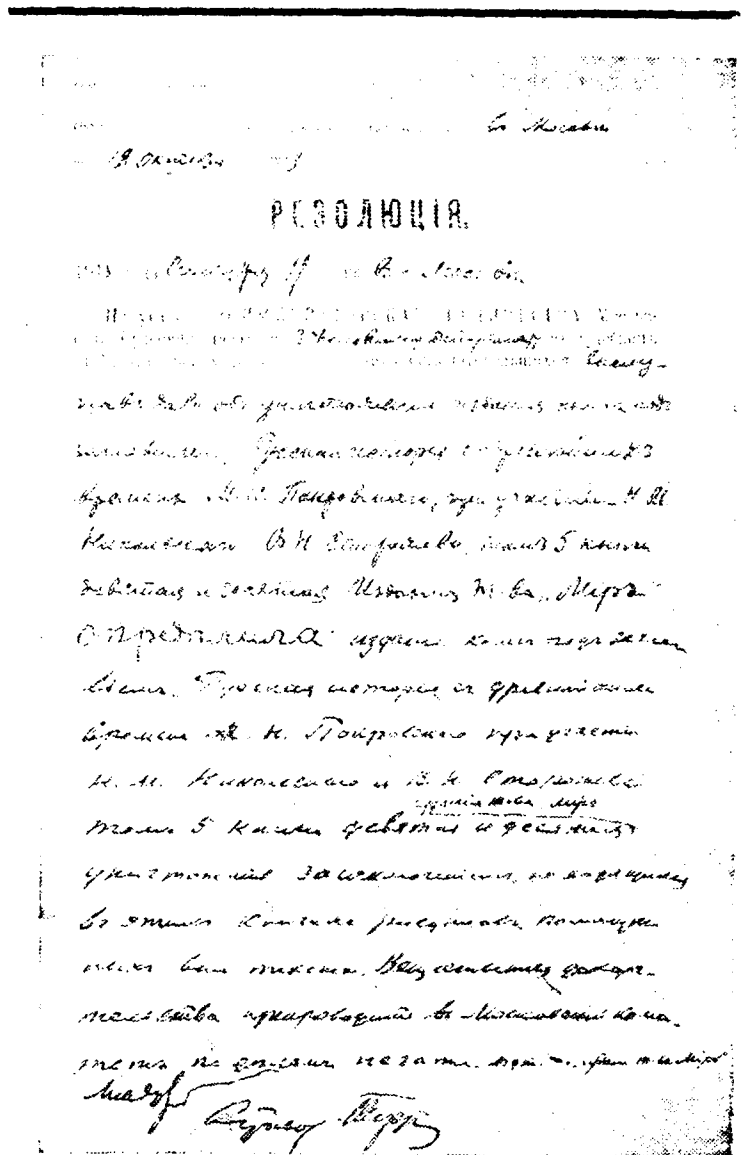
Но серьезных успехов в этом движении к марксизму М. Н. начинает добиваться только на новом этапе, связанном для него с опытом революционной борьбы, с непосредственным участием его в революции и с установившейся с этого времени близостью и связью с партией.

Таким образом М. Н. Покровский пришел к марксизму не через книгу, а через партию и революцию, оттолкнувшись от буржуазного либерализма и постепенно изживая экономический материализм, хотя известные пережитки этой «профессиональной уродливости» сопровождали его развитие на протяжении многих лет.

Второй этап. Он охватывает весь период с 1905 г. по 1917 г. Именно в этот период окончательно рушатся остатки демократических иллюзий, а бурный ход классовой борьбы в стране вносит серьезнейшую трещину в старую систему экономического материализма.

Общий ход революции 1905 г., размежевавшей с большой отчетливостью все классы, приведшей их в действие, показавшей многообразие форм борьбы, подтверждает историческую роль пролетариата как гегемона революции. Именно пролетариат становится во главе общедемократического движения, с беззаветной решимостью борется за доведение буржуазно-демократической революции до конца, рассматривая борьбу за свободу, за демократию только как условие и как этап своей борьбы за социализм. Союзником пролетариата в революции является демократическое крестьянство, поднявшееся под руководством пролетариата на борьбу с остатками крепостничества.

Этому блоку рабочего класса и крестьянства противопоставляется всем ходом революции 1905—1907 гг. буржуазно-помещичий блок. Предательский и презренно бесильный «либерализм» буржуазии далек от демократических тенденций, контрреволюционная позиция буржуазии становится все более отчетливой. Это классовое размежевание в ходе революции не оставляет места демократическим иллюзиям и надеждам на революционную роль буржуазии. М. Н. Покровский окончательно «самоопределяется», и не только теоретически, но и практически, как революционный марк-

Резолюция судебной палаты об уничтожении книги М. Н. Покровского

сист. Он вступает в ряды большевиков, активно работает в лекторской группе МК большевиков и входит в непосредственное соприкосновение с революционными массами.

Революция 1905—1907 гг. заставляет его решительно пересмотреть и свой идеологический багаж. Он подводит в небольшой теоретической работе «Экономический материализм» итоги своего прошлого и намечает, пока еще не вполне отчетливо, новую теоретическую базу — революционный марксизм.

«Марксизм,—пишет он в этой брошюре, пытаясь разграничить понятия «марксизм» и «экономический материализм»,—не только объясняет историю экономическими причинами, но и представляет себе эти экономические причины в определенной форме классовой борьбы. Это—революционный и исторический материализм, в отличие от мирного эволюционного материализма многих буржуазных писателей»¹.

¹ Покровский. Экономический материализм, стр. 4.

В брошюре нет еще отчетливого понимания экономического материализма, он смешивается даже с «эволюционизмом», есть в ней и ряд других теоретических ошибок,—но шаг вперед, и очень значительный, ею уже сделан. Да и не могло быть иначе после опыта революции 1905 года.

«1905 г.—оценивает этот этап в своем и общем развитии исторической науки сам М. Н.—дал новую задачу и заставил решительно пересмотреть первый этап «революционного марксизма»... «Самое главное, что нам дал этот памятный год, это было превращение диалектики исторического процесса из отвлеченного литературного термина в живой, осязаемый и конкретный факт, факт, не только наблюдавшийся нами воочию, но факт, нами пережитый.

Мы просто не могли смотреть на прошлое глазами не пережившего революцию человека. Это был новый этап развития исторического материализма в России, точно соответствовавший новому историческому этапу, в который вступила историческая жизнь нашей страны»¹.

Теперь путь М. Н. Покровского ясен. Зимой 1906/07 г. он избирается членом Московского комитета партии, активно борется с кадетами при выборах во II гос. думу, в 1907 г. делегируется на Лондонский съезд и переходит на нелегальное положение «профессионального революционера». Выданный провокатором и преследуемый самодержавием, он попадает в эмиграцию и здесь снова берется за дальнейшую марксистскую разработку русской истории.

В эмиграции, в которой он пробыл с 1908 г. по 1917 г., М. Н. Покровский производит целый переворот в исторической науке, создав свою «Русскую историю с древнейших времен», в которой решительно опрокидываются все старые схемы русского исторического процесса.

Уже в предисловии к первому изданию I тома, вышедшего в 1910 г., подчеркивается полный отказ от заимствования исторических обобщений и освещения старых исторических школ:

«Существующие в нашем научном обороте исторические обобщения почти целиком принадлежат той научной формации,

которая сама давно готова стать предметом истории. Трудность такого положения в том и состоит, что материал, собранный историками-идеалистами, нам приходится обрабатывать с материалистической точки зрения»².

Так намечалась задача этой работы—очистка истории от идеалистических буржуазных предрассудков. М. Н. Покровский (в частичном соавторстве с Н. Никольским, написавшим главы о церкви) выступает в качестве «передового разведчика, нащупывающего новые пути»—новый метод исторического исследования.

В какой обстановке рождается пятитомник? (Пятый том был впоследствии уничтожен цензурой по решению департамента полиции).

Это была эпоха упадка революционной волны. Еще в 1906—1907 гг. марксистские работы находили широкое распространение, но уже с 1908 г. привилегией свободного выхода и распространения пользовались только меньшевики. Марксизм стали замалчивать. Марксистские исторические работы даже не отмечались в библиографических обзорах «Вестника Европы» и «Русской мысли». Цензура свирепствовала, и приходилось ухищряться в развитии эзоповского языка с целью обойти цензуру.

Именно эти цензурные условия заставили «Русскую историю с древнейших времен» остановиться на пороге XX в., «ограничиваясь глухими и невнятными намеками на то, что произошло по ту сторону этого порога».

Между тем массы в результате опыта революции 1905 г. выросли и выдвигали иные требования, чем до революции. Людей, оставшихся верными революции, становилось все меньше; некоторым из них приходилось пересматривать свой идейный багаж уже в свете грандиозного опыта революции. Больше, чем когда бы то ни было, была велика роль теории. Наука превращалась в руках пролетариата в непосредственное орудие революции. Буржуазные историки ошестинились и оберегали свою «науку» от внедрения классовой борьбы пролетариата.

В исторической науке господствовали внеклассовые концепции русского исторического процесса, отрицалась классовая

¹ «Историк-марксист» № 1, 1926 г.

² М. Н. Покровский, Русская история с древнейших времен, предисловие к 1-му изданию.

сущность русского самодержавия, оправдывалось крепостное право и т. п.

М. Н. Покровскому прежде всего пришлось «сдать в архив всю предшествующую русскую историографию», с единственной целью освободить русскую историческую науку от идеологического влияния буржуазии.

Все старые схемы исторического процесса были решительно отвергнуты и разоблачены в вышедшем в 1910—12 гг. пятитомнике. М. Н. Покровский острым ланцетом вскрыл классовый характер общей схемы истории и индивидуалистическую сущность метода буржуазных историков (Карелин, Ключевский и др.). Он начисто разрушил теории «борьбы со степью», «внеклассового происхождения самодержавия», происхождения крепостного права и т. п.

Подойдя к уже известным историческим материалам с острым оружием марксистского метода, М. Н. Покровский положил прочное начало тому очистительному разрушению системы исторических легенд, которое прежде всего должно было способствовать творческой разработке марксистско-ленинской исторической науки.

Вместе с тем, в противовес буржуазным историческим схемам, весьма четко была сформулирована М. Н. Покровским и его общая историческая схема.

По-марксистски было обосновано возникновение феодальных отношений, проанализированы сущность и особенности классовой борьбы в эпоху феодализма, причины, приведшие к его разложению, дан марксистский классовый анализ происхождения и развития московского государства, самодержавия, крепостного права, показан классовый характер выступления декабристов, роль и значение крестьянских движений и т. п.

Все изложение «Русской истории» построено на тесной увязке хода исторического процесса в России и на Западе.

Таким образом, по сравнению с господствующими буржуазными историческими схемами, эта широкая марксистская схема, при всех ее недостатках, была целой революцией в области исторической науки.

Впоследствии М. Н. Покровский многое пересмотрел в этой схеме и прежде всего ту концепцию «торгового капитализма», которой придавалось значение центрального стержня в русской истории.

Но основное значение общей марксистской схемы, изложенной в «Русской истории с древнейших времен», несколько не

умалается теми ошибками и преувеличениями, объяснение которым мы находим прежде всего в условиях острой полемики и борьбы с буржуазными схемами.

В эти же годы, в эмиграции, М. Н. Покровский кроме «Русской истории с древнейших времен» написал целый ряд общеоисторических статей в «Истории России XIX века» (издание Гранат) и ряд оригинальных статей по внешней политике. Революционная борьба определяла и здесь выбор его тематики и подход к проблемам. В эти годы М. Н. Покровский дал мастерский классовый анализ истории декабристов, крестьянской реформы 1861 г. и т. д.

Необходимо особо остановиться на содержании и общем значении тех многочисленных работ, которые были написаны в этот межреволюционный период по вопросам внешней политики. Оживление на международно-политической арене, характерное для империалистической эпохи вообще и для предвоенного периода в частности, изменило прежнее, недостаточно активное отношение к вопросам внешней политики.

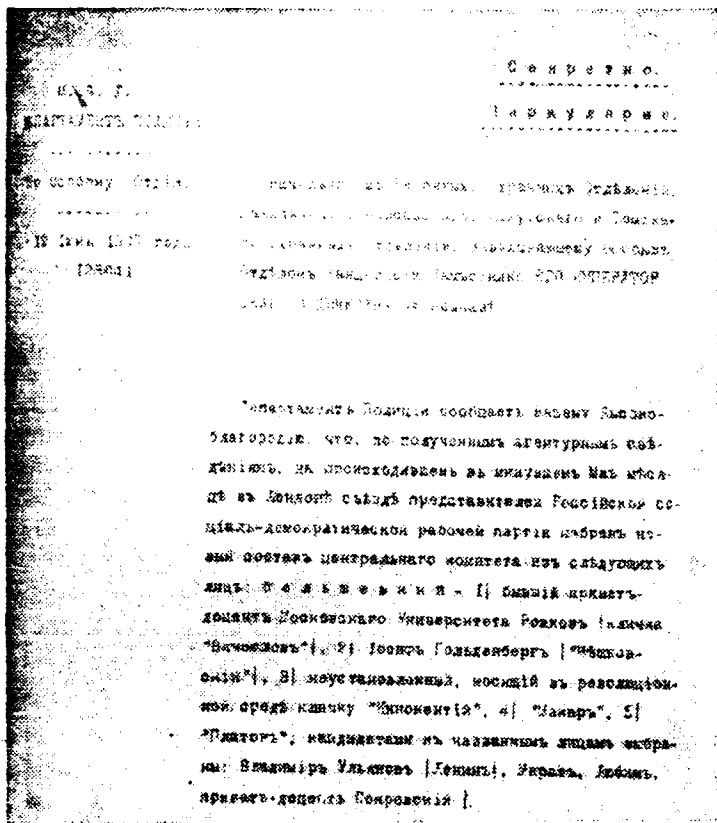
Первым, кто по-революционному поставил вопросы внешней политики, был В. И. Ленин, вскрывавший в своих статьях классовое содержание внешней политики и учивший «переводить национальное в социальное».

До революции 1917 г. область внешнеполитической истории для М. Н. Покровского, пересмотревшего к тому времени всю схему русского исторического процесса, представляла особый методологический интерес.

Статьи М. Н. Покровского по внешней политике в «Истории России XIX века», изданной бр. Гранат, особенно чувствительно поражали буржуазную историографию.

* Рушился самый фундамент идеалистической схемы русского самодержавия, поскольку опрокидывалось представление о внешней политике как о функции внеклассовой государственной власти.

* В этой области М. Н. выступил пионером-исследователем, который дал блестящий классовый анализ внешней политики и войн, начиная от внешней политики Московского царства в XVI в. и кончая анализом отношений России к Германии, Англии и Франции, переплет и особенности которых определили комбинацию сил и роль России в мировой империалистической войне.

Полицейское извещение о Лондонском съезде партии упоминающее в числе участников М. Н. Покровского

В непосредственной связи с анализом внешней политики мы находим у Покровского и анализ колониальной политики царской России. М. Н. Покровский вскрыл здесь корни союза помещиков и буржуазии, показав, как крепостнические пережитки, тормозившие рост внутреннего рынка, помогали русскому капитализму в завоевании внешних рынков.

Не все в этих старых статьях в «Истории России XIX в.» в издании бр. Гранат может быть признано удовлетворительным в настоящее время. Критику этих статей дал впоследствии сам М. Н. Покровский, который в позднейшие годы (1917—1930) внес в область истории внешней политики много нового и ценного с точки зрения диалектики марксизма.

«Устарелость статей,—писал он в отношении своих гранатовских работ,—заключается в том, что они в общем и целом стоят на классической позиции II интернационала. Международным отношениям дается в них освещение не столько с точки зрения реальных экономических интересов различных социальных групп (точка зрения Маркса в его статьях по внешней политике), сколько от идеологии этих групп».

Все же взятые в целом статьи по внешней политике в этот период делают боль-

шой вклад в разработку конкретной истории, особенно если принять во внимание, что статьи писались 20 с лишком лет тому назад, когда исторические кафедры принадлежали ученикам и эпигонам Ключевского и когда ниспровергать буржуазную историографию приходилось с немалыми трудностями. Каждая такая статья, дающая материалистическое объяснение фактам внешней политики, в этих условиях превращалась в новый гвоздь, приколачивавший крышку к гробу буржуазной исторической науки.

В этом — наибольшее историческое значение научных работ М. Н. Покровского этой эпохи.

Перейдем к третьему и последнему этапу эволюции М. Н. Покровского.

Это — период Октябрьской революции и диктатуры пролетариата.

В этом периоде на основе пролетарской революции, в условиях строительства социализма М. Н. Покровский окончательно оформляется как большевистский историк.

Октябрьская революция — новый этап не только в эволюции М. Н. Покровского, но и вообще в области научного исследования.

Революция поставила перед исторической наукой прежде всего задачу исторического обоснования Октябрьской революции. Враги диктатуры пролетариата в сгласованном хоре голосов объявили и объявляют до сих пор пролетарскую революцию в России исторически неправомочной, явившейся «наперекор экономическому развитию». Меньшевики, троцкисты, социал-фашисты международного толка исходят во всех своих «пророчествах» и напаках из теории недостаточно развитых для революции производительных сил. Иные педанты от науки, не видящие живого творческого процесса революции, исходили именно из этой меньшевистской установки, когда они испуганно шарахнулись в Октябре в сторону от пролетарской революции, затем целые годы отсиживались в ожидании «конца» советской системы и наконец приспособлялись к советскому режиму.

М. Н. Покровский яростно бичевал таких педантов и приспособленцев, давая им беспощадную классовую характеристику в своих статьях о колебаниях мелкобуржуазной интеллигенции в революции.

Сам он был связан с революцией кровью и неразрывно.

Вернувшись в 1917 г. в Россию, М. Н. вскоре был избран председателем Московского совета раб. деп. и с этого времени до конца своей жизни был неразрывно связан с практической творческой работой советской власти, особенно в области просвещения и науки.

Не случайно, что именно в период Октябрьской революции, в период строительства социализма в нашей стране та общая марксистская историческая схема, которую М. Н. Покровский выработал в довоенные годы, получила свое окончательное оформление и твердое марксистско-ленинское обоснование. Это оформление произошло также и потому, что в ходе самокритической работы многие неточности, неправильности и ошибки М. Н. были вскрыты, преодолены и исправлены им самим.

Период 1917—1932 гг.—самый богатый и самый яркий в политической и научной жизни М. Н. как большевистского историка. Этому периоду, как и отдельным сторонам творчества М. Н., будут посвящены в «Борьбе классов» специальные статьи.

В рамках же настоящей статьи нам придется ограничиться общей характеристикой третьего этапа эволюции М. Н. и выяснить роль этого этапа в оформлении его общей исторической концепции. Сам он описал об этом этапе в своей политической автобиографии:

«К этому периоду (Октябрьской революции.—А. П.) относится окончательная концепция русского исторического процесса, изложенная мною в месте, мало конечно подходящем для оригинальных концепций,—в учебнике («Сжатый очерк»)»¹.

Таким образом революция 1917 г. «доделала то, что уже было заложено во втором периоде (1905—1917 гг.), доделала так радикально, что здание получило совершенно новый вид, неожиданный отчасти и для самого архитектора в пору закладки фундамента»².

В «Русской истории в самом сжатом очерке»,—которая так понравилась Ленину, что он предложил перевести книгу на европейские языки и сделать обязательным учебником в СССР, чтобы по ней «учились сравнивать старую науку и новую»,—была окончательно дана «действительно материалистическая картина рус-

ского исторического процесса» в большевистском освещении.

К следующим крупным работам М. Н. Покровского периода 1917—1932 гг. относятся такие работы, как «Очерк по истории революционного движения в России в XIX—XX вв.», статьи и редакция работ по истории революции 1905 г., революции 1917 г. и гражданской войны.

Как историк революционного движения М. Н. Покровский выступил одним из первых, давших общие очерки, рисующие развитие революционного движения в России в XIX—XX вв. в целостном виде. В этих работах еще больше, чем в ранних, М. Н. Покровский следует за Лениным, анализируя отдельные и общие его замечания, касающиеся истории революционной борьбы рабочего класса.

Правда, в его общей работе «Очерки по истории революционного движения», представляющей увлекательно изложенные лекции, имеется пожалуй больше, чем в какой-нибудь другой из его работ, ошибок, преувеличений, рискованных утверждений, политически и исторически неправильных аналогий (например насчет «большевизма» Ткачева и т. п.).

*Работы М. Н. Покровского, посвященные истории революции 1905 г. и Октябрьской революции, являются образцом большевистского подхода к научной истории революции. В них он больше, чем в других своих работах, выступает как партийный историк, как историк-большевик. Большая часть из этих работ выросла из полемики с теми, кто неправильно понимал или искажал учение Маркса и Ленина о революции. Все его статьи и речи, посвященные истории первой русской революции, направлены своим острием против меньшевистско-троцкистской схемы революции 1905 г. Еще в 1922 г., когда Троцкий выпустил свою книгу «1905 год», в которой обосновал, искажая марксизм, свою теорию перманентной революции, М. Н. Покровский вступил с Троцким в острую и длительную полемику по вопросу о своеобразии и особенностях развития русского исторического процесса и по вопросу о внеклассовом происхождении русского самодержавия; по существу это была полемика о характере и движущих силах русской революции. Именно эта полемика заставила М. Н. ускорить появление работы, противопоставляющей немарксистской троцкистской схеме марксистскую большевистскую концепцию революции 1905 г.

¹ «Под знаменем марксизма», № 10-11, 1924 г.

² Там же.

(ч. 3-я «Сжатого очерка» 1896 — 1906 гг., изд. 1923 г.).

Теория внеклассового происхождения самодержавия, разделявшаяся и защищавшаяся почти всеми буржуазными и мелкобуржуазными историками (в том числе меньшевиками во главе с Мартовым и Плехановым), была вытеснена и «обоснована» Троцким в подкрепление другой своей столь же «оригинальной» теории — об экономической отсталости России, поставленной якобы в экономическую и политическую зависимость от Запада и следовательно обреченной на неудачу в отношении перспектив русской революции. М. Н. Покровский со свойственной ему непримиримостью к искажениям марксизма вскрыл мелкобуржуазные ошибки Троцкого и показал их классовую сущность и политическую опасность для пролетариата.

В этой борьбе с троцкизмом выкристаллизовалась та марксистская концепция первой русской революции, которую М. Н. Покровский во всех последующих работах (особенно в связи с 20- и 25-летием революции 1905 г.) дополнял, развивал, уточнял и исправлял в отдельных положениях и выводах. Такие его брошюры, как «Значение революции 1905 г.», «Роль рабочего класса в революции», «1905 год» и др., представляют все более последовательное и глубокое развитие марксистско-ленинской истории революции, несмотря на отдельные ошибки (например в вопросе о роли кулака в период революции, переоценка элементов стихийности движения, нечеткость тезиса о перерастании и т. п.). Особенно самокритическим было его последнее выступление на собрании актива Краснопресненского района, где М. Н. поставил перед собой и перед всей партией задачу разрушения легенд, искажающих большевистскую историю 1905 г. «Очищение истории революции 1905 г. от всяческой шелухи—эта одна из наших задач» — говорил М. Н. на этом собрании. И он начал с критики своих собственных ошибок и неверных общих установок.

Но основная характеристика движущих сил революции 1905 г., гегемонии пролетариата, его союза с основной массой крестьянства, контрреволюционной эволюции буржуазии и ряда других основных вопросов у М. Н., несмотря на отдельные неточные формулировки, была ленинской, что и дало ему в руки такое критическое оружие в борьбе с меньшевистско-троцкистскими схемами революции.

По истории Октябрьской революции у М. Н. Покровского нет специального общего труда, как по истории первой русской революции. Однако и по истории Октябрьской революции М. Н. разработал цельную и стройную схему.

Собственно все исследовательские работы М. Н. Покровского по истории России следует рассматривать как подготовку истории Октября, ибо для Покровского пролетарская революция является «основным стержнем революционного движения в России».

Во всех своих трудах М. Н. Покровский основное свое большевистское острие направлял на вскрытие классового переплетения и движущих сил основных этапов революционного движения. Он изучал крестьянские войны, первые революционные движения буржуазии и мелкой буржуазии, весь ход развития пролетарской борьбы, наконец особенности первой революции (1905 г.) и второй (Февральской) как революций уже не просто буржуазных, а руководимых пролетариатом, ведущим борьбу за социализм.

Отыскивая исторические корни Октябрьской революции в русских условиях, М. Н. Покровский в то же время подчеркивает ее международный характер, ибо только исходя из всей международной обстановки, можно понять условия возникновения и развития Октябрьской революции.

Проблемы Октябрьской революции М. Н. анализирует таким образом в непосредственной связи с проблемами войны и русского империализма. Правда, в анализе им характера и роли русского финансового капитала и всей системы империализма М. Н., в зависимости от новых фактов и документов, несколько раз пересматривает свою точку зрения, но основная его установка,—что Россия стала узловым пунктом противоречий мирового империализма и что система военно-феодалного империализма ускоряла накопление классовых противоречий и рост революционной ситуации в стране,—оставалась в полном соответствии с общей ленинской схемой империализма и назревания предпосылок пролетарской революции. Самый анализ империалистической войны М. Н. Покровский дает именно с этой точки зрения, рассматривая войну как «ускоритель» пролетарской революции и Февральскую и Октябрьскую революции — как единый процесс революции антиимпе-

риалистической, революции против капитала, следовательно революции пролетарской.

В то время как другие историки (не говоря уже о буржуазных вроде Милюкова или мелкобуржуазных типа Суханова) изображают Октябрьскую революцию вне всякой связи с империализмом и особенностями развития монополистического капитализма в России, как это делает например Рожков, М. Н. Покровский строит пролетарскую, большевистскую схему, отвергая меньшевистско-троцкистские теории отсталости производительных сил, экономической и социальной отсталости и т. п. По мелкобуржуазной концепции Рожкова, Суханова и др. Октябрьская революция — развернутая буржуазно-демократическая революция, не имеющая сил для развития пролетарской революции и для строительства социализма в нашей стране. Для большевистского историка М. Н. Покровского, твердо ставшего в своем анализе и оценках на почву ленинского учения. Октябрьская революция — социалистическая по характеру и содержанию, а ее побочным продуктом являются буржуазно-демократические завоевания, ибо социалистическая революция решает мимоходом, походя, задачи буржуазно-демократической революции, осуществить которые буржуазия была не в состоянии.

Концепция империалистической войны и Октябрьской революции, разработанная М. Н. Покровским, дает ключ к пониманию и истории гражданской войны, что доказано выпущенными под редакцией М. Н. Покровского работами, явившимися результатом семинарских занятий М. Н. в Историческом институте красной профессуры.

Противоречия в лагере империализма и накопление сил в лагере международной пролетарской революции — под таким углом зрения освещается та историческая полоса, которая связана с гражданской войной в России.

Таким образом работы М. Н. об Октябре дают основные установки для конкретного исторического изучения Октябрьской революции и гражданской войны, целиком вытекающие из ленинского учения. В подходе к разрешению проблем Октябрьской революции М. Н. Покровский еще более вырастает как новый тип большевистского историка.

III

Нам остается теперь очень бегло подвести итоги, чтобы сделать общий вывод о месте и значении М. Н. Покровского в развитии русской историографии.

В чем основное историческое значение М. Н. Покровского и его главная заслуга, вычеркнуть которую не могут никакие его отдельные ошибки и даже отдельные противоречия в его общей схеме?

М. Н. Покровский считал себя — и был действительно таковым — учеником Ленина. Именно ему принадлежит заслуга разработки исторической науки на основе ленинского учения. Будучи историком в самом точном и полном смысле этого слова, разрабатывая вопросы не только истории народов СССР, но и мировой истории, М. Н. представлял собой яркий образец синтетического историка, освещающего проблемы исторического развития под углом зрения интересов рабочего класса.

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВА ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
1878—1917 гг.

СЕРИЯ В
1914—1917 гг.

М. Н. Покровский в гробу

Вплоть до самых последних дней своей жизни М. Н. не переставал тщательно, глубоко изучать произведения Ленина и Сталина, продолжая дело строительства научной, большевистской истории. М. Н. не переставал говорить, что надо изучать все работы основоположников марксизма-ленинизма, а не только такие работы, как «Развитие капитализма в России» и т. д. Все работы Ленина и Сталина являются величайшим теоретическим обобщением исторического опыта борьбы рабочего класса. Чтобы научно освещать этот исторический опыт, надо иметь основную политическую нить, надо основываться на учении Маркса—Ленина—Сталина. Значение М. Н. и заключается в том, что он продолжал с большим мастерством и огромной преданностью пролетарской революции строить то здание, которое было воздвигнуто основоположниками марксизма-ленинизма.

М. Н. Покровский был в ои н с т в у ю щ и м историком. Он разрабатывал вопросы исторической науки в неустанной борьбе с буржуазной историографией, с оппор-

тунистическими уклонами. Так, он впадает против меньшевистской схемы и того, пытавшегося в исторических работах обосновать теорию перманентной революции; против правооппортунистической схемы Слепкова, взявшегося за историю отнюдь не из любви к «чистой науке», а для того, чтобы попытаться доказать свое собственное правооппортунистическое понимание развития Октябрьской революции, и т. д. М. Н. дал нам блестящие образцы подлинно большевистской борьбы за марксизм-ленинизм в исторической науке.

Теперь, когда разворачивается широкая борьба за ленинский этап в исторической науке, мы можем сказать, что одним из наиболее талантливых ученых-борцов, которых воспитала наша партия, был М. Н. Покровский.

Чтобы объективно и полностью оценить историческую роль М. Н. Покровского, надо посмотреть, что было до него и в период его формирования как историка-марксиста, как историка-большевика.

Фактически до создания марксистской истории и истории как науки не существовало. Идеализм и объективный и субъективный не знает истории. Для него люди — исторические пешки, которыми управляет сила, стоящая над ними. Вот почему даже для Канта и Гегеля человеческая история сводится к истории идей. Только материалисты, признающие существование объективного мира, уничтожили всякие религиозные и прочие подпорки под обоснованием мира и прямо поставили основной исторический вопрос: «Как это произошло?» Маркс — создатель и величайший представитель диалектико-материалистического метода — показал и величайшие образцы применения и использования истории как оружия классовой борьбы.

Этот историзм марксизма целиком воспринял и Ленин.

Официальная историческая наука до Покровского все еще барахталась в путях идеалистической субъективной социологии.

Буржуазные историки, как и их предшественники и современники — представители добуржуазной историографии, как огня боялись марксизма в исторической науке, ибо марксизм есть теория классовой борьбы, доведенной до социалистической диктатуры пролетариата. Признать

классовую борьбу движущей силой истории значило для буржуазии подписать себе смертный приговор.

Но, с другой стороны, все исторические построения домарксистских и антимарксистских историков носили ярко выраженный и целеустремленный классовый характер.

Что делал и сделал М. Н. Покровский как историк-марксист? Он с помощью своего острого марксистского ланцета вскрыл классовую борьбу в любом историческом эпизоде, он показал, что именно классовая борьба является стержнем истории, он расшифровал классовую физиономию тех исторических школ и их отдельных представителей, которые теориями «объективности» прикрывали свою классовую сущность.

В 1923 г. М. Н. Покровский в необыкновенно острой и увлекательной форме читает свои лекции и выпускает их отдельной книжкой: «Борьба классов и русская историческая литература». В ней он с исключительным талантом применяет марксистскую диалектику, критикуя и расшифровывая классовые типы различных исторических школ, начиная от Карамзина, затем Чичерина, Шапова, Соловьева, Ключевского, Костомарова и кончая Плехановым и Рожковым.

Похороны М. Н. Покровского

Гг. Сталин, Молотов, Ворошилов, Андреев, Рудзутак и Калинин на похоронах М. Н. Покровского

Два последних историка считались марксистами. Покровский показал, что марксизм на самом деле не был революционным марксизмом. Покровский на примере критики исторической схемы Плеханова, целиком обусловленной усвоенным Плехановым буржуазным пониманием русского исторического процесса, показал, что эта буржуазная историческая схема Плеханова была внутренне связана с его меньшевизмом и оборончеством.

Покровский показал, вскрывая классовую подоплеку историографии, каким образом все русские буржуазные историки были государственниками, провозгласившими, что русское общество было создано государством, и на чем базировалась вытекавшая отсюда теория неклассового происхождения самодержавия. При этом с исключительной талантливостью Покровским были вскрыты того же буржуазного типа исторические концепции Плеханова и Троцкого, связанные с их теоретическим и политическим отходом от марксизма, от революции. Помимо полного разгрома бур-

жуазной историографии, помимо систематического и беспощадного разрушения всех созданных ими исторических легенд. М. Н. Покровский с неменьшей беспощадностью разделался и с теорией «экономического материализма», относительно полезная функция которого на определенном этапе (в начале 90-х гг) превратилась в свою противоположность, искажая, вульгаризируя марксизм. Поскольку «экономический материализм» продолжал теоретически питать политические концепции меньшевиков, Покровский тем серьезнее нападал на него как на идеологическую базу враждебной пролетариату политики.

- Критику «экономического материализма» М. Н. развернул и на работах Рожкова, а впоследствии в порядке самокритики развернул борьбу против пережитков «экономического материализма» в своих собственных работах (особенно в его докладе на конференции историков-марксистов «Ленинизм и русская история» и в выступлении по докладу Ванана). Именно в этих, как и в позднейших, выступлениях

М. Н. Покровский усердно работал пылесосом в отношении «непродуваемых углов» своего мировоззрения, сделав самокритику основным методом своего роста.

Очень многие иронически относятся к той «легкости», с какой М. Н. Покровский «сегодня отказывается от того, что защищал вчера». Это — величайшая передержка. М. Н. Покровский никогда не отказывался ни от критики, ни от самокритики. Свое собственное историческое развитие он сам формулировал как движение к марксизму-ленинизму.

«Наука истории движется, и я с нею» — говорил он о себе. В 1924 г. он писал о своих ошибках: «Меня конечно можно убить целой тучей мелких противоречий, которые имеются между тем, что написано хотя бы в «Русской истории с древнейших времен», и тем, что я говорю и пишу теперь».

Но эти противоречия — результат движения и роста М. Н. Покровского вместе с движением и ростом самой революции.

В одной из своих последних статей, возвращаясь к своим ошибкам, М. Н. также подчеркивал, что большевистская самокритика помогала его творческому росту:

«Та концепция русской истории, которую я выше назвал марксистской, в основном конечно никогда не расходилась с ленинской... Но совершенно очевидно, что в ряде формулировок, иногда очень важных, старое изложение этой концепции звучало весьма не по-ленински, а иногда было попросту теоретически малограмотным».

Наибольшую критику вызвала общая схема М. Н. Покровского, связанная с ролью торгового капитала как главного стержня русского исторического процесса, и его старая характеристика самодержавия как формы политического господства торгового капитала («торговый капитал в шапке Мономаха»).

Интересно, что впервые против этой схемы М. Н. Покровского выступили с критикой Троцкий и Слепков, и оба критиковали его с неленинских позиций, вытекавших из их политических установок. Не возражая против самого понятия «торговый капитализм» (от которого отказался и сам М. Н.), Слепков обвинял М. Н. Покровского в схематическом раскрытии внутренней сущности этого капитализма, в том, что М. Н. дает слишком

сплошную характеристику торгового капитала, «объединяя помещика и купца в одну категорию торговых капиталистов».

Полемика М. Н. со своими критиками, начиная со Слепкова и кончая последними дискуссиями в ИКП по вопросу о феодализме и крепостничестве, дала М. Н. Покровскому возможность внести уточнения и исправить перегибы и увлечения, вытекавшие из стремления М. Н. — в момент создания своей схемы — наиболее убедительно, конкретно и полно обосновать принципы марксизма в исторической литературе в противоположность эклектическим схемам буржуазных историков, господствовавшим до него.

М. Н. Покровский никогда не был ученым-догматиком и сам решительно боролся со всякой догмой.

Поэтому он постоянно и неудержимо рвал всякие рутинные представления, впадая иногда в крайности и преувеличения. Желая быть возможно более конкретным и вместе диалектичным, он подчеркивал, что историк должен брать живую ткань истории и в живом историческом процессе вскрывать реальный жизненный переплет всевозможных течений, классовой борьбы и классовых столкновений.

«Если бы в истории не было таких извивов, то не стоило бы заниматься историей: социологии было бы за глаза достаточно». Эта пытливость исследователя приводила его иногда к известным перегибам в оценках и формулировках, от которых он отказывался, как только убеждался в том, что они не помогают, а мешают формированию марксистско-ленинской концепции истории.

Необходимо подчеркнуть еще одну черту М. Н. как историка: это был большой эрудит, с огромным диапазоном исторических интересов, занимавшийся самыми разнообразными темами и обнаруживавший солидные знания самых различных эпох. М. Н. Покровский — крупнейший мировой ученый нашего времени.

М. Н. Покровский как историк многогранен и сложен. Необходимо немедленно и серьезно взяться за его изучение.

Наследство М. Н. Покровского как большевистского историка должно быть немедленно и всесторонне использовано для продолжения и совершенствования марксистско-ленинской исторической науки в СССР, развитию которой он отдал всю свою жизнь.

К вопросу о пугачевщине

(Письмо семинару 1-го курса ИКП истории, 1931 год)

Присланные работы гг. П. и С. имеют прежде всего тот общий недостаток, что обе дают анализ не самого восстания как образчика «крестьянской войны», типичной для феодального режима, а его социально-экономических предпосылок. Это в сущности введение в историю пугачевщины.

Частным дефектом обеих работ является слишком большое внимание, уделенное ими критике явно фантастической схемы т. Меерсона (знак равенства между последним и Малышевым у т. С. я считаю поставленным не совсем правильно: т. Малышевым тоже слишком всерьез принимается схема Меерсона, но объявить его меерсоновцем все же нельзя; скорее его можно обвинить в «струвианстве»). Если бы кто-нибудь из авторов детально и конкретно разобрал схему т. Меерсона, это был бы шаг вперед, и такую работу стоило бы напечатать. А критика в той общей форме, какая ей придана в двух настоящих работах, ломится в открытую дверь. Едва ли кто-нибудь теперь дойдет до той утрировки «теории торгового капитала», до какой дошел Меерсон, у которого феодализм за торговым капиталом совершенно исчез и даже классовая борьба внутри феодального общества объясняется из того же торгового капитала. Выходит, что методы феодальной эксплуатации никакой роли не играли, а торговый капитал был всем.

На самом деле пугачевщина была типичным восстанием феодальных крестьян, одним из последних восстаний этого рода в европейской истории. Восстания крестьян в средние века были таким же неизбежным последствием методов внеэкономического принуждения, как стачки рабочих являются неизбежным последствием капиталистической эксплуатации. Рабочие давят на капиталиста экономическим средством — стачкой, крестьяне имели в руках только внеэкономическое средство давления — бунт. Экономическая стачка может и неизбежно должна при известных условиях перерасти в борьбу всех рабочих против всего капиталистического режима — в пролетарскую революцию, бунт феодальных крестьян тоже мог при известных условиях превратиться в восстание против всего феодального режима — в буржуазную революцию. Но для этого необходимы в обоих случаях: 1) известные объективные условия — известный уровень развития производительных сил; 2) определенная степень сознательности и организованности восставшей массы.

На первом условии особенно приходится настаивать в наши дни, когда с легкой руки деборинщины, разоблаченной, но далеко не изжитой, мы встречаем на каждом шагу попытки совершенно сбросить со счетов объективные условия, заменив все одной «диалектикой», что выдается за самый стопроцентный марксизм. На самом деле, как давно указал Ленин в своих замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина, «без известного развития капитализма у нас ничего бы не вышло». «Диалектика», не считающаяся с объективными условиями, есть идеалистическая, а не марксистская диалектика. В истории мы имеем случаи, когда восстание феодальных крестьян против своих помещиков вошло как крупная составная часть в буржуазную революцию, больше того — сделало объективно возможной последнюю. Этот случай — так называемая «Великая французская революция», канун XVIII века.

Крестьянская пугачевщина во Франции составляла тот фон, на котором восстание парижских рабочих и мятеж превращалось в общена-

родную революцию. Если бы городское восстание было разбито, крестьяне были бы конечно раздавлены, но если бы во французской деревне было спокойно, феодализму нетрудно было бы справиться с городским восстанием. Успех одного обуславливал успех другого и в общем, повторяю, французская пугачевщина вошла крупнейшей составной частью в «Великую французскую революцию». Но в какой обстановке это совершалось?

Во-первых, производство во Франции давно уже было в руках буржуазии: помещик давно превратился в земельного ростовщика и вымогателя ренты; во-вторых, буржуазия уже выработала свою идеологию, мало того — подчинила ей даже дворянство, которое свою феодальную идеологию давно растеряло. В 1789 г. во Франции только какие-нибудь старосветские помещики верили в свои «прирожденные права» и целый ряд французских дворян еще за двадцать лет до этого боролся за американскую демократию. Дворянам нечем было защищаться ни экономически, ни морально, и французская революция потерпела неудачу в схватке не с дворянством (оно было разгромлено), а с крупной буржуазией.

Теперь сравним с этим Россию второй половины XVIII века. Господствовали феодальные методы производства — буржуазное хозяйство существовало лишь в едва заметных зачатках. Не только сельское хозяйство почти во всей производящей плоскости, но и большая часть обрабатывающей промышленности были в руках дворян. Как правильно отметил т. П., и хозяйство некрепостных крестьян носило феодальный характер (Ленин писал, что у нас остатками крепостничества является не только помещичье имение, но и крестьянский надел). Что касается идеологии, то буржуазия существовала опять-таки в едва заметных зачатках (Новиков, Радищев): не только наша художественная литература до второй половины XIX века была помещичьей (Пушкин, Тургенев, Л. Толстой), но даже и наша публицистика (Кавелин, Чичерин, славянофилы); эпоха, соответствующая французскому «веку энциклопедистов», у нас падает на 60-е годы. Сознательность самой восставшей массы достаточно характеризуется тем, что ее вождь должен был выдавать себя за царя.

Есть ли какая-нибудь возможность сравнивать Россию и Францию второй половины XVIII века? Были Руссо и Дидро дворянскими публицистами? Выдавал ли себя Робеспьер за Людовика XVII? Меерсоновская теория свидетельствует не только о недостаточно марксистском подходе к делу, но и об отсутствии у ее автора всякой исторической перспективы.

Если я говорил — и очень неудачно — о пугачевщине как «буржуазной революции эпохи торгового капитала», то я обобщал под этим названием те восстания феодального крестьянства, которые были связаны с усилением эксплуатации последнего благодаря возникновению рынка и образованию купеческого и ростовщического капитала. Связь эта несомненна (см. цитаты из т. III «Капитала» и «Анти-Дюринга» в моей статье¹, но следует подчеркнуть, что усиливалась та феодальная эксплуатация, интенсифицировалась барщина и другие феодальные повинности: ответом на эту интенсификацию и были крестьянские восстания. Конечно поскольку все эти восстания были борьбой мелкого крестьянского землевладения против крупного дворянского, а из мелкого производства растет буржуазия (Ленин), то в очень высоком теоретическом стиле к крестьянским восстаниям приложим эпитет «буржуазных» (с оттенком «антифеодальных»). Ну а в данном-то случае в России XVIII века мог уже начать расти буржуа из мелкого производителя, в масштабе всей страны. Была ли уже товарность всего хозяйства так высока, что это могло случиться? А если этого не было, то на чем же держалось бы буржуазное правительство, вышедшее из буржуазной революции? На торговом капитале...

¹ Статья в «Борьбе классов» № 2 за 1931 г.

Я приводил примеры успешных восстаний феодального крестьянства против помещиков в средние века (Тоскана и в особенности Швейцария). Но в этих случаях на стороне восставших были внешние силы: в Швейцарии¹ — купечество, заинтересованное в свободе альпийских перевалов для своих караванов, в Тоскане — цеховая аристократия Флоренции, зачаток уже настоящей крупной буржуазии, отчаянно борющаяся с тосканским дворянством за политическую власть. Какие внешние силы поддержали бы крестьянское восстание в XVIII в. в России, окруженной феодальными странами?

Из частных замечаний особенно приходится отметить совершенно устаревший взгляд т. П. на Пугачева как на «чучело», которым играли яицкие казаки. Это значит возвратиться к точке зрения Пушкина, но и тот до таких комических преувеличений не доходил. Пугачев был одним из крупнейших (может быть самым крупным) вождей крестьянских движений в России, и если для екатерининских помещиков мужики — дураки и сильны только своей массой, то мы-то на такой точке зрения стоять не можем. Тов. П. в этом пункте обнаруживает неведение тех фактов, которые были вскрыты именно марксистскими историками в последнее время. Странно также утверждение т. П., что крепостническое правительство заботилось о дифференциации крестьянства, при чем несколько дальше об этом же заботится и его антагонист, крестьянская буржуазия. Есть и досадные фактические ошибки — вроде того, что Яицкий городок, который пугачевцам так и не удалось взять, был центром Пугачевщины. Казани Пугачев тоже не «занимал» — он только сжег ее посад, а казанскую крепость (кремль) отстояли.

Переходя к частным замечаниям по поводу доклада т. С., приходится прежде всего указать на то, что хмельничина не была «предшественником пугачевщины», потому что она происходила в другой стране, с иными социальными отношениями и иным населением: и та и другая были лишь крестьянскими революциями того же типа, но того же типа были и французские жакерии и крестьянская война в Германии. Или и они тоже «предшественники»? Это частное замечание возвращает нас к общему — о н а ц и о н а л ь н о м в о п р о с е в самой пугачевщине. Он остался неразработанным и как-то на отлете не только у обоих авторов, но и в прениях. По этому поводу кто-то из оппонентов вопил, но схемы и он не дал. Но к этому вопросу еще есть возможность вернуться по теме «Колониальная политика самодержавия».

Далее конечно неверно, что «первые шаги капитализма должны были неизбежно сначала усиливать феодализм»: не только капитализм, т. е. капиталистическое производство, но даже и торговый капитал уже разлагали феодальные отношения (стало на их место сразу что-нибудь новое или нет — другой вопрос). Приводимые автором цитаты из первого тома «Капитала» никаким подтверждением не являются — Маркс вовсе не говорил здесь о непосредственном превращении внеэкономического принуждения в экономическое: он имеет в виду нечто вроде того, что потом было названо «прусским путем развития»; если же понимать это место Маркса, как понимает его т. С., то Малышев прав.

Далее, неверно, что помещики не грабили накопления крестьян — случаев такого грабежа сколько угодно (их например можно видеть в моей статье о крестьянских волнениях перед 1861 г. по случаю юбилея Чернышевского).

Неверно, что «крепостная» индустрия была одной из форм «капиталистической промышленности». Тут опять т. С. в плену у Малышева: если крепостная фабрика есть «капиталистическая промышленность», то почему барщинники, также работающие для рынка, не есть капиталистическое предприятие?

¹ О Швейцарии см. отрицательный отзыв Энгельса.

Неверно, что увеличение производительности труда равносильно увеличению эксплуатации рабочего. Совсем это не наша, а с позволения сказать, меньшевистская точка зрения. Техника может быть и не менялась (хотя откуда это знает т. С.?), ну а квалификация рабочего? Тоже была неизменна?

Неверно конечно, что уральские горнорабочие вносили в пугачевщину суровую пролетарскую дисциплину, ибо они сами пролетариями не были.

Наконец, как бы ни были ошибочны иные точки зрения Плеханова, объявление его взглядов «барскими» есть такое же неприличие, как и объявление Пугачева «чучелом». История «антикрестьянства» Плеханова рассказывается даже в популярных книжках (см. мои «Очерки») — икапистам стыдно этого не знать.

Есть и еще кое-какие неудачные формулировки, всех не выпишешь. «Скоропалительность», в которой Ленин упрекал Рожкова,—большой дефект, от него нужно отвыкать.

Уже когда были написаны эти строки, я получил заключительное слово т. С. С сожалением увидел, что ни от одной из своих ошибок она не отказалась, а одну — о капиталистическом характере уральской крепостной промышленности — даже нарочито подчеркнула. Тов. С., если капитализм существует везде, где есть капитал, тогда вполне правильно говорить и о торговом капитализме, ибо капитал там несомненно есть. Если же под капитализмом разуместь определенную общественно-экономическую формацию, с определенными методами эксплуатации, то барщина есть барщина, на заводе ли она применяется или в поле.

Зато т. С. совершенно права, когда она опровергает утверждение, что крестьяне в пугачевщине боролись за замену оброком барщины. Раз они истребляли помещиков, кому же они платили оброк, позвольте спросить? И насчет купечества она ближе к истине, чем ее противники, хотя тут вопрос сложнее: провинциальные купцы, большая часть мелких капиталистов, были настроены оппозиционно и часто примыкали к Пугачеву, но крупный экспортный капитал и крупный ростовщический капитал (откупщики) был несомненно на стороне дворянского правительства.

Из истории большевистской „Правды“

20 лет прошло с тех пор, как была создана легальная, «легальная по царским законам», большевистская ежедневная газета «Правда».

Большевистская «Правда» была создана в момент нарастания массового революционного движения после ряда лет реакции.

После подавления революции 1905 г. царское самодержавие открыло «последний клапан», сделало последнюю попытку разрешить противоречия на основе прусского пути капиталистического развития. Именно в этом заключался смысл политики третьей юнкерской монархии, к этому сводилось основное содержание столыпинской реформы и дальнейших шагов самодержавия в сторону буржуазной монархии. Разоблачая ликвидаторов, переоценивавших капиталистическое перерождение помещичьего хозяйства, считавших, что царское самодержавие уже превратилось в буржуазную монархию, что задача демократической революции снята с порядка дня, Ленин указывал на неспособность столыпинщины разрешить задачи капиталистического развития страны, предсказывал неизбежность обострения старых противоречий, неизбежность нарастания революционного кризиса «в новой обстановке, при гораздо более определившихся отношениях между классами» (т. XII, ч. 1-я, стр. 258). На неизбежность нарастания новой революции указывали еще решения декабрьской конференции 1908 года, а также решения Пражской конференции, происходившей в январе 1912 г.

Весь ход революционного движения после Пражской конференции целиком подтвердил правильность ее решений. События показывали неизбежность близкого краха политики третьей юнкерской монархии.

Подъем рабочего движения показывал буржуазии, что политика третьей юнкерской монархии, которой она отдала себя на услужение, не в силах предотвратить революцию. Теория ликвидаторов о завершившемся перерождении самодержавия в буржуазную монархию опровергалась всем ходом событий.

После тяжелых лет «уныния и распада» происходят укрепление и консолидация партии большевиков на основе ожесточенной борьбы против ликвидаторов справа и слева и против центризма, главным представителем которого в России выступал Троцкий, пытавшийся противопоставить партии свой августовский блок. Тов. Сталин еще в 1910 г. характеризовал первые попытки Троцкого сколотить этот блок как «тухлую беспринципность, как маниловскую амальгаму разнородных принципов», предсказывая «его неизбежный развал»¹. Рост революционного рабочего движения еще более остро поставил перед рабочим классом вопрос о необходимости «сплотиться в крепкие социал-демократические организации в каждом городе» и «вновь объединить с.-д. организации всех городов России в единую централизованную партию»².

В ожесточенной борьбе против ликвидаторства всех мастей, против правого ликвидаторства, против смыкавшегося с ним центризма Троцкого, против ликвидаторства «слева» в лице «впередовцев», в борьбе против оппортунизма и центризма на международной арене, в борьбе против меньшевистских ошибок левых во II интернационале (Роза Люксембург и др.) партия непосредственно в самом начале подъема добилась подлинно большевистского единства на Пражской конференции (январь 1912 г.), которая оформила исключение из партии ликвидаторов и создала большевистские центральные учреждения партии.

Период нового революционного подъема, с особой силой выявившегося после ленского расстрела, был периодом вступления России в «полосу открытой революционной борьбы масс». В условиях неуклонного нарастания в России «общенационального кризиса» партия большевиков, непосредственно руководя революционной борьбой масс, развертывала борь-

¹ «Большевик» № 1—2, стр. 11, 1932 г.

² Извещение о всероссийской конференции РСДРП.

«Правда» рождалась в боях революционного подвига в знаменитые «темные дни» поднятые на свет массовой работой газетой «Правда» в эти темные дни знаменовало собой: 1) индустриально периодом общест-венности в стране после Столыпинской «тишины за гладь», 2) мощное пробужде-ние русского рабочего класса к новой второй после 1905 года, революции и 3) на-тально завоевание широких масс рабочего класса на сторону большевиков.

«Правда» 1912 г. года — это зак-ладка фундамента для победы боль-шевизма в 1917 году.

И. Сталин

бу за завоевание большинства рабочего класса.

Правильное ленинское руководство обеспечивало победу большевизма в массовом рабочем движении.

Как писал Сталин еще в самом начале революционного под'ема, в этих условиях «злой днй», «необходимым этапом на пути к возрождению партии», «очередной задачей, не терпящей отлагательства», являлась борьба за влияние в легальных

организациях и организация центральной (русской) группы, объединяющей «нелегальную, полуправильную и легальную работу», «что расчистило бы путь к дальнейшему использованию легальных возможностей» и помогло бы укреплению партии.

Образцом этого большевистского использования этих легальных возможностей, использования их с целью борьбы за революцию при сохранении и еще боль-

шем укреплении нелегальной организации явилось создание легальной большевистской газеты — «Правды».

«Правда» возникла по прямой инициативе большевистской партии при поддержке широчайших масс рабочего класса. Еще в 1900 г., когда перед рабочим классом со всей остротой встал вопрос о создании партии, способной на деле руководить массовым движением и возглавлять революцию, Ленин в статье «С чего начать» писал: «Исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец основной нитью, держась которой, мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, должна быть постановка общерусской политической газеты»... «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор».

За промежуток времени между созданием большевистской «Искры» и созданием «Правды» партия проделала огромный путь. К моменту создания «Искры» большевики не имели еще единой централизованной партийной организации, связь

между центром и местами была крайне слаба, работа на местах велась «кустарным порядком». К моменту же создания большевистской «Правды» партия большевиков закалилась в революционной борьбе, получив боевое крещение в революции 1905 г., в развернувшейся и обострившейся борьбе со всяческими враждебными течениями и отклонениями от партийной линии. К моменту создания «Искры» перед партией стояла еще проблема идейного размежевания, и «Искра» выполнила роль собирателя и строителя партии. К моменту создания большевистской «Правды» (в ее создании участвовали десятки тысяч рабочих), на основе подлинного укрепления большевистского единства, партия развертывает широкую работу по завоеванию большинства рабочего класса.

«Правда» во всей широте осуществила то основное условие, которое Ленин предъявлял рабочей газете, требуя, чтобы «на пяток руководящих и пишущих литераторов» приходились «сотни и тысячи работников не-литераторов». «Правда» воспитала вокруг себя целое поколение рабочих корреспондентов, «Правда» объединила

вокруг себя подавляющее большинство рабочего класса России.

Потребность в руководящем большевистском органе была так велика, что уже в конце 1911 г. «Звезда», начавшая выходить как еженедельная газета, выпускается 2 раза в неделю, а в марте 1912 г. «Звезда» выходит 3 раза в неделю, завоевывая все более и более широкие круги читателей, приобретая симпатии огромного большинства передовых рабочих. Однако в условиях подъема рабочего движения перед партией и рабочим классом во всей остроте встает необходимость издания своей ежедневной рабочей газеты. Партия через «Звезду» объединила и возглавила кампанию за создание своей рабочей газеты. В ряде номеров «Звезды» были помещены статьи с призывами к рабочим создавать свою газету. Ряд статей в «Звезде» был посвящен вопросу о желательном характере проектируемой рабочей газеты, указывал на необходимость создания боевого политического органа не по типу «газеты для рабочих», избегающей ставить перед пролетариатом дискуссионные вопросы, упрощающей сложные вопросы, а рабочей газеты, отражающей массовую борьбу во всей ее полноте, дающей четкую оценку и критику политических течений внутри рабочего класса и всяких отклонений от правильной партийной линии.

Кампания, поднятая большевиками через «Звезду», за создание боевой рабочей ежедневной газеты встретила горячий отклик среди рабочих, которые начали присылать деньги и письма в редакцию и резолюции о том, что газета должна быть «марксистской», «стоящей на строго классовой позиции».

В противовес стремлению передовых рабочих создать последовательно большевистский или, как тогда писали по цензурным соображениям, «последовательно марксистский» боевой политический орган, ликвидаторская печать выступила с агитацией за создание объединенного рабочего издательства и беспартийной «нефракционной» рабочей газеты. Ликвидаторская идея «нефракционной» газеты конечно была горячо поддержана венской «Правдой» Троцкого. Наша партия повела широкую кампанию, разъясняя рабочим буржуазную сущность ликвидаторского плана, и массы пошли за партией, а не за ликвидаторами. Уже в № 27 «Звезды» была помещена резолюция булочников с разоб-

лачением ликвидаторского проекта как попытки создания органа либеральной рабочей политики. Резолюция, единогласно принятая правлением этого союза, указывала, что «беспартийная классовая газета не может отвечать интересам рабочих», высказывалась за то, чтобы «будущая рабочая газета не была бы органом либеральной рабочей политики, а была бы органом, который на своих страницах проводил бы идеи всех форм классовой рабочей политики»¹. В таком же духе высказался и ряд других союзов. «Звезда» не устанно продолжала разъяснительную кампанию, разоблачая сущность ликвидаторского плана, доказывая, что «попытка создания рабочего издательства и «нефракционной» газеты являются на деле ликвидаторскими» и отмечая, что контроль рабочих осуществляется во всех странах через политические организации, в данном же случае «контроль нужен прежде всего по вопросу о том, ликвидаторская должна быть газета или нет»².

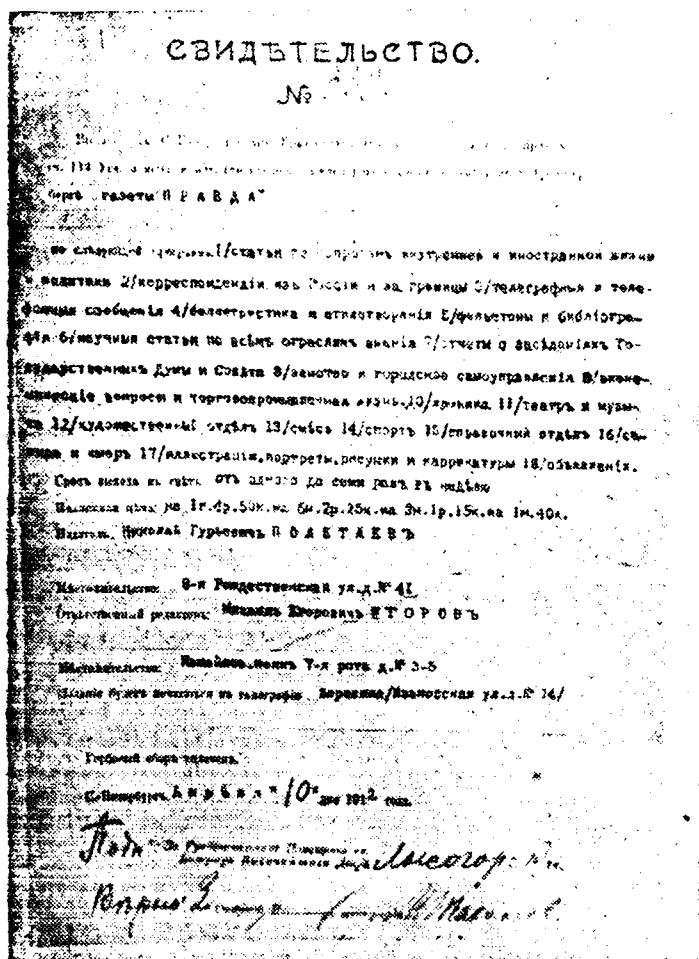
Несмотря на то, что в целях создания желательного для них органа ликвидаторы в течение февраля—апреля 1912 г. организовали по районам ряд собраний, на которых вели агитацию за «нефракционную», т. е. проще говоря ликвидаторскую, рабочую газету, они потерпели полное фиаско. Присутствовавшие на собраниях большевики выступали с критикой ликвидаторских проектов, разоблачая истинный смысл их лицемерных разговоров об объединении как попытку создания своей ликвидаторской газеты. Не помогла ликвидаторам и рассылка по заводам готовых резолюций следующего содержания: «Мы, рабочие завода (следовало название завода), считаем вредным дробление сил между несколькими рабочими газетами и потому предлагаем редакции «Живое дело» и «Звезды» объединить обе газеты с тем, чтобы редакция общей газеты находилась под контролем рабочих, как это предлагает группа рабочих инициаторов ежедневной маленькой рабочей газеты»³.

Ликвидаторская затея потерпела крах. Уже к этому времени на стороне будущей большевистской «Правды» было огромное большинство рабочих. В то время как

¹ См. «Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. II, стр. 164.

² Ленин, т. XVI, стр. 703.

³ №№ 5 и 3, прил. 1, за 1910 г. Записка Белецкого я-ку главн. упр. делам печати 28/II 1912 г. № 97624, л. 44.

к 1 мая 1912 г. на «Правду» поступили взносы от 335 рабочих групп, на ликвидаторскую газету поступили взносы всего от 15 рабочих групп. Неудивительно поэтому, что ликвидаторам пришлось забить отбой, тем более, что их виднейшие лидеры отрицательно отнеслись к идее объединенного органа, усматривая в этом «примиренчество» к большевизму. В условиях того развала, в котором находились ликвидаторы к моменту под'ема, они боялись, что осуществление идеи объединенного рабочего издательства и нефракционной газеты пойдет на пользу не им, а большевикам. В таком именно духе высказался Аксельрод в своем «Письме к друзьям», опубликованном в «Невском голосе» и «Нашей заре».

Рабочий класс в борьбе за создание своего боевого печатного органа пошел совсем по другому пути, чем тот, который пытались навязать ему ликвидаторы.

22 апреля (5 мая) 1912 г. вышел первый номер большевистской «Правды». Во вторую годовщину этого дня в 1914 г. впервые был проведен День рабочей печати, а затем в апреле 1922 г. на XI съезде РКП(б) было вынесено постановление об устройстве Всероссийского дня печати в день десятой годовщины существования

«Правды». С этого времени 5 мая мы ежегодно празднуем День печати.

Большевистская «Правда» выходила до самой войны, несмотря на жесточайшие преследования царского правительства. Репрессии правительства в отношении «Правды» возрастали по мере ее роста и укрепления. Если в «первый год приходилась одна репрессия на 5 номеров и не было ни одного закрытия самой газеты, то во второй год, с ростом влияния газеты среди рабочих, одна репрессия приходилась почти на каждые 2 номера газеты, и газета закрывалась 6 раз».

Полиция широко применяла по отношению к газете штрафы, конфискации, аресты редакторов и сотрудников и закрытие газеты. Однако, несмотря на эти преследования, «Правда» продолжала выходить, хотя и под разными названиями. Начавшая выходить 22 апреля «Правда» после бесчисленных репрессий, штрафов, конфискации, арестов редакторов была закрыта 18 (5) июля 1913 г. 26 (13) июля 1913 г. газета вновь вышла под названием «Рабочая правда» и просуществовала до 14 (1) августа 1913 г., когда она была снова закрыта. В тот же день газета вышла под новым названием «Северная правда». На номере 31 от 20 (7) сентября 1913 г. она была тоже прекращена. 24 (11) сентября вышла вместо нее «Правда труда», закрытая 22 (9) октября. Ее сменила «За правду», закрытая в свою очередь 18 (5) декабря 1913 г. Последнюю сменила «Пролетарская правда». Под этим названием газета выпустила 34 номера и была закрыта 3 февраля (21 января) 1914 г. На следующий же день ее сменил «Путь правды», выходявший до 3 июля (21 мая) 1914 г. В тот же день газета вышла под названием «Рабочий». «Рабочий» превращен был в еженедельное издание, а газета с 5 июня (23 мая) стала выходить под названием «Трудовая правда». Последняя закрыта была 21 (8) июля 1914 г. перед самой войной. Все перечисленные газеты сохраняли не только направление «Правды» и старый состав ее газетных работников, но и ее внешний вид¹.

¹ О репрессиях в отношении «Правды» наиболее яркое представление дают следующие данные (см. таблицу на стр. 45).

Одной конфискации за 2 года было подвергнуто 134 номера, что составило убыток для газеты в 42.200 руб.

¹ Ленин, т. XV, стр. 663 — 664.

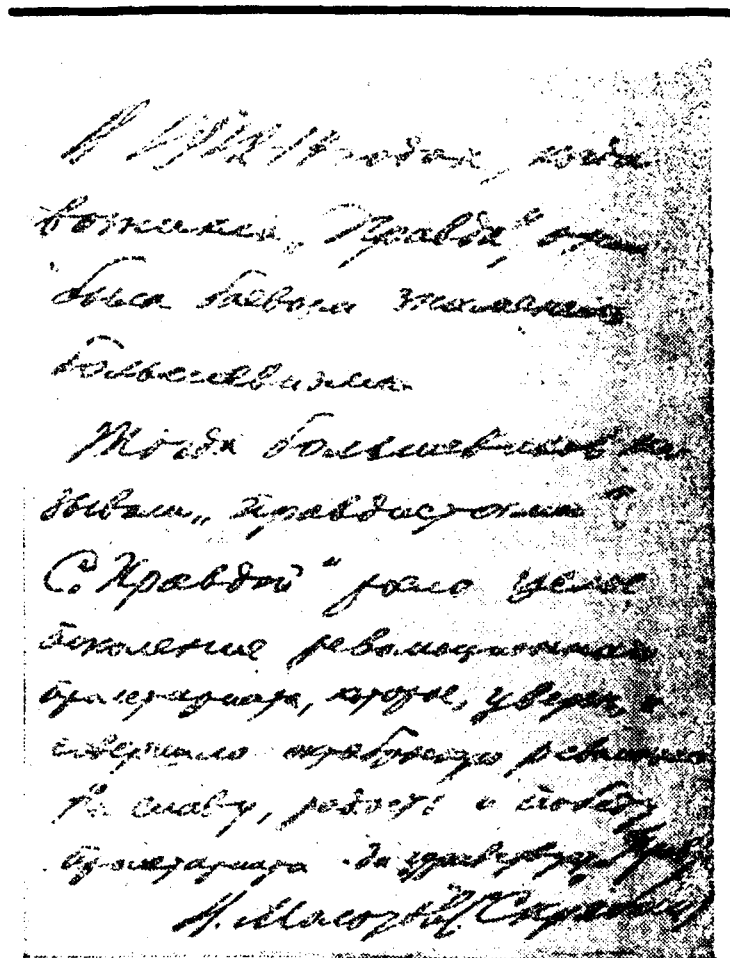
Кроме конфискаций за 2 года (1912—1914 гг.) на 31 номер наложен штраф в общей сложности на сумму в 14.450 руб., с заменой арестом в общем на 80 месяцев 31 неделю. Сверх того за 3 номера редакторы были подвергнуты аресту на 9 месяцев без замены штрафом.

Таким образом за 2 года существования «Правды» редакторы ее должны были отсидеть 96 месяцев, или 8 лет.

И это только в административном порядке, не считая отдельных судебных приговоров по различным пунктам 129 и 1034 ст.

В число членов редакции и сотрудников «Правды» за время ее существования входили: И. В. Сталин, М. С. Ольминский, Я. М. Свердлов, В. М. Молотов, Н. Н. Батурин, А. С. Бубнов, М. А. Савельев, К. Н. Самойлова, А. Самойлов (Юрьев), Н. В. Крыленко, Ф. Раскольников, В. Васильевский, С. В. Малышев, Л. Б. Каменев, С. С. Данилов, К. С. Еремеев, Н. А. Скрыпник. Близкое участие в газете принимали депутаты IV думы — Г. И. Петровский, М. К. Муранов, А. Е. Бадаев. Непосредственное руководство «Правдой» осуществлялось заграничным бюро ЦК во главе с Лениным.

Только благодаря большевистскому руководству, только благодаря постоянной

тора революции. Опыт большевистской «Правды» может служить прекраснейшим образцом для современных братских компартий,—как нужно ставить и вести де-

Название газеты	Всего вышло №№	Всего репрес- сий было на №№	И з н и х				
			Конфис- ковано	Оштра- фовано	На сумму (в руб.)	С заме- ной аре- стом на	Арест без заме- ны штра- фом
П е р в ы й г о д							
«Правда»	295	60	41	16	7.800	47 м.—3 н	9 мес.
В т о р о й г о д							
«Правда»	61	13	8	5	2.500	15 м.—н	—
«Рабочая правда»	17	14	12	2	1.000	6 м.—н.	—
«С верная правда»	31	23	20	3	1.250	6 м. 7 н.	—
«Правда труда»	20	13	12	1	250	— 7 н.	—
«За правду»	52	23	21	2	1.000	6 м.—н.	—
«Пролетарская правда»	34	13	13	—	—	—	—
«Путь правды»	5	9	7	2	650	— 17 н.	—
И т о г о з а 2-й г о д	220	108	93	15	6.650	3 м. 31 н.	—
В С Е Г О з а 2 г о д а	515	168	134	31	14.450	80 м. 31 н.	9 мес.

материальной поддержке широчайших рабочих масс в этих тягчайших условиях «Правда» сумела сохраниться до самой войны и выполнить свои задачи организа-

тельную, несмотря на жесточайшие репрессии, несмотря на жесточайший террор.

Четкость политической позиции «Прав-

Различные наименования „Правды“ (за время с 22 IV 1912 г. по 8 VII 1914 г.), менявшей свои названия, когда цензура запрещала ее издание. В центре—большевистские издания того времени

ды», то «правдистское» направление, которое стало синонимом борьбы за развернутую программу социал-демократов — большевиков, за неурезанные большевистские лозунги, выработались ею под руководством большевистского заграничного центра и связанных с ним работников, руководивших «Правдой» в Петербурге. В руководстве «Правдой» Ленину, Сталину и большевистскому центру пришлось провести решительную борьбу с примиренчеством внутри части редакции.

Разделяя в основном позиции заграничного центра в отношении ликвидаторов, редакция в первый период издания «Правды» тем не менее избегала полемических статей. Редакция мотивировала это тем, что она опасалась «слишком резкой полемикой оттолкнуть от себя еще недостаточно политически оформившиеся слои рабочих».

Руководство заграничного большевист-

ского центра, приезд в сентябре 1912 г. в Петербург т. Сталина, ставшего одним из главных руководителей «Правды», а впоследствии присылка Центральным комитетом в Петербург Я. М. Свердлова укрепили редакцию и помогли преодолеть и изжить имевшиеся ошибки.

Письма заграничного большевистского центра в редакцию «Правды» свидетельствуют о том, что «Правда» стояла в центре внимания Ленина, что большевистский заграничный центр жил изо дня в день ее жизнью, интересовался и вникал в повседневные мелочи ее существования, снабжал ее статьями, направлял всю издательскую работу, финансовую сторону издательства и пр. Четкое большевистское руководство «Правдой» сделало то, что «Правда» превратилась в боевой орган большевистской партии, подлинную рабочую газету, в орган руководства массового движения рабочего класса.

СОСТАВ РЕДАКЦИИ „ПРАВДЫ“

В. М. МОЛОТОВ

**М. ИВАНОВ
(М.И. КАЛИНИН)**

К. ЕРЕМЕЕВ

пользует все возможности для развертывания легальной работы, для укрепления приводных ремней от партии к массам.

Партия широчайшим образом использует и думскую трибуну, и работу в профсоюзах, и страховую кампанию, и всякие иные возможности легальной и нелегальной работы. Через «Правду» партия осуществляла руководство основными политическими кампаниями.

«Правда» энергично разоблачала не только политику третьеиюньской монархии, не только русское черносотенство и буржуазный либерализм, она клеймила оппортунизм, прежде всего в лице ликвидаторства, и разоблачала беспринципное примиренчество. «Правда» сыграла решающую роль в классовых боях пролетариата, руководя всем рабочим движением. Огромно было влияние «Правды» в избирательной кампании в IV думу. «Правда» была единственной газетой, которая боролась за программу развернутой революционной борьбы против помещиков и контрреволюции, против буржуазного ли-

берализма и против буржуазного влияния на пролетариат, против попытки заменить программу революции программой реформ в рамках столыпинского режима.* «Правда» еще задолго до думских выборов провела разъяснительную кампанию по вопросу о значении выборов, связывая всю предвыборную кампанию с борьбой за развернутую большевистскую программу, с борьбой против ликвидаторских урезанных реформистских лозунгов. И несомненно, что возможность общения партии с рабочим классом и воздействия на него через «Правду» сыграла огромную роль в победе большевиков на выборах в IV думу. «Правда» служила трибуной рабочего класса, отражавшей его лозунги и требования в борьбе. Особенно велико было влияние «Правды» в массовом рабочем движении.

* В то время, когда в разгар рабочего движения ликвидаторский «Луч» провозгласил борьбу со «стачечным азартом», «Правда» боролась за расширение рабочего движения, руководила им.

«Правда» служила во время стачек и

прокламацией и пропагандистским листком и вообще играла огромную организующую роль. «Правда» так хорошо сумела связаться с пролетариатом всей России, что малейшее движение рабочих в самом глухом уголке сейчас же получало свое отражение на страницах газеты¹. Не менее значительной была роль «Правды» в борьбе за профсоюзы и их большевизацию, в борьбе против засевших там ликвидаторов. На страницах «Правды» давалась четкая установка по вопросам о задачах партии в профдвижении. «Правда» являлась трибуной рабочей борьбы за революционизирование профсоюзов. Вся эта борьба за руководство рабочим движением была вместе с тем борьбой против принижения его задач, против попыток направить его в реформистское русло. Поэтому вся борьба «Правды», так же как и борьба партии за руководство рабочим движением, была вместе с тем борьбой против ликвидаторства, за отвоевание каждого завода и каждого рабочего от ликвидаторства и центризма, от разлагающего влияния их печати, за превращение каждого завода в крепость рабочей «Правды»².

¹ См. «Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. II, стр. 39.

² «Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. II, стр. 223. Письмо Н. Крупской из Кракова от 5 ап-

реля 1913 г.

Эту борьбу приходилось вести в невероятно тяжелых условиях, при неслыханных полицейских преследованиях.

«Правда» была органом рабочих не только в том смысле, что она защищала интересы рабочих, обслуживала интересы рабочего движения, но и в том смысле, что она в громадной своей части составлялась и писалась самими рабочими.

Рабочие снабжали «Правду» разными материалами и письмами с фабрик и заводов. «Газету «Правда»,—писала охранка,—ее руководители намерены поставить несколько иначе, чем ставились рабочие газеты до сих пор. До сих пор в рабочих газетах главное место отводилось «освещению фактов», т. е. руководящим статьям; в «Правде» ред. к-т предполагает уделять широчайшее место информации»³.

«Правда» была первой рабочей газетой, госпитальной и объединившей вокруг себя кадры рабочих корреспондентов. Рабочие вербовали подписчиков для «Правды», организовывали сборы на свою газету, «Правда» с полным правом могла писать, что она существует «исключительно на рабочие гроши». Но самым основным в

реля 1913 г.

³ № 5, т. 3, л. л., прил. 1 за 1910, лист III, О. О. 13/IV—1912 г. вх. № 10336.

Старые правдисты— рабочие депутаты IV думы Петровский, Бадаев и Шагов

1895	50	10	1906	15
1898	20		1928	10
1897	15		1929	15
1908	50		1869	10
1915	15		1966	10
1958	10		1936	10
1971	50		1859	10
1898	10			
1911	10			
1924	15			
1887	10			
1834	15			
1935	50			
1902	30			
1959	10	40		
1946	50			

Александр
Горький
Троцкий
М. Д.

Подписной лист сборов рабочих в фонд «Правды»

«Правде», что делало ее популярной в рабочей массе, было ее политическое направление. С полным правом «Правду» можно назвать «трибуной революции». Направление «Правды» было направлением последовательного революционного большевизма. Неудивительно поэтому, что выход «Правды» был встречен злобными нападениями ликвидаторской, меньшевистской прессы. Троцкисты, свертывавшие к этому времени свою газету, также подняли травлю против «Правды».

Выход большевистской «Правды» был большим ударом для ликвидаторов, и уже в первые месяцы отразился на распространении ликвидаторской печати. Несмотря на то, что ликвидаторы все время старались сделать хорошую мину при плохой игре и трубить, где только возможно, о том, что их печать пользуется не меньшим влиянием и распространением среди рабочих, чем большевистская, тем не менее положение их в годы подъема, по их собственному признанию, было довольно скверным.

«Плохи наши дела...—писал один из членов редакции «Невского голоса»,—очень плохи финансы... организационное же распространение дошло до нуля, ибо «Правда»

и «Звезда» приучили покупать у газетчиков, остается лишь провинция, где даже во многих пунктах газеты до читателей не доходят»¹.

«Луч» открыл бешеную кампанию против развертывания революционного стачечного движения. Он начал систематическую борьбу против подполья в защиту ликвидаторства, с самого начала открыл обстрел большевистской «Правды».

Вся эта грязная клевета, ответ на которую сплошь и рядом затруднялся цензурными условиями, не только не отталкивала рабочих от «Правды», но еще больше сплачивала их вокруг нее.

Рабочие организации выступали с протестом против грязной клеветы и обвинений ликвидаторов, помещая в «Правде» свои протестующие резолюции². Отношение рабочих к «Правде», тот факт, что «Правда» была рабочей газетой, лучше всего характеризуется той поддержкой, которую рабочие оказывали своей газете. Прежде всего об этом свидетельствует тираж «Правды». По данным большевистской печати, недельный тираж большевистской, ликвидаторской и народнической газеты выражался следующими цифрами:

Большевистская газета	. 240.000
Ликвидаторская	" . 96.000
Народническая	" . 36.000

Таким образом ежедневный тираж «Правды» в два с половиной раза превышал тираж объединенной ликвидаторской и народнической печати. Отношение рабочих к своей печати выразилось не только в чтении газеты, но и в материальной поддержке «Правды» за счет их рабочих грошей. Если взять отдельно число рабочих групп, принявших участие в сборах на большевистскую и ликвидаторскую печать, то мы получим следующие результаты.

Число рабочих групп, высказывавшихся:

¹ О. О. Д. Д. П. № 5, т. 3, л. л., прод. 1, 1910 г. Лист 183. Перлюстрированное письмо в Псков Ф. А. Линкину (Череванину) из Петербурга от 27 мая 1912 г. за подписью А.

² Сплошь и рядом ликвидаторским газетам в ответ на протесты рабочих приходилось извиняться и «разъяснять» смысл своей ругани в отношении «Правды». Так например после помещения в «Правде» от 13 июня письма одесских рабочих, в котором те высказывали «сильное возмущение» и «протест» против выходки газеты «Луч», назвавшей газету «Правда» «желтой прессой» («Луч» № 120, ст. «Дерзость неправды»), «Луч» разъяснял, что обвинение направлено им «исключительно против «Правды», а отнюдь не против рабочих—сторонников ее» («Луч», 14/VI, 1913 г., № 135).

	За „Правду“	За ликвид. газеты
За весь 1912 г.	620	89
За весь 1913 г.	2.181	661
За 1914 г. с 1 янв. по 13 мая	2.873	671
Всего . . .	5.674	1.421

Ленин отсюда заключал, «что ликвидаторам сочувствует всего $\frac{1}{5}$ общего числа рабочих групп. «Правдизм», правдистские решения, правдистская тактика объединили за $2\frac{1}{2}$ года $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России»¹.

Из этих данных Ленин делал вывод, что «не только ликвидаторы, но и все их сколько-нибудь значащие заграничные друзья составляют полный нуль в с.-д. рабочем движении в России»². Из года в год влияние большевистской «Правды» на рабочий класс все более возрастало. По сравнению с 1913 г. «число правдистских групп увеличилось на 692, т. е. на 31,7 проц., а число ликвидаторских на 10, т. е. на 15 проц. Следовательно, готовность рабочих поддерживать правдистские газеты возросла в 20 раз быстрее, чем готовность их поддерживать ликвидаторские газеты»³. Особенно велико было влияние правдистов в Петербурге. Вот что показывает таблица распространения рабочих сборов по городам.

Процент рабочих групп:

	Правдистских	Ликвидаторских
В С.-Петербурге	86	14
„ Москве	83	17
„ провинции	68	32

Анализ сборщиков на ликвидаторскую и большевистскую печать свидетельствовал об их социальном различии. Анализ сборов в пользу «Правды» от отдельных групп свидетельствовал о том, что за «ликвидаторами» шло лишь меньшинство наилучше оплачиваемых рабочих»⁴. В отличие от большевистской печати большой процент сборов на ликвидаторскую печать приходился на нерабочие группы — на богатых друзей ликвидаторов.

«Опыт ежедневной газеты, открыто обращающейся к массам,—писал Ленин,—неминуемо должен был вскрыть действительный классовый характер ликвидаторского течения. Опыт вскрыл его. Ликвидаторская газета оказалась на деле буржуазным предприятием, ведущим за собой меньшинство рабочих»⁵.

Блестящая победа «Правды» как большевистской газеты и сочувствие ей подавляющей массы передовых рабочих привели к тому, что ликвидаторы, очутившиеся перед фактом своего полного поражения, на-

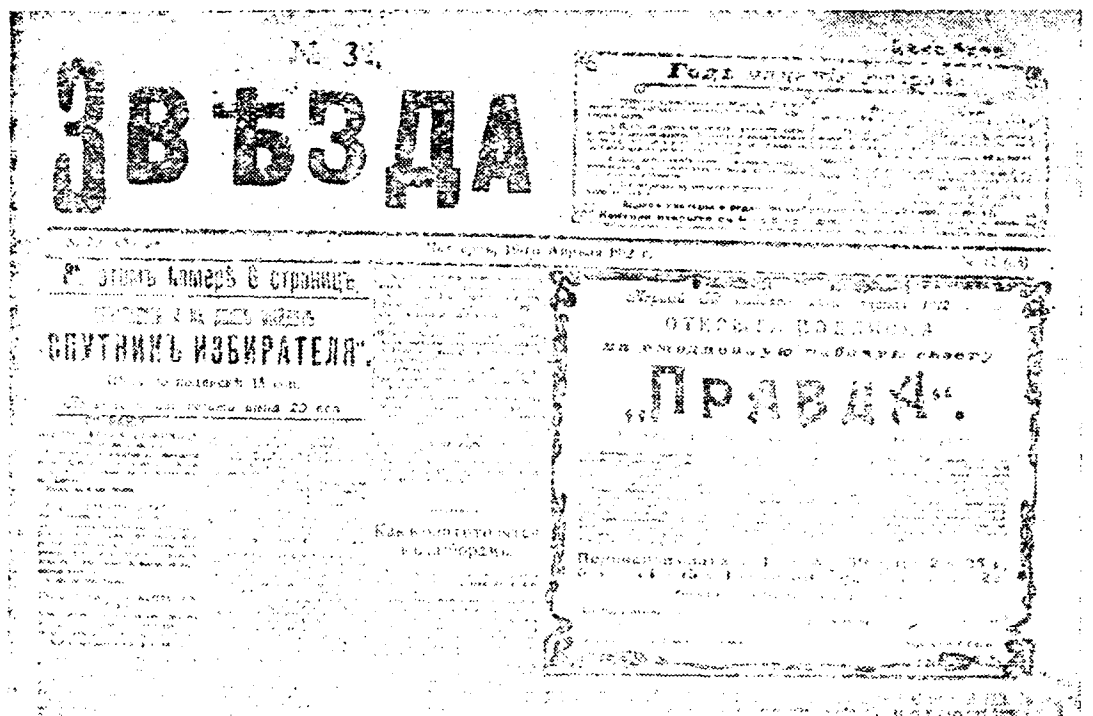
¹ Ленин, т. XVII, стр. 417.

² Ленин, т. XII, ч. 1-я, стр. 236.

³ Ленин, т. XVII, стр. 419.

⁴ Там же, стр. 420.

⁵ Там же, стр. 422.

чали выступать в роли «объединителей» и под флагом борьбы против партийной узости подняли кампанию за деление сборов между «Правдой» и ликвидаторской печатью, как будто бы сознательные рабочие, помогавшие определенной газете, не разбираются в ее направлении.

«Политическим одиночкам, политическим авантюристам, политическим Маниловым,—писал по поводу этого выступления ликвидаторов Ленин,—свойственно отказываться от партийности и говорить напыщенные слова о партийной «узости», «шаблонности», нетерпимости и т. д. и т. п. На самом же деле подобные слова отражают лишь смешное и жалкое самомнение или самооправдание оторванных от массы и чувствующих необходимость прикрыть свою слабость интеллигентов»¹.

По мере роста влияния «Правды» росла, с одной стороны, ненависть к ней ликвидаторов, а с другой стороны,—все тяжелее становились репрессии правительства.

Чем больше укреплялась «Правда» в рабочих массах вместе с ростом рабочего движения, тем яснее становилась для правительства революционизирующая роль «Правды», тем настойчивее стремилось правительство уничтожить рабочую газету. В этом отношении весьма характерна записка питерской охранки о «Правде», относящаяся уже к июню 1914 г., к тому моменту, когда рабочее движение достигло высшей своей точки. В этой записке охранка подробно останавливается на революционизирующем влиянии «Правды», которая сорганизовала «во всех местностях империи в лице подписчиков определенные кадры своих политических единомышленников, которые в настоящее время играют роль партийных штабов»².

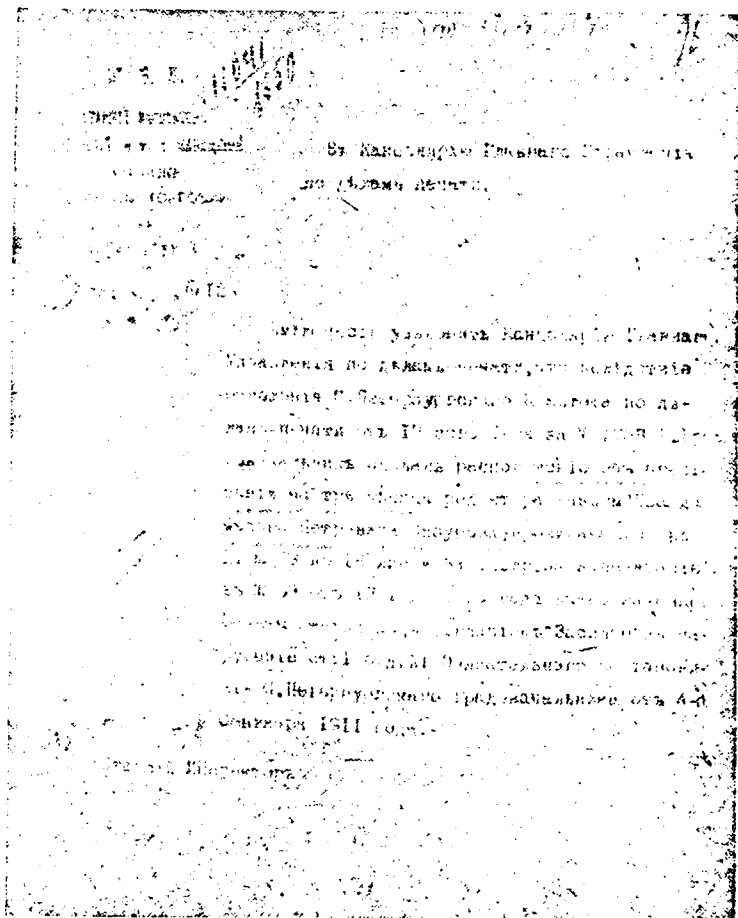
Охранка указывала на то, что распространение «Правды» «фактически делает излишней работу по воспроизведению нелегальных (подпольных) воззваний, прокламаций и других подпольных изданий»³.

Большевистская печать в годы подъема и прежде всего большевистская «Правда» являются ярким образцом того, как надо вести действительно революционную большевистскую газету. Опыт большевистской «Правды» и вообще большевистской печати в рассматриваемый период является прекрасным образцом для братских компартий. Большевистская «Правда» с пер-

вых моментов своего существования являлась подлинной газетой авангарда рабочего класса. Вокруг «Правды» сплотилась группа стойких большевиков «правдистов», выросло целое поколение большевиков, воспитанных «Правдой».

Большевистская «Правда» благодаря четкому ленинскому руководству развернула активнейшую борьбу по разоблачению ликвидаторства. «Правда» являлась руководителем и организатором революционной борьбы масс. «Социализм не готовая система, которой будет облагодетельствовано человечество. Социализм есть классовая борьба теперешнего пролетариата, идущего от одной цели сегодня к другой завтра во имя своей коренной цели, приближаясь к ней с каждым днем. Социализм проходит сегодня в стране, называемой Россией, через этап завершения строительства рабочей партии самими сознательными рабочими вопреки попыткам либеральной интеллигенции и «думской с.-д. интеллигенции» сорвать это строительство» (Ленин). «Правда» сыграла громадную роль в большевизации рабочего класса, в борьбе партии за завоевание большинства рабочего класса, выполнив колоссальную роль по подготовке Октябрьской революции.

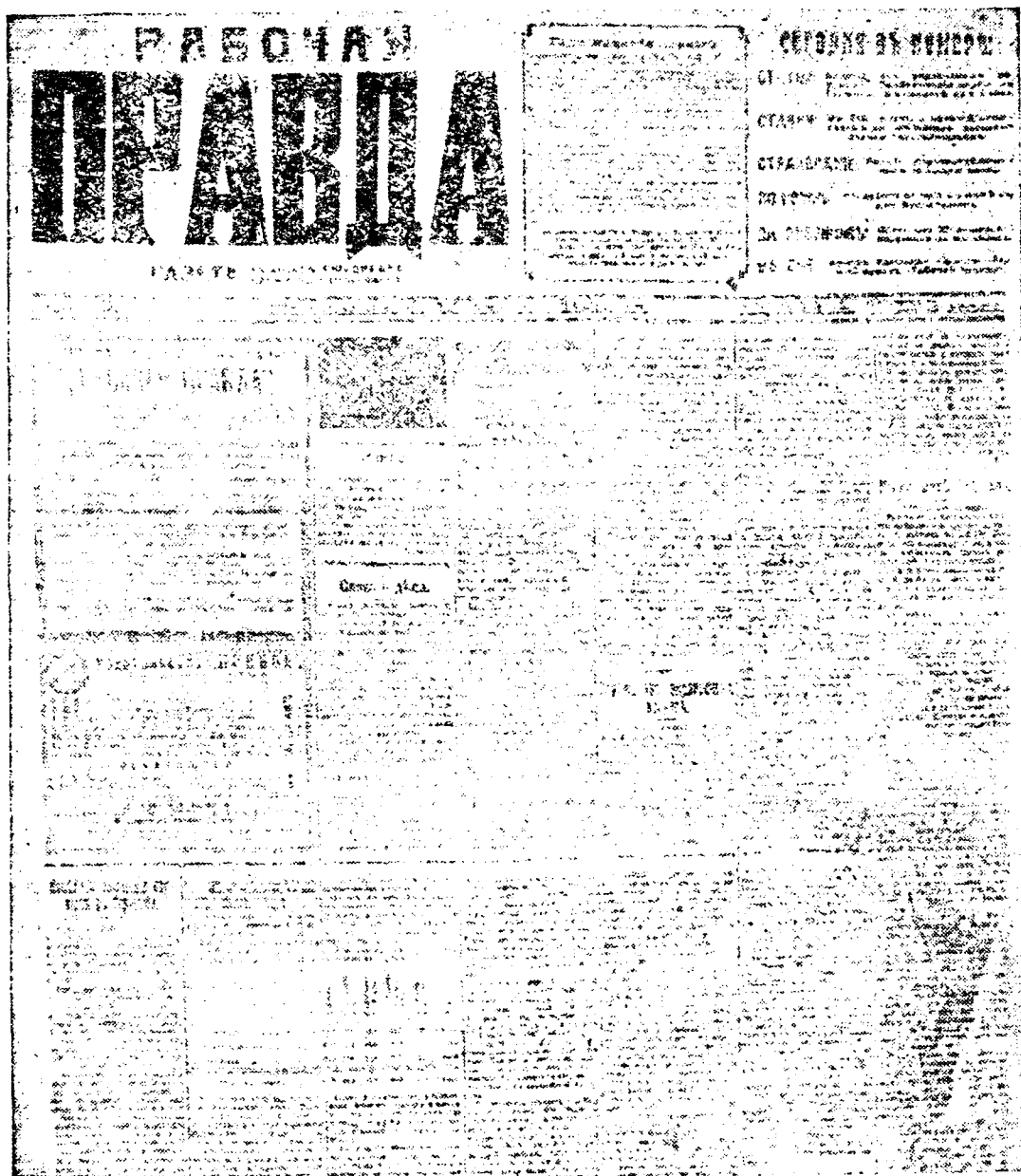
«Десятилетний юбилей ежедневной, в России издаваемой большевистской газе-

¹ Ленин, т. XVII, стр. 19.

² «Пролетарская революция» № 2 (14), стр. 456.

³ Там же.

ты,—писал в мае 1922 г. Ленин.—Только десять лет прошло с тех пор. А прожито по содержанию борьбы и движения за это время — лет сто. Быстрота общественного развития за последнее пятилетие прямо-таки сверхъестественна, если мерить на старые мерки, на мерки европейских филистеров, вроде героев II и 2½ интернационала».

Десять лет, отделяющие нас от 1922 г., принесли новые гигантские сдвиги, новое гигантское ускорение мирового развития. От первого этапа нэпа в 1922 г., через восстановительный период и начало социалистической реконструкции, партия подошла к последнему его этапу. 20-летний юбилей большевистской «Правды» мы празднуем в условиях окончательного подрыва жерней капитализма в деревне, когда решен вопрос «кто кого», когда созданы все условия для ликвидации капиталистических элементов и уничтожения классов.

Этих гигантских успехов партия добилась на основе четкого проведения своей генеральной линии, в борьбе за которую могучим орудием была большевистская печать. При помощи большевистской печати, в частности при помощи «Правды», партия проводила и проводит решительную борьбу против контрреволюционного троцкизма, а также против всех и всяческих отклонений от генеральной линии — против правого оппортунизма как главной опасности, разоблачив его как кулацкую агентуру, и против «левацких» загибов.

В руках большевистской партии печать всегда была не только мощным орудием пропаганды и агитации, но и могучим орудием организации масс.

В годы царизма «Правда» являлась могучим организатором масс в борьбе против царизма, против контрреволюционной буржуазии и ее приказчиков—ликвидаторов.

В 1917 г. «Правда» сыграла колоссальную роль, борясь против войны, разоблачая империалистическую политику временного правительства, разоблачая предательскую роль меньшевиков и эсеров, завоевывая на сторону большевизма огромное большинство рабочего класса, организуя победу Октября. После октябрьской победы «Правда» явилась могучим организатором масс в борьбе против интервенции, на фронтах гражданской войны, в борьбе за восстановление хозяйства, а затем за его реконструкцию и за построение социализма, за коллективизацию сельского хозяйства, за ликвидацию на ее основе кулачества как класса. «Большевистская печать,—пишет т. Сталин,—единственное орудие, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем нужном ей языке».

Являясь органом Центрального комитета, работая под его непосредственным руководством, осуществляя борьбу за генеральную линию партии, руководя массами в построении социализма на всех уча-

стках борьбы, конкретно подходя к вопросам социалистического строительства, увязывая эти вопросы с общими задачами социалистического строительства и с лозунгами партии, разрабатывая их на основе марксистско-ленинской теории, «Правда» разоблачает все формы оппортунизма, руководя героической борьбой масс за построение новой пятилетки, за большевистские темпы в работе, за реализацию 6 условий т. Сталина, за развертывание ударничества и соцсоревнования, за окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, за полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, за преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

«Правда» играла и играет колоссальную роль как организатор революционной борьбы всего мирового пролетариата, организатор борьбы за мировую революцию, за торжество мирового коммунизма.

Некоторые вопросы рабочего движения эпохи довоенного империализма

I

В свете письма т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» становится совершенно очевидной необходимость заострения внимания историков-марксистов на таких проблемах истории довоенного рабочего движения, как роль большевиков на международной арене, как вопрос о центризме, роли «левых радикалов» в германской, голландской и польской социал-демократии или «тесняков» в Болгарии и т. д. На некоторых из этих проблем, а также на некоторых связанных с ними вопросах мы и остановимся в настоящей статье.

Чрезвычайное обострение классовых противоречий в странах капитализма на почве все углубляющегося мирового кризиса, массовый переход рабочих от социал-фашизма в ряды компартии, решающие успехи социалистического строительства в СССР, осуществляемые под руководством нашей партии,—все это вызывает бешеную борьбу против большевизма со стороны социал-фашистов всех оттенков, а также троцкистов, являющихся «передовым отрядом контрреволюционной буржуазии» (Сталин).

Одним из средств этой борьбы за последнее время является, как известно, усиленное противопоставление большевизму люксембургизма как якобы единственного подлинно революционного течения в марксизме, как высшей «европейской» формы коммунизма, которое вправе претендовать на международное значение, тогда как большевизм является якобы лишь специфичным русским течением, которое, будучи само продуктом «азиатской отсталости», без достаточных оснований претендует на то, чтобы играть руководящую роль в Коминтерне. Так ставят вопрос «левые» социал-демократы¹.

Брандлеровцы и троцкисты в свою очередь усиленно выдвигают на первый план

¹ См. например E. Böse, Rosa Luxemburg und der Leninismus («Klassenkampf» № 16). «Р. Люксембург... — пишет Бёзе, — была в основных вопросах пролетарской революции антиленинисткой».

именно то, в чем Роза Люксембург расходилась с Лениным, и пытаются сделать ее своим знаменем в борьбе с Коминтерном и ВКП(б).

Усиленно спекулируют на том же и правые социал-фашисты: Ленин и Р. Люксембург—это «антиподы», «сочетание их имен—злая насмешка над историей»—пишет Лангергауз², который хвалит Розу между прочим за то, что она была против «преждевременной» организации II интернационала.

Но этого мало: наши враги из брандлеровско-троцкистского лагеря хватаются сейчас за те стороны люксембургизма, которые сама Роза Люксембург преодолела в 1918 г., в ходе германской революции. Розу, которую Ленин, несмотря на все ее ошибки, называл «орлом», они пытаются превратить в какую-то меньшевистскую «курицу». Ренегат Леви, издавший в свое время так называемую «тюремную» антибольшевистскую брошюру Р. Люксембург (притом с пропусками и искажениями), вновь пытается реабилитировать эту несомненную революционерку от обвинений в большевизме³.

Так всеми этими писаниями исключенные из Коминтерна троцкисты и правые ренегаты пытаются зачеркнуть весь тот тяжелый, мучительный процесс большевизации германской компартии, который последняя проделала именно под огнем большевистской критики.

Поэтому выяснение «серьезнейших политических и теоретических» (Сталин) ошибок «левых радикалов» и в первую очередь люксембургизма, выявление элементов центризма, меньшевизма в их идеологии, решительный отпор тем прикрасиваниям люксембургизма, которые имели место в нашей собственной среде (как например т. Радек), а главное — изучение той беспощадной борьбы с оппортунизмом и центризмом, которую еще в довоенную эпоху вел Ленин, является од-

² «Die Gesellschaft», 1931, Н. 1.

³ P. Lewi R. Luxemburg und K. Lieknecht zum Gedächtniss, «Klassenkampf», 1929, № 2.

ной из очередных и насущнейших задач историков-марксистов.

Это тем более важно, что мы имеем неправильное освещение довоенной истории II интернационала некоторыми членами наших братских компартий, в отдельных своих прослойках еще не изживших до конца тех элементов центризма и анархо-синдикализма, которые они принесли с собою, вступив в Коминтерн. Эти пережитки, унаследованные от довоенной эпохи II интернационала, сказываются не только в теории, но и в повседневной практике некоторых секций Коминтерна, являясь тормозом в их дальнейшей большевизации.

В недавно вышедшей работе члена французской компартии т. Ферра¹ «История французской коммунистической партии» имеется явная недооценка центристских колебаний гедизма в раннюю пору его существования, ошибочные попытки изобразить гедизм этого периода (до 1894 г.) как «наиболее оригинальную, наиболее отчетливую форму французского революционно-марксистского течения», а самого Геда—как занимавшего во время англо-русского конфликта 1884—1885 гг. чисто ленинскую, выдержанно пораженческую позицию в вопросе о войне. Тов. Ферра ни одним словом не упоминает об оппортунистической аграрной программе, принятой Рабочей партией на конгрессах 1892 и 1894 гг. и в свое время жестоко раскритикованной Энгельсом, наконец автор почти не вскрывает полного центристского перерождения гедизма, происшедшего в годы его существования, как одного из течений внутри объединенной французской социалистической партии, в частности совершенно не упоминает о в корне неправильном отношении гедистов к лозунгу массовой стачки, их ошибочной позиции в вопросе о роли профессиональных союзов в классовой борьбе пролетариата и т. п.²

Если у Ферра получается чрезвычайно вредное прикрашивание гедизма³, мешающее французской компартии окончательно избавиться от некоторых гедистских предрассудков, то в небольшой книжке гг. Серве и Бутона («Предательство социалистов в 1914 г.»), переведенной па

¹ A. Ferrat, Histoire du parti communiste français, 1931 (Bibliothèque du mouvement ouvrier)

² Ferrat, p. 32—43.

³ Аналогичные ошибки в оценке Делюна имеются в работах т. Райского.

русский язык, имеется налицо несомненная и еще более вредная идеализация анархо-синдикалиста Эрве, якобы занимавшего (в противоположность Жоресу и Геду) на конгрессах в Лиможе (1906) и Нанси (1907) «отчетливую революционную, пораженческую позицию» в вопросе о войне (стр. 24).

Разумеется, такая оценка эрвизма не имеет ничего общего с ленинской оценкой этого течения во французском социализме⁴, и совершенно очевидно, что историкам-марксистам предстоит проделать в отношении оценки гедизма, делюнизма и анархо-синдикализма такую же разоблачительную работу, как и в отношении люксембургизма, и тем самым раз и навсегда вырвать почву из-под ног у всех сторонников «теории ручейков», из которых якобы вырос и сложился большевизм.

В нашей марксистской литературе вообще уделялось довольно значительное внимание истории II интернационала. Однако ряд связанных с нею проблем либо освещался совершенно недостаточно, либо неправильно, что стало особенно очевидным в связи с письмом т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции».

Одним из наиболее общих и в то же время особенно важных недостатков наших работ по истории II интернационала является слабое, совершенно недостаточное использование ленинского наследства. Это относится не только к ранним нашим работам и в первую очередь к моим «Очеркам по новейшей истории Германии»⁵, которые писались в 1923—1924 гг., когда только начали выходить сочинения Ленина и мы только приступали по-настоящему к изучению ленинского наследства во всем

⁴ См. ст. «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» (т. VIII и XX, изд. 1-е) и «Борющийся милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии» (т. XI, изд. 1-е). Не менее противоречит ленинской оценке анархо-синдикализма и сближение этого течения с германскими «левыми радикалами», допущенное т. Зайдемом в его «Очерках по истории II интернационала».

⁵ При всех своих пробелах и ошибках, обусловленных не только совершенно недостаточным использованием ленинского наследства, но и неисполнением в распоряжении автора ряда важнейших материалов, опубликованных лишь в последующие годы (многие до того неизвестные произведения Ленина, письма Энгельса к Бернштейну, письма Р. Люксембург к Яну Тышке и др., архив Домеллы Ньюмангуса, переписка Энгельса с виднейшими вождями II интернационала, подготовляемая к печати в ИМЭЛ, архив К. Либкнехта и т. д.), «Очерки» (вышедшие в 1925 г.) все же были пер-

его объеме, но и к новейшим, как например 2-я часть «Истории западной Европы» т. Фридлянда или «Очерки по истории II интернационала» т. Зайделя.

С другой стороны, в работах по истории западного рабочего движения история II интернационала изучалась в большинстве случаев вне связи с историей большевизма вообще и его ролью на международной арене в частности, либо этой роли давалась в корне неверная, троцкистская оценка (Слуцкий), которой не был дан своевременно должный отпор¹.

Со всей решительностью следует прежде всего подчеркнуть, что только партия большевиков являлась и является хранительницей традиций подлинно революционного марксизма Маркса—Энгельса в теории и практике социалистического движения и только ленинизм является дальнейшим развитием марксизма: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций»². Зародившись в воды вступления Европы в стадию империализма («большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года»—Ленин), большевизм занимает совершенно исключительное положение среди социалистических течений во II интернационале. Объяснение этому надо искать в своеобразии тех исторических условий, в которых возникла и развивалась наша партия.

Еще в брошюре «Что делать» (1902) Ленин писал: «Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной

вой попыткой систематически изложить историю германской социал-демократии (1890—1914), преодолев вместе с тем схему Меринга; первой попыткой показать на конкретном историческом материале правильность концепции Ленина о двух тенденциях в рабочем движении, проследить на основании анализа тактики партии по всем важнейшим вопросам как возникновение централизма и переход партийного руководства на рельсы оппортунизма, так и возникновение левого крыла в связи с нарастанием революционных настроений среди широких масс пролетариата в последние годы перед войной.

¹ В частности это относится и к моему выступлению на дискуссии по истории германской социал-демократии в Комкадемии, в котором не было дано должной оценки выступлению Слуцкого, а также полутроцкистским выступлениям гг. Побеля и Вакса.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1926 г., стр. 10.

стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (мы можем сказать теперь) и азиатской реакции, сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками—революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией»³ (подчеркнуто мною.—Н. Л.).

Через 18 лет в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин писал: «С одной стороны, большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма, а правильность этой и только этой революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России... Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, революционная Россия обладала во 2-й половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна из стран в мире.

С другой стороны, возникши на этой гранитной теоретической базе, большевизм проделал 15-летнюю (1903—1917 гг.) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете, ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентарского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы во всех классах современного обще-

³ Ленин, т. V, стр. 138, изд. 1-е.

ства, при этом борьбы, которая в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта»¹.

Выдвигая «на первый план коренные вопросы русской революции», большевики выдвигали эти вопросы как пробный камень, на котором проверяли революционную выдержанность «левых» на Западе, «ибо все эти вопросы были вместе с тем и коренными вопросами мировой революции, задачам которой подчиняли большевики свою политику, свою тактику»².

Ленинизм вырос в монолитную партию с железной дисциплиной, окреп и закалился в боях с царизмом, в беспощадной борьбе на два фронта: против международного правого оппортунизма как главного врага и против мелкобуржуазной революционности (против анархизма, «левых» отзовистов и т. д.).

Только памятуя, что ленинизм возник в самом начале эпохи империализма, а вовсе не во время или после империалистической войны, как утверждают троцкисты; только подходя ко всем течениям во II интернационале с масштабом ленинизма как дальнейшего развития подлинного, нефальсифицированного революционного марксизма, мы сможем правильно оценить эти течения. Ошибки некоторых товарищей в оценке марксизма II интернационала, центризма или левого радикализма косятся в недооценке, а порой в отсутствии этого единственно правильного методологического подхода.

II

В оценках марксизма довоенного II интернационала в нашей исторической литературе мы встречаемся с ошибками как правого, так и «левацкого» характера.

Примером первого, ставящего на одну доску марксизм Ленина и «марксизм» Каутского, могут служить такие формулировки в книге т. Зайделя, как «блок левых элементов во II интернационале от Ленина до Каутского включительно» (в период с 1900 по 1907 гг.), или зачисление им же в одну категорию «революционных марксистов» (для 80—90-х гг.) Каутского, Гайндмана, Плеханова и даже Берн-

штейна, или трактовка каутского (периода 1900—1909 гг.) как «главы левого, революционного большинства II интернационала»³. К той же категории оценок II интернационала относится прикрашивание Бебеля и довоенного центризма в статье т. Зиновьева в БСЭ (т. XVI), смазывающее факт оппортунистического перерождения «центра» накануне войны⁴.

Примером сплошной «левацкой» характеристики партий II интернационала как оппортунистических с начала и до конца может служить оценка германской социал-демократии 70—80-х гг. у т. Бернштейна⁵, считавшего, что уже в эти годы партия была настолько оппортунистической, что самое издание закона против социалистов было излишним.

Такого рода ошибочные оценки льют воду на мельницу «ультралевых» и социал-фашистских историков вроде Брокшмидта, которые оправдывают современную тактику социал-демократии ссылкой на то, что сейчас она является такой же, какой была всегда, т. е. чисто реформистской партией, стоявшей на почве демократии, парламентаризма, отрицавшей насильственные методы борьбы; что с этой точки зрения нельзя говорить о какой-то «измене» вождей германской социал-демократии делу социализма и т. п.

К сожалению, подобные «левацкие» утверждения («Гед был центристом с начала и до конца») слышались и в некоторых выступлениях в Обществе историков-марксистов по докладу т. Бела Куна.

Нам кажется, что товарищи, разделяющие подобного рода установки, забывают ленинское учение о наличии и борьбе двух течений — «революционного и оппортунистического социализма» — в довоенном Втором интернационале, борьбе, которая «наполняет всю эпоху с 1889 г. до 1914 г.»⁶. Тем самым эти товарищи уступают современному социал-фашизму даже те течения, которые правда никогда не были подлинно марксистскими, но которые тем не менее в свое время по ряду вопросов «защищали революционные основы марксизма» «в борьбе с социалистическим оппортунизмом (Берн-

³ Очерки по истории II интернационала, стр. 138, 139, 191.

⁴ Подробнее см. «Историк-марксист», кн. 18—19, стр. 124—128.

⁵ А. Бернштейн, «Эйзенахцы» и «лассальянцы» (1867—1878), «Историк-марксист», № 13.

⁶ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 9, изд. 2-е.

¹ Ленин, т. XVII, стр. 119—120, изд. 1-е.

² Сталин, О некоторых вопросах истории большевизма, «Большевик» № 19—20, стр. 14—15.

штейна, Мильерана, Гайндмана, Гомперса и др.)»¹.

Поскольку представители этого революционного течения защищали марксистские позиции в таких вопросах, как вопрос о социальной революции, вотировании военных бюджетов, сотрудничестве с буржуазной демократией, как вопрос колониальный, аграрный и т. п., поскольку они приближались к большевикам в оценке русской революции пятого года, постольку они находили поддержку у Ленина и большевиков, этой единственной подлинно революционной, подлинно марксистской партии II интернационала². В других случаях Ленин беспощадно критиковал их непоследовательность и половичатость.

Те же товарищи забывают также, что в эту эпоху в сущности впервые сложились массовые пролетарские партии, в своем большинстве преодолевшие в той или иной степени такие антимарксистские течения, как анархизм, чистое кооператорство, тред-юнионизм, посибилзм, ласальянство; сложились пролетарские партии, как-никак стоявшие на платформе классовой борьбы и необходимости завоевания власти пролетариатом; что с этой точки зрения возникновение II интернационала, хотя бы и включившего в себя оппортунистические элементы и целые партии, не разделявшие этих установок (русские социалисты-революционеры, английская Независимая рабочая партия и т. п.), было все же крупнейшим шагом вперед в развитии рабочего социалистического движения.

Именно так подходил ко II интернационалу Энгельс, который боролся на два фронта—против сектантства Гайндмана и Геда, с одной стороны, и против оппортунизма—с другой. «Англо-американских социалистов они (Маркс и Энгельс) всего настойчивее призывали слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскорузлый сектантский дух,

немецких социалистов они всего настойчивее учили: «не впадайте в фашистерство», в «парламентский идиотизм», в «мещански-интеллигентский оппортунизм» (Ленин).

Энгельс помогал II интернационалу выбиваться на широкую дорогу борьбы за социализм, но дальнейшее развитие социал-демократии по революционному пути было заторможено: всемирная история вступила в эпоху (1872—1904), когда, по словам Ленина, «Запад с революциями покончил, Восток до них еще не дорос».

В следующий период (1905—1914) оппортунистическая тенденция в западно-европейском социалистическом движении усиливается, питаясь настроениями рабочих аристократии; но в силу обострения классовых противоречий крепнет и другая тенденция—революционная, хотя и далеко не свободная от элементов оппортунизма и центризма и еще неспособная порвать организационно с зараженными оппортунизмом партиями II интернационала.

С этой точки зрения оценивал эпоху II интернационала и Ленин, когда писал, что период 1872—1904 гг. характеризуется как «громадное распространение социализма вширь, невиданный рост всяческих организаций пролетариата»; Ленин характеризует этот период, как период «всесторонней подготовки на самых различных поприщах к восполнению им великой всемирно-исторической цели» («Август Бебель», т. XII, стр. 177), как «процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам» (т. XII², стр. 44).

Нельзя наконец забывать, что, вобрав в себя и развив дальше подлинно революционное учение Маркса—Энгельса, большевизм учел и переработал все то, что было ценного, подлинно революционного в практике рабочего движения эпохи II интернационала. Иначе нельзя объяснить, каким образом Коминтерн может рассматривать себя «как наследника лучших из довоенных традиций II интернационала» (см. программу Коминтерна).

III

Еще более политически вредными являются ошибки правого порядка, связанные с идеализацией левых радикалов или прикрашиванием теории и практики центризма и непониманием того бесспорного факта, что даже в свои лучшие годы

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 75—76, изд. 2-е. Предисловие к франц. и немецкому изд. «Империализма», июль 1930 г.

² Только в этом условном смысле Ленин считал, что на известном этапе такие признанные вожди II интернационала, как Гед, Бебель или Каутский, были марксистами. См. отзыв Ленина о Геде в ст. «Падение Порт-Артура» (т. VI, стр. 38, изд. 1-е), а также т. VII, ч. 2-я, стр. 132, примечание; т. XI, ч. 1-я, стр. 60; т. XI, ч. 2-я, стр. 105; т. XIV, ч. 2-я, стр. 387—388; т. XVI, стр. 184.

(с конца 80-х гг. и до 1906 г. например) германская социал-демократия или французская Рабочая партия (гедисты) не были свободны от серьезных уступок оппортунизму; что их теория никогда не была последовательно революционным марксизмом, а в их практике уже тогда наблюдалось «беспринципное колебание между марксизмом и оппортунизмом» или «соединение верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле», т. е. уже содержались весьма характерные элементы того, что Ленин называл впоследствии центризмом (см. т. XIV, стр. 388), хотя в эти годы эти колебания еще не стали с и с т е м о й—центризмом как вполне оформившееся течение еще не сложился.

Ленин характеризовал период 1872—1904 гг. как эпоху «мирной подготовки к эпохе будущих преобразований», а марксизм II интернационала как идеологию, «выросшую в эпоху, когда учение Маркса распространялось вширь», «что не обошлось без временного понижения высоты революционного уровня, без временного усиления оппортунизма» (т. XVI, стр. 181, 182).

В другом месте (т. XIII, стр. 50) Ленин характеризует эпоху II интернационала как эпоху, «породившую тенденцию к отрицанию классовой борьбы и к проповеди социального мира».

В «Государстве и революции» и в ряде других работ Ленин привел примеры «извращения» и «опошления» марксизма по основным вопросам (диктатура пролетариата, отношение марксизма к государству, империализм и анархизм и др.) в работах таких признанных теоретиков II интернационала, какими были Плеханов и Каутский.

В речи об условиях приема в Коммунистический интернационал (1920 год) Ленин еще раз отметил, что отсутствие упоминания о диктатуре пролетариата в Эрфуртской программе отнюдь не было случайностью (т. XVII, стр. 292—293).

Именно на основе этой ленинской критики марксизма II интернационала я старался дать в своих «Очерках» характеристику «ортодоксального» марксизма Каутского (этого «виднейшего теоретика II интернационала»), а также характеристику Эрфуртской программы на основании критических замечаний Энгельса (см. «Очерки», стр. 270—274, 294—301).

«Стоя официально на почве ортодоксального марксизма, — писал я там, —

идеологи движения, сознательно или бессознательно, в значительной степени устранили из... теории Маркса—Энгельса ее революционное содержание, приспособив ее к преходящим потребностям определенной полосы исторического развития. Так создался особого рода «марксизм», «марксизм Второго интернационала», тот «обезвреженный» марксизм, который с полным правом можно назвать «каутскианством» («Очерки», стр. 270—271, 300—301) ¹.

Уже в брошюре «Что делать» мы находим беспощадную критику международного оппортунизма, которая велась Лениным с принципиальных позиций, совершенно отличных от тех, с которых выступал против ревизионизма Каутский. Уже в этой брошюре Ленин выступал против допущения «свободы критики» в рядах социал-демократии, ибо такая «свобода критики», по его мнению, является «свободой оппортунистического направления в социал-демократии, свободой превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свободой внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов» (т. V, стр. 122).

В той же брошюре Ленин считал обязательным разрыв революционной социал-демократии с бернштейнианством и его русскими разновидностями (легальным марксизмом, рабочедельством и т. д.). «Мы идем,—писал он,—тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступиться в соседнее болото, обитатели

¹ Но, утверждая в своих «Очерках», что «новой (Эрфуртской) программе был придан строго выдержанный марксистский характер», что находится в полном противоречии с моим же критическим разбором этой программы, я несомненно допустил неправильную формулировку, противоречащую моей же характеристике «марксизма» II интернационала.

Кроме того, отмечая недостаточную непримиримость, проявленную Каутским в его критике бернштейнианства, я не отметил, что предшествовавшая выступлению Каутского критика бернштейнианства со стороны Розы Люксембург и Парвуса носила гораздо более марксистски-выдержанный характер (известно, что Роза, в противоположность Каутскому, рассматривала бернштейнианство как течение, ставшее вне социалистического движения), а также не отметил того обстоятельства, что Каутский вначале уклонялся от борьбы с Бернштейном. Вообще же зарождению левого крыла в годы борьбы с ревизионизмом следовало уделить гораздо больше места, чем я это сделал.

которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот, некоторые из нас принимают кричать: пойдете в это болото.—А когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди, и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу.—О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти, куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова «свобода», потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту» (Ленин, т. V, стр. 123).

Оппортунизм и элементы центризма имелись налицо еще до начала 900-х годов и в практике германской социал-демократии, не решавшейся рвать с ревизионистами. «Типом социал-демократических партий эпохи II интернационала,— писал Ленин в 1914 году (статья «Что же дальше»),—была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода, но державшийся тайком, приспособившийся к революционным рабочим, перенявший у них их марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной размежевки» (т. XIII, стр. 32). Известно, что даже Каутский, который одно время приближался по ряду вопросов к левому крылу германской социал-демократии, не только уклонялся вначале от борьбы с Бернштейном, но и проявил очень большие колебания, «бесхарактерность» в вопросе о миллеранизме (Ленин, т. XIII, стр. 163), отстаивая на Парижском конгрессе 1900 г. свою «каучуковую» резолюцию. На Дрезденском партийном конгрессе ревизионизм был осужден, но из этого не было сделано организационных выводов. В 1903 г., когда между большевиками и меньшевиками возникли серьезные разногласия по вопросу о членстве в партии, не только Каутский, но и Роза Люксембург приняли сторону меньшевиков и выступили против Ленина, обвиняя его в «ультрацентризме», «бланкизме», «якобинизме» и прочих смертных грехах, за что и сейчас еще так расхваливают Розу социал-фашисты (см. уже цитированную ст. Лангергауза).

То же самое можно сказать и о гедизме. Разделяя во многих основных вопросах позиции марксизма, рассматривая парламентаризм лишь как подготовительную стадию к захвату власти путем *в о с с т а н и я*, непримиримо борясь с политикой соглашательства и министрализма, ведя борьбу на два фронта — против правого оппортунизма (посибилитов) и анархистов, не останавливаясь перед разрывом с оппортунистическими или анархо-синдикалистскими течениями, гедизм уже в этот период не был свободен от центристских ошибок и колебаний. Иначе говоря, даже в этот период марксизм Геда был тем же «выхолощенным», обезвреженным марксизмом II интернационала, что и «марксизм» Каутского, не говоря уже о том, что «марксизм» Геда во многих отношениях носил на себе печать доктринерства и сектантства, неумения использовать противоречия между отдельными фракциями буржуазии¹, неспособности применить диалектический метод Маркса к оценке сложной и противоречивой ситуации, как это было например с делом Дрейфуса.

Защищая принцип классовой борьбы, подчеркивая классовую природу буржуазного государства, и в частности демократии (см. «Завоевание государства» Браке), гедисты не распространяли признания классовой борьбы до признания диктатуры пролетариата, что Ленин, как известно, выдвигал в качестве основного критерия, обуславливающего право на звание марксиста. Ни в программе Рабочей партии, ни в позднейших выступлениях гедистов мы не находим, за исключением одного случая, который не типичен (речь Геда на Парижском конгрессе 1900 г.), лозунга диктатуры пролетариата, являющегося «основным содержанием пролетарской революции» (Сталин)².

¹ См. письмо Энгельса к Бернштейну от 22/XII 1882 г. «Гед вбил себе в голову, что *la république atlénienne* Гамбетты гораздо менее опасна, чем *la république spartiate* Клемансо и хочет поэтому помешать ей, как будто бы мы или какая-либо партия в мире может помешать стране пройти исторически необходимые ступени ее развития, и не принимает во внимание, что мы едва ли можем во Франции прийти к социализму от республики *à la* Гамбетта, не пройдя через республику *à la* Клемансо» («Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 323).

² Это важное обстоятельство, как и некоторые другие, но было отмечено мною в статье о Гедизме и гедизме, помещенной в БСЭ.

Уже в начале 90-х гг. в Рабочей партии замечается тенденция к переоценке парламентаризма, а в речах дотоле непримиримого Гедда появляются нотки, явно идущие вразрез с прежней, более выдержанной теорией и практикой, являющиеся по существу идейной уступкой реформизму. Так, выступая в 1896 г. на банкете в Сен-Манде, Гедд утверждал, что одного только «законного оружия в виде избирательного бюллетеня достаточно, чтобы в руках Рабочей партии очутилась власть». На том же банкете он присоединяется к общей с миллеранистами декларации. В период 1893—1898 гг. геддисты входят в общую социалистическую парламентскую фракцию, где преобладают оппортунисты.

Если в 1884—1885 гг. во время англо-русского конфликта в Афганистане, грозившего вылиться в войну, Гедд занимал правильную позицию,— что еще отнюдь не дает права сопоставлять ее с ленинской установкой на «поражение своего правительства в империалистической войне», «облегчающее гражданскую войну против правящих классов» (т. XIII, стр. 51), как это делает в своей книге т. Ферра¹, — то уже в начале 90-х гг. геддистская Рабочая партия отказывается от принципов революционного интернационализма и переходит в вопросе о войне на позицию необходимости защиты отечества в «оборонительной войне».

«Подвергшаяся нападению Франция найдет своего наиболее пылкого защитника в лице социалистов Рабочей партии», — читаем в резолюции Парижского конгресса 1893 г. (см. также манифест Национального совета партии 1893 г.).

Весьма важные уступки оппортунизму были сделаны Рабочей партией в ее аграрной программе, принятой на Марсельском и Нантском конгрессах (1892, 1894 гг.). Исчерпывающую критику этой программы с точки зрения революционного марксизма дал, как известно, в свое время Энгельс, который указал на ряд принципиальных отступлений от марксизма, допущенных ее составителями, «приспособившимися ко вкусам крестьян».

Так, утверждая в мотивировочной части программы, что задача социализма состоит в том, чтобы соединить оба эти фактора всякого производства («собственность» и

«труд») в одних руках, объявляя затем «обязанностью социализма» поддерживать мелкую собственность «самостоятельно работающих крестьян» против фиска, ростовщика и крупного помещика, программа дает право утверждать, «будто бы социализм призывает превратить современную, мнимую собственность мелкого крестьянина на его поле в действительную, сделать следовательно мелкого арендатора-собственника, обремененного долгами владельца, свободным от долгов».

В то же время, совершенно забывая, что «первой обязанностью Рабочей партии в деревне является защита наемного труда против его эксплуатации не только помещиком, но и мелким фермером», аграрная программа допускает другую принципиальную ошибку: «прямое нарушение не только французской программы, но и основных принципов социализма вообще», поскольку она «объявляет настоятельной обязанностью социализма ограждать интересы фермеров, эксплуатирующих наемных рабочих», на том основании, что эти фермеры «до некоторой степени вынуждены к этому эксплуатацией, тяготеющей над ними самими»².

Отмечая в своей статье в БСЭ «не вполне выдержанный с марксистской точки зрения характер» аграрной программы геддистов и ее критику Энгельсом, я не подчеркнул того чрезвычайно важного факта, что, поскольку программа укрепляла мелкособственнические иллюзии крестьянства — сохранить и упрочить мелкую собственность в рамках капиталистического строя — и обещала охранение интересов даже эксплуатирующих чужой труд фермеров, она являлась приспособлением ко вкусам крестьян-собственников и была продиктована оппортунистической погоней за голосами среднего крестьянства и кулачества. Поэтому совершенно неправильно говорить, как я это делаю в своей статье в БСЭ, что аграрная программа Рабочей партии «была первой попыткой привлечь на свою сторону беднейшие слои деревни», и не сказать о том, что наряду с привлечением этих беднейших слоев социалистическая партия, вопреки своей собственной программе, брала на себя совершенно чуждые социализму задачи — «поддерживать единоличное хозяйство и единоличную собственность крестьян против

¹ Еще неизвестно впрочем, рекомендовал ли бы когда Гедд пораженческую тактику пролетариату, если бы опасность войны стояла тогда перед Францией.

² См. Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. ГИЗ, 1920 г., стр. 27—35.

превосходных сил капиталистического производства» (Энгельс), или охранять интересы применяющего наемный труд зажиточного крестьянства.

V

С поражением русской революции 1905 года начинается новая полоса в истории II интернационала — полоса полного центристского перерождения руководства II интернационала; центризм окончательно оформляется как течение в международном масштабе наряду с ревизионизмом и левым радикализмом, выступая по ряду вопросов в блоке с первым против второго, как прикрытая форма оппортунизма. Именно в эти годы оппортунистического перерождения руководства II интернационала Ленин беспощадно боролся с русским оппортунизмом меньшевиков и центризмом Троцкого, а затем добился окончательного организационного отмежевания от тех и других и закрепления самостоятельного существования большевистской партии.

В эти годы Ленин не раз сигнализирует растущую опасность оппортунизма и центризма в международном рабочем движении и ведет с ним систематическую борьбу, держа курс на мобилизацию всех левых элементов во II интернационале и на раскол с международным оппортунизмом.

Еще по поводу Иенского съезда германской социал-демократии (1905 г.) Ленин отмечает, что даже в Германии, «где всего сильнее традиции марксизма», в социал-демократических профессиональных союзах наблюдаются антисоциалистические тенденции «к чистому тред-юнионизму», что даже в этих союзах «исчезает социалистический дух» (т. XX, ч. 1-я, стр. 223).

В статье о Штутгартском конгрессе (т. VIII, стр. 498 и сл.) Ленин уже констатирует, что половина немецкой делегации «оказалась... горе-социалистами и голосовала за архиппортунистическую резолюцию Ван-Коля, признававшую возможность социалистической колониальной политики». Он отмечает далее, что «половина немецкой делегации, представители профсоюзов, стояла всего решительнее на оппортунистической точке зрения» и в вопросе о «нейтральности» профсоюзов (там же, стр. 501).

В статье «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии» (1908) Ленин резко критикует позицию Фольмара и Бебеля в вопросе о войне (т. XI, ч. 1-я, стр. 107, 109, 111), бо-

рясь таким образом не только с оппортунизмом, но и с центризмом, типичным представителем которого становится в эту эпоху Бебель как глава партийного руководства. А в работе «Государство и революция», оценивая полемику Каутского с Паннекуком, Ленин подчеркивает, что Каутский «совершенно извратил учение Маркса, подделявая его под оппортунизм, отрекался от революции на деле, при признании ее на словах» (т. XV, стр. 414, 415). Говоря о полном (подчеркнуто мною. — Н. Л.) переходе Каутского на позицию «центра» в 1912 г. (полемика Каутского с Паннекуком), Ленин следующим образом рисует процесс оппортунистического перерождения германской социал-демократии. «Германская социал-демократия, в лице Каутского, как бы заявляла: я остаюсь при революционных воззрениях (1899 г.). Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата (1902 г.). Но я все же таки иду назад против того, что говорил Маркс уже в 1852 году, раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству (1912 г.)» (т. XIV², стр. 388).

Реагируя на ультраоппортунистическую, сдавшую все старые позиции в вопросе о войне статью Каутского, помещенную в одном из номеров «Нейе Цейт» в 1912 г., Ленин писал Плеханову: «Статья Каутского в № 6 в «Нейе Цейт»... есть явно официальное мнение немцев, австрийцев и др. Мы решительно не согласны с центральным пунктом этой статьи... У Каутского выходит зарок именно от революционной массовой стачки. Это недопустимо и с русской точки зрения (стотысячные политические стачки теперь в Питере с революционными митингами и сочувствием во сстанию матросов!) и с общеевропейской» (Лен. сб. XIII, стр. 209).

Во второй статье, посвященной Штутгартскому конгрессу (т. XX, ч. 1-я, стр. 262 и сл.), Ленин отмечает «как замечательное и печальное явление», что «германская социал-демократия, до сих пор отстаивавшая всегда революционную точку зрения в марксизме, оказалась неустойчивой или занимающей оппортунистическую позицию». В статье о Копенгагенском конгрессе Ленин писал: «Вообще немцы не способны вести выдержанную принципиальную линию на международных съездах, и гегемония в Интернационале подчас ускользала из их рук». В этой же статье он констатирует капитуляцию центриста Вурма перед

явным оппортунистом Эльмом (т. XI, ч. 2-я, стр. 105).

Еще более определенно об опасности роста оппортунизма в рядах II интернационала говорит Ленин в своей статье «Два мира», относящейся к 1910 г. и посвященной Магдебургскому партийному съезду германской социал-демократии. «Магдебургские прения,—замечает он там,—главным образом по вопросу о голосовании баденцев за бюджет,—дали в высшей степени интересный материал, характеризующий два мира, даже две классовые тенденции внутри социал-демократической рабочей партии Германии. Голосование за бюджет лишь одно из проявлений этого расхождения двух миров, расхождения столь глубокого, что ему несомненно предстоит выразиться по поводам, гораздо более серьезным, гораздо более глубоким и важным» (т. XIV, изд. 2-е, стр. 376, 377).

В статье «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении» (по поводу поездки Легина в Америку и его позорного выступления перед Палатой депутатов, т. XII) Ленин бьет тревогу, констатируя рост и успехи оппортунизма в германской социал-демократии, «постоянно и неуклонно» «проводящего свой взгляд в массу», и восстает против «казенного оптимизма», пытающегося затушевать эту «несомненную болезнь немецкой партии», и в то же время клеймит попытки русских либералов и ликвидаторов («Троцкого конечно в том числе») «переносить на нашу почву это милое качество» (казенный оптимизм).

В письме к Карпинскому (Лен сб. XIII, стр. 108) по поводу участия немецких социал-демократов в международном конгрессе мира (Женева, 1912 г.) он пишет: «Несомненно, что общий рост оппортунизма и «уравновешивание» его силами революционной социал-демократии в крупных странах рабочего движения Германии, должно сказаться и здесь. Пусть Бебель дипломатничает с оппортунизмом—ежели это надо (???), а нам это не пристало».

Характерно, что в некрологе Бебелю Ленин характеризует его как символ определенного (2-го) этапа в развитии германского социализма. Ленин видит в этой действительно замечательной фигуре германской социал-демократии символ «периода подготовки и собирания сил рабочего класса».

Это сползание руководства немецкой социал-демократии на позиции центризма, превращение уступок оппортунизму в систему, борьба центра с левыми радикалами в союзе с ревизионистами были прослежены мною в «Очерках», но в этой работе нет критики теории империализма Гильфердинга, а имеющаяся в ней критика теории империализма Каутского совершенно недостаточна. Между тем совершенно очевидно, что отношение к империализму было в эти предвоенные годы¹ определяющим для всей тактики тех или иных течений в социал-демократии.

«Из марксистов Ленин был первый, который подверг действительно марксистскому анализу империализм как новую, последнюю фазу капитализма, по-новому поставил вопрос о возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах и разрешил его в положительном смысле» (Сталин, сб. «Об оппозиции», стр. 340).

VI

Процесс сползания революционного крыла социал-демократии на центристские позиции, его сближения с реформизмом шел полным ходом и в других партиях II интернационала. В частности этот процесс можно хорошо проследить в эволюции гедизма как течения внутри объединенной Социалистической партии Франции. Внутри этой объединенной партии гедизм уже не был революционным крылом.

Правда и в этот период Гед и его товарищи по фракции не раз выступали против переоценки реформ жоресистами, против оппортунистической теории завоевания власти путем получения парламентского большинства, не раз подчеркивали неизбежность насилия в грядущей социалистической революции. «Политическая деятельность,—говорил Гед на Лиможском конгрессе (1906),—шире парламентской... «политические действия—это народ, захвативший ратушу в 1789 г., это рабочие Парижа, идущие в 1848 г. на Национальное собрание». На конгрессе в Нанси в 1907 г. он рассматривал избирательную борьбу

¹ С другой стороны, в моей работе имеется не ленинское, а гильфердинговское определение империализма как «особого рода захватнической политики... присущей финансовому капиталу» («Очерки», стр. 144). Эта недопустимая ошибка была признана мною на дискуссии по истории Запада.

лишь как маневры пролетарских батальонов перед решительным сражением¹.

Гедисты и в этот период отстаивали в отдельных вопросах марксистские позиции, поскольку они боролись против теории нейтральности профсоюзов, против анархо-синдикалистского понимания генеральной стачки, как устраняющей необходимость вооруженного восстания.

Но наряду с этим они делают в этот период ряд серьезнейших уступок реформистам, проявляют оппортунистические колебания в таких важнейших вопросах, как путь пролетариата к власти, оценка массовых стачек и, что особенно важно, занимают все более и более оппортунистическую позицию в вопросе о милитаризме.

Уже самое подписание гедистами объединительного «пакта» означало серьезную уступку жоресизму, поскольку в этом документе не были зафиксированы такие принципиальные положения гедистского проекта условий объединения, как неизбежность «применения силы против буржуазии» при завоевании политической власти пролетариатом, как необходимость вести в парламенте «пропаганду конечной цели социализма». Выпал из объединительной платформы и гедистский пункт о необходимости контроля партии над ее парламентским представительством. Если учесть, что в 1905 г. вопрос о продолжении политики левого блока, категорически воспрещавшейся объединительной платформой, потерял свое практическое значение ввиду поправок радикалов и их явного тяготения к умеренно-республиканским группировкам, то ни в коем случае нельзя рассматривать объединительный конгресс 1905 г. как какую-то капитуляцию жоресизма: гедисты сдали гораздо более важные позиции, чем жоресисты. Но этим дело не ограничилось.

Выступая (в 1906 г.) на митинге в Ватерлоо, Гед допускал, что социалистическая революция может совершиться как мирная победа организованных рабочих; таким образом он смыкался здесь с центристским предположением Каутского, что грядущая революция «не будет революцией цепов и вил».

В статье «Законность и революция» (1907 г.) Гед мыслил вооруженное восстание пролетариата как выступление, лишь усиливающее избирательную победу со-

¹ См. также резкую критику парламентаризма, развернутую в том же духе Лафаргом на конгрессе в Тулузе в 1908 г.

циалистической партии, завоевание ею большинства Палаты. Итак, не завоевание большинства пролетариата и сочувствующих ему полупролетарских элементов города и деревни, а завоевание парламентского большинства должно предшествовать вооруженному восстанию. Выступая против анархо-синдикалистов на конгрессе в Тулузе, гедист Раппопорт договорился до утверждения, что в борьбе против тактики саботажа и беспорядочных стачек пролетариат солидарен с буржуазией, ибо он заинтересован (в буржуазном обществе!) в увеличении производства, а следовательно и в поддержании порядка.

Всецело разделяя платформу центристов в вопросе о массовых стачках, Гед, подобно Бебелю в Мангейме и Каутскому в его писаниях 1910—1912 гг., считал всеобщую стачку применимой лишь в качестве оборонительного оружия пролетариата или пригодной лишь в стране, где пролетариат еще не пользуется политической свободой. В этом вопросе у Геда сказывалась та же центристская боязнь выступления «неорганизованных масс», как и у Каутского в его полемике с Розой.

В то же время гедисты отстаивали оппортунистическую теорию ограничения задач синдикатов защитой чисто профессиональных интересов рабочих, тем самым укрепляя позиции правооппортунистического крыла в профессиональном движении.

В эти годы «непримиримость» Геда и Лафарга, и особенно таких их сотоварищей по фракции, как Компер-Морель, Зеваэ и др., заметно ослабевает. Гедизм как бы выветривается, окончательно превращаясь из марксистского течения в центристское, «колеблющееся между марксизмом и оппортунизмом» и приспособляющееся к реформистскому уклону партии в целом.

В одной из позднейших статей («Крах II интернационала», 1916 г.) Ленин дал весьма суровую, но вполне заслуженную характеристику гедизма в этот период его существования. Разбирая ссылку Каутского на солидарность с Гедом и Плехановым в вопросе о защите отечества, Ленин писал: «Если бы Каутский интересовался добросовестно политической биографией названных лиц, он должен был бы припомнить — не было ли в этих биографиях таких черточек и событий, которые не «в один день», а в десяток лет подготовляли переход к империализму... не умирало ли

у всех на глазах направление Гед в образцово-безжизненном, бездарном, неспособном занять самостоятельную позицию ни по одному из важнейших вопросов гедистском журнале «Социализм?» (т. XIII, стр. 163).

Выступления Гед на конгрессах в Лиможе, Нанси и Париже (1914 г.) по вопросу о борьбе с милитаризмом означали по сути дела отказ от всякой сколько-нибудь серьезной борьбы с надвигавшейся войной. На Штутгартском международном конгрессе 1907 г. Гед вместе с Бебелем и Фольмаром не сумел противопоставить «легкомыслию» и увлечению левой фразой эрвейстов ничего, кроме «одного только догматического изложения общих истин социализма». По своей «величайшей близорукости» он оказался неспособным дать «ценное указание на активные задачи пролетариата», а также «признать в эрвейзме, не смотря на теоретическую нелепость и вздорность постановки (последним) вопроса», «живую струйку» — «призыв ценить не одни только парламентские способы борьбы, призыв к действию сообразно новым условиям будущей войны и будущих кризисов», т. е. ту сторону вопроса, которую подчеркивали в своих речах «революционные социал-демократы, особенно Р. Люксембург» (Ленин, т. XX, ч. 1-я, стр. 268)¹. Теперь Гед проповедывал самое активное участие пролетариата в войне, раз дело пойдет о защите «страны более социалистической (с большим распространением социализма среди рабочих.—И. Л.) против страны менее социалистической», при чем под первой явно разумелась Франция, а под второй — Германия. Совершенно в духе Жореса Гед подчеркивал, что в грядущей войне французскому пролетариату будет что защищать против врага: это — его «наследство», т. е. те средства производства, которые находятся пока в руках буржуазии, но перейдут к нему в день социальной революции.

Эта «оппортунистическая позиция в вопросе о милитаризме.—писали мы в статье «Гед» в XIV т. БСЭ.—которая в сущности обесценивала правильную линию гедистов в других тактических вопросах, облегчила с начала империалистической войны пере-

¹ Статьи Ленина о Штутгартском конгрессе и его статья «Воинствующий милитаризм и анти-милитаристская тактика социал-демократии» дают блестящие образцы борьбы на два фронта: против правых оппортунистов и центристов, с одной стороны, и против анархического фразерства эрвейстов — с другой.

ход Гед и его фракции вместе со всей Социалистической партией в лагерь социал-патриотов, что выразилось в голосовании гедистов за военные кредиты, уничтожение политических свобод и т. п., во вхождении Гед вместе с жоресистом Самба в кабинет Виеслани, словом, вступлении на путь политики «священного единения классов».

Те же явления, тот же рост оппортунизма и центризма отмечал Ленин в последние годы перед мировой войной и в других странах — Англии, Швейцарии, Бельгии².

VII

Говоря о переходе официального руководства крупнейших партий II интернационала на центристские позиции в последние годы перед войной, необходимо дать точное определение, что следует понимать под термином «центризм». В своих военных и послевоенных статьях Ленин прямо отождествляет «беспринципно колеблющийся между марксизмом и оппортунизмом» (т. XIV, ч. 2-я, стр. 388) центризм с каутскианством, подчеркивая при этом, что центризм — «не марксистское течение». В другом месте Ленин писал: «Каутскианство — не случайность, а социальный продукт противоречий II интернационала, соединение верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле» (т. XIII, стр. 105). Тов. Сталин определяет центризм как «идеологию подчинения пролетарских интересов интересам мелкой буржуазии в составе одной общей партии».

То, что Ленин писал в статье «Крах II интернационала» (1915 г.) относительно центризма в эпоху войны, приложимо к каутскианству и последних предвоенных годов, к довоенному центризму: «Не так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочие массы, как эта теория золотой середины, оправдываемая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и пр... Виднейший представитель этой теории и вместе с тем виднейший авторитет II интернационала — Каутский» (т. XIII, стр. 105).

В той же брошюре «Социализм и война» в специальном параграфе «Каутскиан-

² См. например его статьи: «О происшествии с королем португальским» (т. XII, изд. 2-е, стр. 151), «В Англии», «Разоблачение английских оппортунистов» (т. XVI, изд. 2-е), «В Швейцарии» и др.

ство» Ленин писал: «Каутский, наибольший авторитет II интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или в «брентанизм». Мы видим это и на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолощивают его революционную живую душу, в марксизме признают все, кроме революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении. Каутский безыдейно «примирает» основную мысль социал-шовинизма, признание защиты отечества в данной войне, с дипломатической, показной уступкой левым в виде воздержания при голосовании кредитов...» (т. XIII, стр. 104, 105).

В статье «Положение и задачи социалистического Интернационала» Ленин дает такую общую оценку вождям II интернационала перед началом мировой войны: «Фактическое преобладание оппортунистов среди них,—пишет он,—давно отмечалось во всех различных странах различными наблюдателями» (т. XIII, стр. 13). А в конце своей брошюры «Государство и революция» Ленин писал: «Мы вправе сделать вывод, что II интернационал в подавляющем большинстве его официальных представителей вполне скатился к оппортунизму» (т. XIV, ч. 2-я, стр. 395).

VIII

В ряде статей Ленин постоянно отмечал наличие двух тенденций в рабочем движении—оппортунистической и революционной. «С одной стороны,—писал он в статье «Империализм и раскол социализма» (1916 г.),—тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества», почить на лаврах «эксплоатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция масс, угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистических войн, скинуть с себя это иго, ниспровергнуть буржуазию. В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет развертываться теперь история рабочего движения».

«Ни одна, буквально ни единая из крупных капиталистических стран Европы в течение этой эпохи не была пощажена борьбой между двумя противоречивыми течениями внутри современной демократии. Эта борьба в каждой из крупных стран принимала иногда, несмотря на общий «мирный», «застойный», сонный характер эпохи, самые бурные формы, вплоть до расколов¹. Эти противоречивые течения сказались на всех без исключения многообразных областях жизни и вопросах современной демократии: отношение к буржуазии, союзы с либералами, голосование за кредиты, отношение к колониальной политике и реформам, к характеру экономической борьбы, к нейтральности профессиональных союзов и проч.» («Под чужим флагом», т. XX, стр. 528—529).

В то же время в ряде статей, относящихся к последним предвоенным годам (1908—1914), Ленин говорил об «обострении в огромных размерах классовой борьбы», которое «подрывает почву оппортунизма», о нарастании революционного движения «во всех передовых капиталистических странах», особенно в Англии, о назревании революционного кризиса даже в юнкерской Германии, о революционизировании масс, о неудержимом росте социализма «вопреки отчаянному оппортунизму», о «надвигающейся неминуемо революционной буре», приближении решительной борьбы с буржуазией.

«Рабочая масса и в Германии, и в других странах все больше спланивается в армию революции, и эта армия развернет свои силы в недалеком будущем, ибо революция парастает и в Германии, и в других странах» — писал Ленин в ст. «Павел Зингер» (1911)². «Международное революционное движение пролетариата,—писал он в статье «Горячий материал в мировой политике» (1908),—не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран... В общем и целом мы видим ясно громадный шаг вперед

¹ «В течение всей эпохи II интернационала,— писал Ленин в работе «Социализм и война» (1915 г.),— повсюду шла борьба внутри с.-д. партий между революционным и оппортунистическим крылом. В ряде стран был раскол по этой линии (Англия, Италия, Голландия, Болгария)» (т. XIII, стр. 103).

² Том XI², стр. 218—219.

международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение решительной борьбы с буржуазией — борьбы во много раз более подготовленной со стороны рабочего класса, чем во времена Коммуны, этого последнего великого восстания пролетариев»¹.

Итак, в последние годы перед мировой войной во всех передовых капиталистических странах уже замечалось нарастание революционного движения, уже имелись налицо некоторые признаки, симптомы начинавшегося революционного подъема. Но общереволюционной ситуации еще не было: можно было говорить об «обострении выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов», о «значительном повышении... активности масс», но не было налицо «кризиса верхов», «невозможности для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство и жить и управлять по-старому».

«Революционная ситуация вообще» сложилась в ряде стран уже во время войны².

Эти симптомы начинавшей складываться с 1905 г. революционной ситуации способствовали оформлению левого крыла германской социал-демократии, что отмечалось мною еще в «Очерках». Это левое крыло социал-демократии начинает проявлять себя уже в конце 90-х и начале 900-х гг. (в Германии Роза Люксембург, Парвус и др.). Оно борется более последовательно, чем Бебель и Каутский, с бернштейнианством, но в этот период оно еще недостаточно оформилось. Это оформление произошло под непосредственным влиянием российской революции 1905 г.

Ни в какой степени нельзя видеть предшественников этих будущих «левых радикалов» в оппозиции так называемых «молодых». В своей статье «Август Бебель» (1913 г.) Ленин дал чрезвычайно меткую, четкую характеристику этой «левацкой» партийной оппозиции начала 90-х гг., когда писал: «В 1890 г. исключительный закон против социалистов, просуществовавший 12 лет, пал. Партийный кризис, при-

¹ Том XI¹, стр. 103. См. еще ст. «Английское рабочее движение в 1912 г.», «Гарри Квелч» (1913), «Английские споры о либеральной рабочей политике» и др.

² См. Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XIII, стр. 139—140; т. XVII, стр. 172, 180; т. XX¹, стр. 551—552. См. также «Тезисы о задачах Коминтерна и РКП(б), принятые XIV конференцией РКП(б)» (Бюллетень № 5, стр. 309—310).

близительно того же характера, что и в половине 70-х гг., повторился опять. С одной стороны, оппортунисты, с Фольмаром во главе, готовы были воспользоваться легальностью для отречения от неурезанных лозунгов и от непримиримой тактики; с другой стороны, так называемые «молодые» играли в «левизну» и скатились к анархизму. Если этот кризис партии оказался очень коротким и несерьезным, то большая заслуга приходится здесь именно на долю Бебеля и Либкнехта, которые дали самый твердый отпор обоим шатаниям»³.

В другом месте⁴ Ленин называет «молодых» «полуанархистами, отрицавшими парламентскую борьбу», а отметив имевшие место в 80-х гг. успехи «анархо-синдикализма, или, по-тогдашнему, анархизма» в Германии, он поясняет: «молодые» в начале 90-х гг., Иоганн Мост — в начале 80-х гг.»⁵.

Хорошо известно, что Ленин считал анархизм идеологией мелкого буржуа, «взбесившегося от ужасов капитализма»⁶. В статье «Разногласия в европейском рабочем движении» (1910 г.) он рассматривает не только реформизм, но и анархо-синдикализм, как «прямой продукт буржуазного мирозерцания и его влияния».

Оба эти течения он характеризует как «хватаящиеся за одну сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимоисключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса». Его характеристика анархо-синдикалистов как людей, «отвергающих «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны», его меткое замечание, что «на деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собрать силы, создающие великие события», с полным правом могут быть применены к оппозиции так называемых «молодых»⁷.

³ Том XII, ч. 2-я, стр. 180.

⁴ Том XI, ч. 2-я, стр. 218.

⁵ Там же, стр. 137.

⁶ Том XVII, стр. 125.

⁷ В свете этих ленинских установок становится очевидной вся ошибочность моей характеристики «молодых», имеющейся в моих «Очерках», как оппозиции, которая якобы «сделала тогда последнюю попытку оживить в партии революционные традиции».

Правда, в той же работе имеется и критика «молодых» и их ошибок анархо-синдикалистского порядка. Однако эта критика не может быть при-

Эта точка зрения Ленина на «молодых» вполне подтверждается тем, что мы теперь знаем о связях «молодых» с голландским анархистом Домеллой Ньювангуисом.

Если в своих «Очерках» я останавливался достаточно подробно на центристском перерождении руководства германской социал-демократии, хотя и допустил при этом некоторые неправильные положения, то совершенно недостаточны имеющиеся там как характеристика, так и особенно критика левых радикалов, в частности люксембургянцев. Этот пробел приобретает в настоящий момент, в свете письма т. Сталина, сугубое значение.

В моих «Очерках» отмечается нарастание революционной ситуации в последние годы перед войной (стр. 382, 383), прослеживается идейное оформление левых радикалов (анализ полемики Розы и др. с Каутским и ее борьбы с центризмом и оппортунизмом), указывается на недоговоренность положения Паннекука в вопросе о государстве и революции (стр. 403), на то, что Роза и Паннекук не ставили вопроса о вооруженной борьбе за власть и т. д. (стр. 404), что, «резко критикуя оппортунистическую политику партии, левые радикалы не ставили вопроса о расколе» (стр. 401 — 402), что, даже выступая с самостоятельными резолюциями на Мангеймском и др. партийтагах, они снимали их во имя сохранения «пресловутого единства», сохранения «мира в партии».

Но я несомненно переоценивал «марксистскую революционность» левых радикалов, когда называл их «молодыми побегами», «возродившими подлинно-революционный социализм» (стр. 432).

С другой стороны, в своих «Очерках» я не даю никакой критики центристских — теоретических и политических — ошибок люксембургянства: его преклонения перед стихийностью, недооценки им роли партии, его ошибок в национальном и крестьянском вопросах, ошибочной теории империализма Р. Люксембург, отношения к разногласиям среди русских социал-демократов и т. д.

знана достаточной. В частности не подчеркнут вполне определенный анархистский характер оппозиции «молодых» и неправильно трактуется вся роль этой оппозиции во внутрипартийной борьбе начала 90-х гг. (см. «Очерки», стр. 263, 266, 268). Аналогичную ошибку в оценке «молодых» делают гг. Ривлин и Фейгельсон в «Борьбе течений в германской социал-демократии» («Книга для чтения по истории нового и новейшего времени», т. III).

Одной из коренных ошибок г. Люксембург является ее преклонение перед стихийностью и недооценка значения пролетарской партии как организатора революции. Еще в 1904 г. в своей статье «Организационные вопросы русской социал-демократии» («Искра» № 69) Роза писала, что бессознательное всегда идет впереди сознательного, что тактические лозунги, выдвигаемые партией, не «изобретаются», а являются лишь обобщением ряда, порой весьма элементарных, проявлений рабочего движения, актов классовой борьбы. В эпоху революции дело партии — просвещать массы, «будить в них сознание собственной силы, укреплять в них боевую энергию», остальное можно «смело предоставить ходу вещей». Поэтому «едиственно разумной целью» политической партии может быть «овладение и руководство» «не началом революционного взрыва», а лишь его «концом, его результатами» (Redner der Revolution. R. Luxemburg. 1928, s. 70. «Vorwärts», 9—10 февр. 1905 г. «Политический переворот в России»).

Это принижение сознательности перед стихийностью, это сведение роли партии почти что к агитационно-пропагандистской работе, отказ от овладения революционной стихией и планомерной организации революционных выступлений пролетариата благополучно удержалось в люксембургянстве вплоть до 1918 г., когда Роза формулировала (на учредительном съезде КПГ) роль коммунистической партии в революции в следующих выражениях: «Союз «Спартак» — не партия, стремящаяся к власти над рабочими массами или посредством их. Союз «Спартак» — только наиболее сознательная часть пролетариата, которая на каждом шагу указывает всей массе рабочего класса на его исторические задачи, которая на отдельных этапах революции представляет социалистическую конечную цель и интересы мировой пролетарской революции».

Нечего и говорить, что вся эта полуменьшевицкая установка не имеет ничего общего с ленинским учением об организующей и руководящей роли пролетарской партии в классовой борьбе, особенно в эпоху социалистической революции и подготовки к захвату власти и установлению диктатуры пролетариата. В частности одной из аксиом большевизма является положение, что при революционной ситуации партия обязана взять на себя не только политическую, но и техниче-

скую сторону организации вооруженного восстания, «ибо отделение «технической» стороны революции от политической есть величайший вздор» (Ленин, т. VI, стр. 95).

Между тем Роза и в 1905 году и позже (например в 1912 г.) не выдвигала лозунга вооруженного восстания, не понимала неизбежности перерастания массовых политических стачек в восстание и пренебрежительно относилась к вопросу об его «технической подготовке». Вся та уничтожающая критика меньшевистских концепций в этом вопросе, какую дал Ленин в 1905 — 1906 гг. (см. например ст. «Должны ли мы организовать революцию», «Две тактики» и др.), была направлена по сути дела и против Розы Люксембург.

В корне неправильная трактовка «стихийного» и «сознательного» привела Розу к ошибкам и в организационном вопросе. В уже упомянутой статье, посвященной разногласиям внутри РСДРП, она берет сторону Аксельрода против Ленина, обвиняя последнего в «ультрацентрализме», в воскрешении организационных методов якобинизма или заговорщицкой практики бланкистов, защищая меньшевистскую теорию «организации-процесса», «опошляющую и протестирующую марксизм» (Ленин, т. VII, изд. 3-е, «Соловья баснями не кормят», стр. 75), недооценивая роль партийного аппарата в деле борьбы с оппортунизмом.

Лозунг диктатуры пролетариата был выдвинут Розой лишь после ноябрьской революции в Германии. Еще в своей «тюремной» брошюре (сентябрь 1918 г.) она считает противопоставление диктатуры демократии ошибкой, общей и Каутскому, и Ленину. На Штутгартском и Гапновверском партийтагах (1898, 1899 гг.) Роза поддерживала каутскианскую точку зрения, что насилие и террор вовсе не обязательно связаны с пролетарской революцией, что лишь безрассудная тактика противников (буржуазии) может навязать социал-демократии насильственные методы борьбы.

Неправильно обобщая опыт Германии и Польши. Роза и ее сотоварищи по правлению СДПиЛ недооценивали крестьянства как одной из движущих сил буржуазно-демократической революции в России и главного союзника пролетариата. Поэтому польские с.-д. отвергали ленинский лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, вы-

двигая ошибочную теорию диктатуры пролетариата, только опирающегося на крестьянство. «Парвус и Роза Люксембург,—писал т. Сталин,—сочинили утопическую, полуменьшевистскую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства...» («О некоторых вопросах истории большевизма», «Большевик» № 19—20, стр. 13).

Увлеченная борьбой с национализмом ППС, Роза Люксембург занимала ошибочную позицию в национальном вопросе, оспаривая ленинский лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения и тем самым (применительно к русским условиям) играя на руку национализму великороссов (см. статью Ленина «О праве наций на самоопределение» т. XII², 1914 г.).

Не менее ошибочную позицию занимала Роза, как и германские «левые радикалы» вообще, в колониальном вопросе, что стоит в связи с ее «полуменьшевистской» (Сталин) люксембургской теорией империализма, приводящей к представлению о фаталистическом, автоматическом крушении капитализма и неспособной объяснить рост экономических и политических противоречий в эпоху империализма. Известна борьба «левых» против выдвинутой большевиками установки на поддержку революционно-освободительных движений в колониях в целях создания единого фронта между пролетариатом передовых стран и угнетенными народами колоний для борьбы с империализмом и подготовки пролетарской революции.

«Левые радикалы» боролись с проявлениями оппортунизма как в открытой, так и в скрытой форме (форме центризма), но они недооценивали оппортунистической опасности и, исходя из неправильной теории империализма, не видели в рабочей аристократии главной социальной основы международного оппортунизма. Отсюда — их колебания в вопросе о расколе с официальной партией, все более и более переходившей на рельсы оппортунизма: отсюда же — борьба правления СДПиЛ (во главе с Розой) против «раскольнической» тактики большевиков в 1912 г. или защита Розой («рядом с Плехановым, Вандервельде, Каутским и др.») объединения большевиков с меньшевиками в июне 1914 г. (Ле-

гин, т. XX, стр. 490)¹. До войны немецкие «левые радикалы» не сумели оформиться организационно внутри партии, во имя традиции «единства» и сохранения «мира в партии» они сняли вопрос о расколе с оппортунистами и играли роль бессильной литературной оппозиции. Центристские колебания левых радикалов и их организационная беспомощность привели к тому, что 4 августа 1914 г. они не выступили в рейхстаге, хотя во фракции и боролись против голосования за военные кредиты.

Теоретические и тактические ошибки левых радикалов, характерные для довоенной эпохи, и их расхождения с большевиками по ряду коренных вопросов пролетарской революции сказались с новой силой в военную и послевоенную эпохи.

Преклонение перед традицией «единства» предопределило ошибочную позицию «группы интернационала» на Циммервальдской конференции, длительное пребывание союза «Спартак» в недрах Независимой с.-д. партии, запоздалое оформление КПГ как самостоятельной партии, оппозицию люксембургянцев созданию III интернационала, которое они считали в 1919 г. «преждевременным», предчувствуя, что большевики займут в нем руководящее положение; нигилизм в национальном вопросе перерос в положение о невозможности национальных революций в эпоху империализма (см. брошюру Юниуса (Розы) и ее критику Лениным).

Исходя из своих ошибочных установок в вопросе об империализме, диктатуре пролетариата, роли крестьянства, праве наций на самоопределение, о значении насилия в пролетарской революции, Роза, как известно, выступила с резкой критикой всей большевистской тактики в Октябре (см. ее «тюремную» брошюру «Русская революция. Критическая оценка»).

Ноябрьская революция в Германии «сняла» ряд существенных разногласий между большевиками и Розой, но это еще не значит, что Роза и ее сотоварищи превратились теперь в стопроцентных большевиков, что они не принесли с собою в КПГ пережитков центризма. Достаточно указать, что в программе союза «Спартак» проводится мысль, что «пролетарская революция для своих целей не нуждается в

терроре», что в этой программе «Спартак» не отмежевывается от центристов и т. п.

Люксембургянство, как известно, пережило самое Розу. Именно расхождения с большевиками по ряду тактических вопросов определили позицию представителя КПГ на I конгрессе Коминтерна—г. Эберлейна, который выступил против немедленного основания III интернационала. «Преобразование старого типа подкрашенной в революционный цвет партии в новый тип партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию — это вещь чрезвычайно трудная»,—писал Ленин в 1922 г. («О восхождении на высокие горы», т. XX, стр. 489).

Этот процесс большевизации братских компартий не завершен в отдельных их прослойках и поныне. Поэтому сугубо вредными являются всякого рода попытки затушевать центристские ошибки люксембургянства, подкрасить его под большевизм, объявить его тем «мостом», который и теперь может облегчить рабочим переход от соц.-демократии в ряды компартии.

Само собой разумеется, что наряду с критикой люксембургянства и «левых радикалов» вообще, выявлением их центристского багажа, должны быть серьезно изучены и учтены их революционные заслуги перед рабочим движением. «Конечно,—писал Сталин,—у левых в Германии были не только серьезные ошибки. Они имеют за собою также большие и серьезные дела. Я имею в виду целый ряд их заслуг и революционных выступлений по вопросам внутренней политики и в частности по вопросам избирательной борьбы, общей забастовки, о войне, о революции 1905 г. в России и т. д.» («О некоторых вопросах истории большевизма»).

Для правильного понимания ленинского учения о двух тенденциях в рабочем движении важно усвоение марксистско-ленинской теории абсолютного обнищания и ленинского учения о социальных корнях оппортунизма. Еще в 1900 г. в «Проекте программы нашей партии» (т. I, стр. 380—381) Ленин рекомендует внести в нее характеристику Маркса, повторенную в «Эрфуртской программе», где говорится «о росте нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации». Отметив, что за последнее время бернштейншанцы с особой силой возражают против «теории обнищания», Ленин констатирует, что сам Бернштейн под напором критики вынужден

¹ История отношений между большевиками и германскими левыми радикалами исчерпывающе освещена в статье т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» («Большевик», № 19—20, стр. 12—13).

был признать верность указанных слов Маркса как характеризующих тенденцию капитализма — тенденцию, которая превращается в действительность при отсутствии классовой борьбы пролетариата против этой тенденции, при отсутствии завоеванного рабочим классом «законов об охране рабочих».

Критикуя плехановский проект программы РСДРП (в 1902 г.), Ленин писал: «Рост безработицы, нищеты, гнета и принижения является неизбежным результатом этой основной тенденции капитализма» (Лен. сб. II, стр. 21, первый вариант).

В статье 1900 г. Ленин говорит, что помимо указанной тенденции существует бесспорно рост социальной нищеты. «Наряду с ростом общественного богатства,—читаем в ленинском проекте программы,—растет общественное неравенство, углубляется и расширяется пропасть между классом собственников (буржуазии) и классом пролетариата» (Лен. сб. II, стр. 44).

Характеристика Маркса остается, по мнению Ленина, правильной еще и в том смысле, что «на пограничных областях капитализма» (т. е. в тех странах и в тех отраслях народного хозяйства, в которых капитализм только возникает, встречаясь с докапиталистическими порядками) рост нищеты, и притом не только социальной, но и самой ужасной физической нищеты, до голодания и голодной смерти включительно, принимает массовые размеры.

Такова марксистско-ленинская теория обнищания. Ее конкретно-историческая разработка, имеющая важное значение при изучении борьбы двух тенденций в рабочем движении, должна стать одной из задач историков-марксистов. Здесь мы можем коснуться этого вопроса лишь в самых общих чертах.

Указанная Марксом и Лениным основная тенденция капитализма в различные периоды и в различных странах под влиянием различных обстоятельств то усиливается, то ослабевает. В годы кризисов она дает себя чувствовать как резкое абсолютное ухудшение в положении рабочего класса, как неслыханный рост самой доподлинной нужды и нищеты, до голодной смерти включительно. До начала XX века эта основная тенденция в передовых капиталистических странах порой смягчалась наличием завоеванного рабочим классом фабричного и социального законода-

тельства и некоторым повышением заработной платы (в отдельных отраслях), некоторым улучшением положения рабочей аристократии за счет беспощадной эксплуатации пролетариата, особенно в колониях и полуколониях, что разумеется не означало уменьшения нужды и нищеты в широких массах рабочего класса, особенно в отдельных отсталых отраслях промышленности—«на пограничных областях капитализма», по выражению Ленина¹.

Но и это положение вещей оказалось весьма неустойчивым, скоропреходящим.

С ростом мировой дороговизны, наступающей с началом XX века, с началом эпохи империализма, с обострением конкуренции на мировом рынке не только ухудшилось положение этих широких масс пролетариата, но и пошатнулось положение рабочей аристократии. Если взять рабочий класс в целом, то например в Германии наблюдалось фактическое понижение реальной заработной платы, т. е. абсолютное ухудшение положения рабочего класса, что и было в свое время отмечено Лениным в его статье «Обнищание в капиталистическом обществе» (1912): «Неверно,—говорил он,—что благосостояние масс, хотя и медленно, но повышается. Дороговизна жизни растет. Зарботки рабочих даже при самой упорной и наиболее удачной для рабочих стачечной борьбе растут гораздо медленнее, чем повышаются необходимые расходы рабочей силы». Указав, что даже по данным буржуазных политиков «заработная плата рабочих в Германии возросла за последние 30 лет в среднем на 25 проц.», тогда как жизнь вздорожала по меньшей мере на 40 проц., Ленин пишет: «Рабочий нищает абсолютно, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать и ютиться по подвалам и чердакам (подчеркнуто мной.—Н. Л.). Еще нагляднее однако относительное обнищание рабочих, т. е. уменьшение их доли в общественном доходе. Уровень доли рабочих в быстром обогащении капиталистического общества становится все меньше, ибо все быстрее богатеют миллионеры» (т. XII², стр. 565—566).

В своей работе «Империализм как новейший этап капитализма» Ленин прямо

¹ См. ст. Энгельса в «Neue Zeit», 1885 г., где характеризуется положение английского пролетариата в половине 80-х гг. XIX в.

говорит, что капитализм не может поднять жизненный уровень масс населения, который повсюду остается, несмотря на головокругительный, технический прогресс, «полуголодным и нищенским», что «полуголодный уровень жизни масс является одним из коренных неизбежных условий и предпосылок капиталистического способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране... а на повышение прибыли путем экспорта капитала за границу» (т. XIII, стр. 284 — 285) ¹.

IX

Основной социальной базой оппортунизма в империалистическую эпоху Ленин считал «определенный социальный слой внутри современной демократии, связанный с буржуазией своего национально-го «цвета» многочисленными нитями общих экономических, социальных и политических интересов» (т. XX, ч. 1-я, стр. 530). Под этой «рабочей аристократией» Ленин разумел «обученных заводских рабочих» (ст. «Гарри Квелч», т. XII, ч. 2-я,

¹ В свете ленинских высказываний по вопросу о теории обнищания становится совершенно очевидной ошибочность такого например положения, имеющегося в книге т. Фридлянда («История Западной Европы», ч. 2-я): «Последнее десятилетие XIX века и первые годы XX века были годами безусловного улучшения положения значительной части фабрично-заводских рабочих» (стр. 33). Или: «За последнее десятилетие накануне войны наблюдалось весьма незначительное повышение жизненного уровня всей массы пролетариев» (стр. 31—32).

В моих «Очерках по новейшей истории Германии» также имеются ошибочные положения вроде того, что в годы мощного расцвета германской промышленности наблюдалось не только неслыханное обогащение крупной буржуазии, но и «некоторый общий подъем благосостояния населения», или характеристика той же эпохи как несущей в собой «заметное улучшение экономического положения германского пролетариата» (стр. 270), хотя в той же работе целый ряд страниц посвящен доказательству того, что, начиная с XX века, в связи с усиливающейся дороговизной, происходило падение реальной заработной платы германского рабочего; что, если учесть усиление необеспеченности существования рабочего класса, особенно в периоды кризисов, рост безработицы, рост применения женского наемного труда, то все это дает достаточно материала для опровержения бернштейнских утверждений о неверности теории обнищания. Но главный недостаток моей характеристики положения германского пролетариата в последние годы перед мировой войной заключается в чрезмерной общности выводов, в неразличении внутри рабочего класса отдельных его прослоек и в первую голову рабочей аристократии от остальной рабочей массы.

стр. 210), «меньшинство обученных, хорошо оплачиваемых рабочих» (там же, стр. 72), «оторвавшееся от своего класса, от широких масс пролетариата» (там же, стр. 105), от «наиболее широких слоев трудящихся, от большинства, от наименее оплачиваемых рабочих» (т. XVII, стр. 134).

В своей работе «Империализм как новейший этап капитализма» Ленин говорит об этих «верхних прослойках пролетариата» как о «позволяющих руководить собою людям, купленным буржуазией или, по крайней мере, оплачиваемым ею».

Этот международный оппортунизм тесно связан с эпохой империализма. Получение монопольно высоких прибылей (сверхприбылей) капиталистами «горстки богатых стран» в результате эксплуатации колоний или привилегированного положения на мировом рынке давало им возможность подкупать верхние прослойки «своих» рабочих и их вождей, «бросая на это сотню — другую миллионов франков в год, ибо ее (буржуазии) сверхприбыль составляла вероятно около миллиарда. И вопрос о том, как делится эта мелкая подачка между рабочими и министрами, «рабочими депутатами» (вспомните великолепный анализ этого понятия у Энгельса), рабочими — участниками военно-промышленных комитетов, рабочими-чиновниками, рабочими, организованными в узкоцеховые союзы, служащими и т. д. и т. д., — это уже вопрос второстепенный...» «Эта рабочая аристократия и бюрократия в рабочем движении... а также мелкобуржуазные попутчики внутри социалистических партий являлись главной социальной опорой этих (оппортунистических. — Н. Л.) тенденций и проводниками буржуазного влияния на пролетариат» (т. XIII, стр. 50) ².

В статье «О Штутгартском конгрессе» (т. VIII, стр. 499 — 500) Ленин говорит, что на этом конгрессе «сказалась одна отрицательная черта европейского рабочего движения, способная принести немало вреда делу пролетариата и заслуживающая поэтому серьезного внимания. Маркс неоднократно указывал на одно изречение Сисмонди, имеющее громадное значение:

² «Ни один марксист не сомневался в том, что оппортунизм выражает интересы мелкой буржуазии и союза ничтожной части обуржуазившихся рабочих с «своей» буржуазией против интересов массы пролетариев, массы угнетенных» — читаем мы в брошюре Ленина «Социализм и война» (т. XIII, стр. 103). Ленин, как видим, говорит здесь о «ничтожной части обуржуазившихся рабочих». В свете этих ленинских высказы-

«Пролетарии древнего мира жили на счет общества. Современное общество живет на счет пролетариев...» И вот широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетариат отчасти попадает в такое положение, что не его трудом содержится все общество, а трудом почти порабощенных колониальных туземцев. Английская буржуазия например извлекает больше дохода из десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем из английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материально-экономическая основа для заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом».

Ленин считал рабочую аристократию главной социальной основой оппортунизма в эпоху империализма.

В своих статьях довоенного периода Ленин отмечает и другие социальные корни международного оппортунизма, характерные преимущественно для доимпериалистического периода, как например мелкобуржуазные влияния на пролетариат, особенно «в эпоху складывания рабочих партий, в эпоху более или менее длительного и упорного идейно-политического подчинения буржуазии». Одним из источников реформизма являются и парламентские фракции социал-демократии — «офицерский корпус профессионального движения», а также непролетарские элементы — «сочувствующая интеллигенция» социалистических партий II интернационала (т. XI, стр. 174, т. XII², стр. 45, 481 — 482, т. XVI, стр. 214 — 215, т. XVII, стр. 335).

Мелкобуржуазное влияние сказывается в пролетарских партиях как через непролетарские элементы, имеющиеся в этих партиях, так и через тот слой пролетариата, который состоит из «выходцев из непролетарских классов, из крестьянства, из мещанских рядов, из интеллигенции». «Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для всяких анархистских, полуанархистских и «ультралевых» груп-

пировок» (Сталин, доклад на VII пленуме ИККИ, Стенографический отчет, т. II, стр. 5).

ванний становится совершенно очевидной ошибочность утверждения, будто «горьчество империалистической Германии мыслимо было только потому, что часть социал-демократии и под ее влиянием часть рабочего класса превратилась в опору реакционной политики своего государства» (Фридлянд, «История Зап. Европы», ч. II, стр. 418. Ср. там же, стр. 45, 488). Такого рода положения об оппортунистическом перерождении массового рабочего движения не имеют ничего общего с ленинскими установками в данном вопросе.

пировок» (Сталин, доклад на VII пленуме ИККИ, Стенографический отчет, т. II, стр. 5).

Но, констатируя появление оппортунизма в мировом рабочем движении как неизбежное следствие эксплуатации колоний передовыми капиталистическими странами в эпоху империализма, Ленин указывает и на те тенденции, которые ведут к преодолению этой оппортунистической тенденции в рабочем движении, главной социальной основой которой является рабочая аристократия.

«Теперь,—говорит Ленин в «Империализме», — «буржуазная рабочая партия» неизбежна и типична для всех империалистических стран. Но ввиду их отчаянной борьбы за дележ добычи невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран, ибо тресты, финансовая олигархия, дороговизна и пр., позволяя подкупить горстку верхов, все сильнее давят, гнетут, губят, мучают массы пролетариата и полупролетариата» (т. XIII, стр. 478 — 479).

В той же работе Ленин констатирует, что благодаря монопольному положению Англии на мировом рынке и ее колониальной монополии английская рабочая аристократия могла благоденствовать в течение десятилетий, что порождало временное загнивание английского рабочего движения. Но в то же время он отмечает, что «отличие теперешнего положения состоит в таких экономических и политических условиях, которые не могли не усилить непримиримость оппортунизма с общими и коренными интересами рабочего движения: империализм вырос из зачатков в господствующую систему; капиталистические монополии заняли первое место в народном хозяйстве и политике; раздел мира доведен до конца; с другой стороны, вместо безраздельной монополии Англии, мы видим борьбу за участие в монополии между небольшим числом империалистических держав, характеризующую все начало XX века. Оппортунизм не может теперь оказаться полным победителем в рабочем движении одной из стран на длинный ряд десятилетий, как победил оппортунизм в Англии во второй половине XIX столетия, но он окончательно созрел, перезрел и сгнил в ряде стран, вполне слившись с буржуазной политикой, как социал-шовинизм» («Империализм как новейший этап капитализма», 1917 г., стр. 106 — 107).

В своих «Очерках по новейшей истории Германии» я дал ленинское объяснение социальных корней оппортунизма (см. стр. 375 — 376). В своем докладе на конференции историков-марксистов «О проблеме изучения эпохи империализма» я говорил, что мы не должны успокаиваться на действительно гениальной формулировке Ленина о социальных корнях оппортунизма, но должны разрабатывать этот вопрос дальше, должны показать на конкретном историческом материале происхождение рабочей аристократии, ее удельный вес в общей массе пролетариата в разные периоды рабочего движения, выяснить, к каким политическим и экономическим организациям преимущественно тяготеют те или иные слои пролетариата. Я хотел подчеркнуть необходимость конкретно-исторических исследований. Без такого конкретного анализа продолжают оставаться необъясненными такие существенные факты по истории довоенного германского рабочего движения, как скажем голосование сотен тысяч рабочих за партию центра или за либеральные группировки в эпоху довоенного империализма.

В брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин говорит, что «капитализм не был бы капитализмом», если бы «внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п.» (там же, стр. 162).

Однако, желая обратить внимание товарищей на всю важность этой проблемы, я допустил в своем докладе ряд неудачных и недопустимых положений, дающих основание предполагать, будто я хотел ревизовать ленинские установки в вопросе о социальных основах оппортунизма. Такого намерения я разумеется не имел, но нельзя не признать ошибочности положения вроде того, что «колониальные сверхприбыли в первую очередь играют известную роль, но несомненно корни реформизма лежат гораздо глубже» (стр. 6).

Х

Одной из важнейших проблем эпохи империализма является проблема взаимоотношения классов. Совершенно бесспорно, что в эту эпоху происходит существенное изменение отношений внутри господствующих классов по сравнению с эпохой промышленного капитализма. В эпоху империализ-

ма мы наблюдаем известное сближение аграриев с магнатами промышленного и финансового капитала на почве совместной борьбы за протекционистские тарифы, на почве общности интересов в колониальной политике и т. п. Сглаживаются противоречия и внутри самой буржуазии. Происходит сращивание промышленного капитала с банковым, смягчается антагонизм между промышленным и торговым капиталом, возникает единый классовый фронт всей промышленной буржуазии против рабочих, смягчается антагонизм между крупной и мелкой городской буржуазией, поскольку последняя уже обезврежена ходом экономического развития и ее жалкие остатки не представляют сколько-нибудь серьезно препятствия для победоносного шествия крупного капитала.

Вместе с тем наблюдается рост заинтересованности широких слоев буржуазии и буржуазной интеллигенции в колониальной политике.

Политическим выражением этих процессов является в Германии протекционистский тариф 1879 г., бисмарковская «картель» 1877 г., новая программа национал-либеральной партии с ее пунктом «о защите национального труда в земледелии и промышленности», судьбы всеобщего избирательного права в Саксонии, бюловский блок от консерваторов до Немецкой народной партии включительно, являющийся одним из признаков политического банкротства левого крыла немецкого либерализма, наконец такие знаменательные факты, как переход в лагерь империализма партии центра и лево-либеральных группировок, поддерживающих с начала XX века колониальные захваты германских империалистов, голосующих за «флотские» законы 1900, 1906 и 1908 гг.

Во Франции указанные выше изменения в соотношении классов нашли свое политическое выражение в банкротстве Радикальной партии и ее антирабочей политике.

В Англии в числе политических явлений того же порядка можно отметить изменение социального состава Консервативной партии, поправление крупной буржуазии на выборах 1910 г. (особенно на декабрьских), завоевание консерваторами некоторых промышленных центров, до сих пор бывших твердыней либерализма, уступки консерваторам со стороны либералов в ирландском вопросе и т. д.

Обобщая эти факты, я писал в своих «Очерках» (стр. 78): «Неспособные ни к какой самостоятельной политике мелкие и средние предприниматели превратились в свиту крупного капитала, вместе с ним они перешли в лагерь реакции». «Но если различные слои буржуазии все более и более превращались в «сплошную реакционную массу», то классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, напротив, обострялась» — писал я в статье «Германия» в Большой советской энциклопедии (т. XVI, стр. 72).

Эта концепция соотношения классов была дана мною для определенной страны (Германия) и для вполне определенного периода (эпоха довоенного империализма). Тем не менее в такой общей форме она является не ленинской, а скорее лассальянской. Во-первых, данная мною картина социальных взаимоотношений не полна — из нее совершенно выпали различные слои крестьянства, которые Ленин всегда выделял, говоря о мелкой буржуазии: сельскохозяйственный пролетариат и полупролетарские элементы города. Во-вторых, она не учитывает основного свойства мелкой буржуазии — колебаний ее между крупной буржуазией и пролетариатом. В-третьих, она вообще не диалектична, поскольку она фиксирует положение вещей на определенном этапе, не учитывая возможности дальнейшего развития плановых противоречий, перспективы неизбежного наступления революционной ситуации, не ставя проблемы резервов пролетарской революции. В частности совершенно упускается из виду, что при известных условиях мелкая буржуазия может быть союзником пролетариата.

Данная мною концепция соотношения классов в эпоху довоенного империализма несомненно сложилась под влиянием писаний левых радикалов и в частности Р. Люксембург и Гильфердинга (разумеется, не теперешнего Гильфердинга, а стоявшего в свое время на левом крыле германской социал-демократии). Эта концепция в значительной мере совпадала с теми установками, которые давали в свое время германские левые радикалы, боровшиеся с тенденциями оппортунистических элементов партии и даже ее руководства, с тенденциями погони за крестьянскими и вообще мелкобуржуазными голосами. Но в этой борьбе с оппортунистической избирательной политикой партийного руководства ле-

вое крыло германской социал-демократии несомненно перегибало палку в другую сторону, игнорируя возможных союзников пролетариата и тем изолируя его в предстоящих классовых битвах.

Тем не менее в моей концепции, ошибочной в целом, есть безусловно верные отдельные положения, как например сближение аграриев и крупной буржуазии, новая роль и новые настроения среди мелкой буржуазии в эпоху империализма, образование единого фронта буржуазных партий против социал-демократии, политическое банкротство лево-либеральных группировок, особенно там, где этим группировкам приходилось играть роль правящей партии, и т. д.

Эти черты эпохи довоенного империализма не один раз отмечались и Лениным в его статьях, относящихся к последним годам предвоенной эпохи.

В статье «Об обмане народа либералами» (1908) Ленин характеризует поведение немецких «свободомыслящих» как людей, «которым реакция менее ненавистна, чем социал-демократия», как людей, говорящих пышные фразы о всеобщем избирательном праве, но питающих «скрытый страх» и отвращение к «возбуждению масс», проявляющемуся в «действительном народном движении», уличных демонстрациях, в широкой агитации в массах. И Ленин характеризует эту лево-либеральную группировку как предателей демократии (т. XI, ч. 1-я, стр. 39).

В статье «Горючий материал в мировой политике» (1908) Ленин писал: «Обострение борьбы пролетариата с буржуазией наблюдается во всех передовых капиталистических странах... в Австрии и Германии, отчасти также в скандинавских странах, обострение классовой борьбы сказывается на избирательной борьбе, на отношении партий, на сближении всех и всяческих буржуа разных цветов между собою против общего врага — пролетариата (подчеркнуто мной.—Н. Л.). Два враждебные лагеря медленно, но неуклонно увеличивают свои силы, укрепляют свои организации, расходятся все резче друг с другом во всей общественной жизни, как бы готовясь горячо, молча и сосредоточенно к грядущим революционным битвам» (т. XI, ч. 1-я, стр. 102).

Характеризуя политику английских либералов в Ирландии (статья «Английские либералы в Ирландии», март 1914 г.), Ле-

нин говорит по поводу конфликта между либералами и консерваторами относительно ирландского гомруля, что «либеральная буржуазия неспособна обратиться за помощью к пролетариату против помещиков». «Они дали себя запугать консерваторам». «Ведь либералы в Англии — тоже лакеи денежного мешка, способные только раболепствовать перед Керзонами».

В то же время в ряде предвоенных статей Ленин подчеркивал усиление реакционности европейской буржуазии вообще, особенно в области внешней политики. Характеризуя эпоху с 1904 г. как конец «мирной» полосы (т. XII, ч. 2-я, стр. 46), Ленин говорит: «Разложение в с е х буржуазных партий и созревание пролетариата идет неуклонно вперед» (1913) ¹.

В других статьях Ленин отмечает растущую реакционность разлагающейся мелкой городской буржуазии и кулачества, сближение последнего с аграриями, заинтересованность мелкой буржуазии в росте бюрократического аппарата современного империалистического государства.

При капитализме мелкий земледелец, поскольку он становится товаропроизводителем, становится «антагонистом пролетариата», «мелким буржуа», «даже когда он еще не эксплуатирует наемных рабочих», ибо «он продает свой продукт—пролетарий продает свою рабочую силу».

«По мере развития товарного производства» он (мелкий земледелец) «становится неизбежно по своему классовому положению... мелким аграрием», поскольку он не может не стремиться к повышению цен на сельскохозяйственные продукты, к солидаризации с крупным землевладельцем «против остального общества» (т. IX, стр. 254, 255).

Ленин подчеркивал, что мещанство является реакционным классом, поскольку мелкий производитель «не в состоянии понять классового характера той эксплуатации, того угнетения, от которого он страдает иногда не меньше пролетария», поскольку этот мелкий производитель ждет прямой поддержки от власти, не понимая, что и государство в буржуазном обществе не может не быть классовым государством» (т. I, стр. 174). Прямым представителем мелкого производителя часто является ан-

¹ См. еще ст. «Обновленный Китай» (т. XII, ч. 1-я) и «Падение Порт-Артура», а также т. XII, ч. 2-я, стр. 117.

тисемит, говорит Ленин в другом месте. «Мелкий промышленник, ремесленник, крестьянин—консервативные и даже реакционные классы» (Лен. сб. II, стр. 79, 80).

Наконец, отмечая заинтересованность мелкой буржуазии в росте государственного аппарата, что влечет ее в сторону крупного капитала, Ленин писал: «Именно мелкая буржуазия привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени посредством этого аппарата, дающего верхним слоям крестьянства, мелким ремесленникам, торговцам и пр., сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их над народом» (т. XIV, ч. 2-я, стр. 320).

Известно, что в эпоху империализма этот аппарат особенно разрастается даже в таких государствах с прежде развитым местным самоуправлением, как Великобритания. Растут и усложняются функции государства и в метрополии и в колониях. Именно здесь нужно искать корни симпатий мелкой буржуазии и интеллигенции к современному империализму.

Такова одна тенденция. Это усиление реакционности мелкой буржуазии может приводить к тому, что в известные моменты при обострении классовых противоречий этот класс решительно становится на сторону крупной буржуазии, выступая в числе «принципиальных защитников капиталистического порядка», и тогда пролетариат имеет против себя единый фронт всех фракций буржуазии. Такая ситуация не раз создавалась например во Франции, в период господства Радикально-социалистической партии, особенно в годы ее разложения (1910—1914). В свое время Ленин отметил два таких момента: борьбу радикального министерства Клемансо с чрезвычайно усилившимся в 1906—1908 гг. стачечным движением французского пролетариата и президентские выборы 1913 г.

В уже цитированной статье «Горючий материал в мировой политике» Ленин, ссылаясь на расстрелы стачечников войсками, посланными по приказу радикала Клемансо, писал: «Да, французский пролетариат и самые крайние буржуазные республиканцы окончательно размещаются теперь по разные стороны баррикады» (т. XI, ч. 1-я, стр. 101).

В статье «Значение избрания Пуанкаре в президенты республики» (январь 1913 г.) Ленин ставит вопрос: что значит, что Пуанкаре прошел голосами клерикально-феодальной реакции правого блока при на-

личии радикального большинства в палате и другой радикальной кандидатуры (Шамс)? И он дает этому на первый взгляд поразительному факту следующее недвусмысленное объяснение: «Во Франции,—пишет он,—у власти стоит последняя буржуазная партия — радикалы, отличие которой от реакции становится все меньше. Против социалистического пролетариата все теснее сплачивается вся буржуазия, от радикальной до реакционной, и все больше стираются границы между той и другой... Такое сплочение — верный признак крайнего обострения классовых противоречий» (т. XII, ч. 2-я, стр. 18).

Наличие и рост реакционно-империалистических настроений мелкой буржуазии в эпоху империализма отнюдь однако не исключают возможности перехода ее с наступлением революционной ситуации на сторону пролетариата, ибо экономическое положение мелкой буржуазии становится все более и более безнадежным, а это последнее обстоятельство при известных условиях побуждает этот класс переходить в оппозицию существующему строю. «Пролетариат,—писал Ленин,—должен учесть всю массу недовольства, накопившегося в разоряемом среднем классе».

Мелкая буржуазия, говорит он в другом месте, становится все более и более «ненадежной и все более враждебной пролетариату», но в эпоху кризиса она «способна перейти к нам». Все дело в том, чтобы социал-демократия «оставалась непоколебимой, последовательной, непримиримой» (т. XIII, стр. 20), чтобы в грядущей социалистической революции захвативший власть пролетариат проявил умение осуществить гегемонию над широкими кругами трудящихся масс, проявил умение, готовность, решимость привлечь на свою сторону.. всю массу трудящихся и эксплуатируемых мерами революционными, ценой экспроприации экспроприаторов» (т. XX, стр. 390).

Для выяснения вопроса о роли мелкой буржуазии в эпоху империализма не лишним будет напомнить здесь ленинское учение о мелкой буржуазии вообще. Вопрос о необходимости четко формулировать проблему взаимоотношений пролетариата и «мелкого производителя» (крестьянства) был поднят Лениным еще во время обсуждения проекта программы партии в 1902—1903 гг. Критикуя плехановский проект и так наз. «проект комиссии», Ленин беспо-

щадно воевал против тех, кто «топил» специфическую роль пролетариата в общем недовольстве «всей трудящейся и эксплуатируемой массы». Это — союзники пролетариата, которых он должен вести за собой, «но которые по своей природе могут быть не только революционны, но и консервативны и даже реакционны». «Пролетариат,—писал тогда Ленин,—строго говоря, вовсе не является «передовым представителем» мелкой буржуазии, «каковым является очень часто антисемит, аграрий, националист и народник». «Обострение борьбы мелкого производителя против капитала может выражаться и в антисемитизме, и в цезаризме, и крестьянских союзах против батраков, и даже в борьбе социальной Жиронды с Горой» (Лен. сб. II, стр. 79). В таких случаях недовольство мелкого производителя выливается в форму отстаивания своего существования. Пролетариат бывает «передовым представителем» мелкой буржуазии лишь тогда, «когда этот мелкий производитель покидает свою точку зрения и переходит на точку зрения пролетариата».

Если к социал-демократическому движению и могут примыкать трудящиеся и эксплуатируемые массы, то только «элементы, а не классы». Социал-демократия стоит во главе только рабочего движения (там же, стр. 79).

Таким образом революционность мелкой буржуазии условна. Необходимо указать и на ее консервативность. Пролетариат «один только является последовательно революционным классом». Говорить о представительстве пролетариатом всего трудящегося населения можно лишь в том смысле, что «мы обвиняем капитализм в нищете масс, а не только рабочего класса», писал там же Ленин; «что необеспеченность существования и безработица, гнет и эксплуатация, всяческое унижение становятся уделом» не только пролетариата, а и «все более широких слоев трудящегося населения». Партия пролетариата, выступая не только от своего имени, но и от имени всех «бедствующих и нищенствующих масс», может выступать только в своем объявлении войны капиталистическому злу, только «излагая перед этим классом свое понимание их бедствий и избавления их от бедствий» (там же, стр. 82).

«Обязательно,—писал Ленин,—сначала отгородить себя от всех, вы-

делить один только единственно и исключительно пролетариат,—а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает» (Лен. сб. II, стр. 32).

Это замечательное место из Ленина приобретает особо актуальное значение сейчас, когда некоторые германские товарищи понимают лозунг «народной революции» в том смысле, что завоевание мелкобуржуазных слоев для пролетарской революции должно быть в настоящей ситуации первоочередной задачей партии пролетариата, что уже самое понятие «народной революции» включает в себя непосредственно понятие пролетарской гегемонии в движении.

Тем самым забывается, что руководимый компартией пролетариат может осуществить эту гегемонию над всеми трудящимися лишь тогда, когда он без всяких колебаний проводит свою революционную политику, политику рабочего класса. В то же время эта непрацильная трактовка лозунга «народной революции» ослабляет значение «основной стратегической задачи КПГ»—завоевания большинства рабочего класса.

В чем основной признак политической характеристики мелкой буржуазии как класса?

Колебание ее между пролетариатом и буржуазией, между революцией и контрреволюцией. «Мелкий буржуа,—писал Ленин (летом 1917 г.),—находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату. Самостоятельной «линии» у него экономически быть не может. Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее—к пролетариату. Его рассудок—тяготеет к последнему, его предрассудок (по известному выражению Маркса)—к первому» (т. XIV², стр. 24) ¹.

В другом месте («К характеристике экономического романтизма»—1897 г.) Ленин говорит, что «срединное положение мелкой буржуазии обуславливает необходимо специфический ее характер, ее двойственность, двуличность, ее тяготение к меньшинству, счастье выходящему из борьбы, ее враждебное отношение к неудачни-

¹ Ср. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, стр. 137: «Мелкий буржуа неминуемо и неизбежно во всех странах и при всяких комбинациях колеблется между революцией и контрреволюцией».

кам, т. е. к большинству» (т. II, стр. 236).

Партия пролетариата не может смазывать противоречия между нуждающимися слоями мелкой буржуазии и пролетариатом, но она должна «учесть всю массу недовольства в разоряемом среднем классе».

В другом месте Ленин говорит о мелкой буржуазии как о все более и более ненадежной и все более враждебной пролетариату, но в эпоху кризиса, пишет он, мелкая буржуазия «способна перейти к нам» (т. XIII, стр. 20). Но бывают в ходе истории целые полосы, когда мелкая буржуазия целиком переходит в стан врагов пролетариата, как например было в годы мировой войны ².

Пролетариат должен использовать колебания мелкобуржуазной демократии, а не игнорировать их, тем более, что «китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, нет и быть не может» («Разногласия в европейском рабочем движении», 1910 г., т. II, ч. 2-я, стр. 138).

В своей стратегии и тактике пролетариат и его партия должны особенно учитывать возможные резервы пролетарской революции: «Капитализм,—писал Ленин,—не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых, переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д., если бы внутри самого пролетариата не было бы делений на более и менее развитые слои, делений,—земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п. А из всего этого необходимость—и безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии—прибегать к лавированию, к соглашательству, к компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков, вытекает с абсолютной необходимостью. Все дело в том, чтобы уметь применять эту тактику в целях повышения, а не понижения общего уровня про-

² В статье «Крах II интернационала» Ленин считает возможным констатировать, что для 1915 г. можно говорить «о повальном присоединении в империалистам всех имущих классов, вплоть до мелких буржуа и интеллигенции» (т. XIII, стр. 152).

летарской сознательности, революционности, способности к борьбе и победе» («Детская болезнь «левизны» в коммунизме», т. XVII, стр. 162—163).

В тезисах ко II конгрессу Коминтерна Ленин писал: «Действительно революционным, действительно социалистически действующим классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и поступает как авангард всех трудящихся и эксплуатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплуататоров».

Резервы пролетарской революции надо искать среди избирателей буржуазных и мелкобуржуазных партий, от которых можно оттянуть известные элементы (см. об этом замечательные слова Ленина в его статье «Об обмане народа либералами», т. XI, ч. 1-я, стр. 37, 39 и др.).

Что касается отношения пролетариата и его партии к крестьянству, то здесь можно говорить лишь о тактике пролетарской партии в отношении различных слоев крестьянства. В тезисах, составленных Лениным для Исполкома Коминтерна по аграрному вопросу (ко II всемирному конгрессу Коминтерна), изложены с исчерпывающей полнотой принципы пролетарской стратегии в отношении различных слоев деревни.

Среди трудящихся и эксплуатируемых масс деревни, которые составляют большинство деревенского населения и которых должен вести на борьбу или во всяком случае привлечь на свою сторону городской пролетариат, Ленин указывает следующие деления в деревне: во-первых, сельскохозяйственный пролетариат, во-вторых, полупролетаризированные, или парцельные, крестьяне, которых нельзя смешивать с массой крестьянства вообще; в-третьих, мелкое (трудовое) крестьянство, не прибегающее к наемной рабочей силе.

В среде этих последних слоев возможны в эпоху пролетарской диктатуры колебания в сторону господствующих классов. Что же касается среднего крестьянства, прибегающего частично к наемной рабочей силе (в Германии это—собственники, имеющие от 5 до 10 га земли), то пролетариат должен по крайней мере нейтрализовать этот слой, колебания которого в ходе пролетарской революции совершенно неизбежны. Наконец крупное крестьянство, кулачество, самый многочисленный из буржуазных слоев западноевропейской деревни, есть прямой и решительный враг пролетариата.

С этой ленинской точки зрения и нужно было подойти к трактовке германской социал-демократией и отдельными ее течениями в предвоенную эпоху практических проблем, чего я не сделал в своих «Очерках». Особенно слабо разработан там вопрос о крестьянстве, как и аграрный вопрос в германской социал-демократии.

Бесспорно, что в разные эпохи эти резервы пролетарской революции могут и будут по-разному выступать, колеблясь между пролетариатом и крупной буржуазией. Поэтому всякая сплошная, не учитывающая различия ситуаций характеристика, претендующая на то, чтобы дать устойчивое соотношение классов для всей эпохи империализма, будет безусловно ошибочной.

XI

Одной из важнейших проблем эпохи империализма является проблема периодизации. Говоря о различных исторических эпохах, Ленин прежде всего отмечал условность всякой периодизации. «Грани здесь,—писал Ленин,—как и все вообще грани в природе и в обществе, условны и подвижны, относительно, а не абсолютны, и мы лишь примерно берем особо выдающиеся и бросающиеся в глаза исторические события как вехи больших исторических движений» (т. XX, ч. 1-я, стр. 524).

Свою периодизацию новейшей истории Ленин дает как бы в двух разрезах, соответственно тому, какие характерные признаки кладет он в основу деления исторических эпох. В своей замечательной статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (1913) Ленин писал, что со времени «Коммунистического манифеста» всемирная история «делится явственно на три главные периода: с революции 1848 г. до Парижской коммуны (1871 г.); второй—от Парижской коммуны до русской революции (1905 г.); третий—от русской революции. Второй период (1872—1904) отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с революциями покончил, Восток до них еще не вырос...» (т. XII, ч. 2-я, стр. 43—44). Однако этот «мирный» период отошел в вечность. «Дороговизна и гнет трестов вызывают невиданное обострение экономической борьбы, сдвигающее с места даже наиболее развращенных либерализмом английских ра-

бочих. На наших глазах зреет политический кризис даже в самой твердокаменной, буржуазной, юнкерской стране—Германии. Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой социальный «мир», который больше всего похож на бочку с порохом». Как видим, здесь в основу периодизации положена смена чередования мирных и революционных периодов в мировой истории. Эта периодизация имеет первостепенное значение для периодизации истории II интернационала и рабочего движения довоенной эпохи вообще.

В другом месте, в статье «Под чужим флагом» (т. XX, ч. 1-я, стр. 254) Ленин говорит, что различные эпохи надо определять по тому, «какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи».

«Обычное деление исторических эпох,— писал там Ленин,— не раз проводившееся в марксистской литературе, таково: 1) 1789—1871 гг., 2) 1871—1914 гг., 3) 1914 г.». «Первая эпоха—с Великой французской революции до франко-прусской войны—есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это—восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений. Вторая эпоха—полное господство и упадок буржуазии. Эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционной и реакционнейшему финансовому капиталу. Это—эпоха подготовки и медленного собирания сил нового класса—современной демократии. Третья эпоха, только начавшаяся, ставит буржуазию в такое положение, в каком были феодалы в течение первой эпохи. Это—эпоха империализма, империалистических, — а также вытекающих из империализма—потрясений» (т. XX, ч. 1-я стр. 524).

Особо стоит вопрос о времени окончательного вступления главнейших европейских и затем американских и азиатских стран в эпоху империализма.

Новая эпоха мировой истории—эпоха империализма—открывается с конца 90-х годов, точнее с 1898 г. «Империализм,— говорит Ленин,— является продолжением развития капитализма, его высшей стадией, переходным периодом в известном отно-

шении к социализму» (т. XX, 2-е изд., стр. 297).

«Империализм,—читаем мы в статье «Империализм и раскол социализма»,—как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился в полном (подчеркнуто мною.—Н. Л.) к 1898—1914 гг. Война испано-американская (1898), англо-бурская (1900—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе в 1900 г.—вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории» (т. XIII, стр. 469). При этом Ленин считал, что классическая, развитая форма империализма начинается с XX в. или «приблизительно с начала XX в.», особенно если учесть не только Германию, но и другие страны.

«Всемирный капитализм дошел в настоящее время—приблизительно с начала XX в.—до степени империализма» (т. XIV, ч. 1-я, стр. 116).

В статье «К пересмотру партийной программы», помещенной в журнале «Просвещение» за сентябрь—октябрь 1917 г., Ленин, устанавливая, «с какого времени можно собственно говорить о превращении капитализма в империализм», оспаривает формулировку т. Сокольников: «за последние $\frac{1}{4}$ века», и настаивает на ее изменении: «приблизительно с начала XX в.» (т. XIV, ч. 2-я, стр. 160).

«Это будет правильнее еще и потому,— добавляет Ленин,— что... европейские экономисты чаще всего оперируют с германскими данными, а Германия обогнала другие страны в образовании картелей», а «поворотным пунктом в Европе к полной победе картелей явился кризис 1900—1903 годов».

О превращении капитализма в империализм нельзя говорить раньше начала XX в. еще и потому, что только на рубеже XIX и XX в. «весь мир уже поделен территориально между богатейшими странами», и именно «из этого обстоятельства вытекает особая острота борьбы за передел мира, особая острота столкновений, приводящая к войнам» (там же).

Наконец только к началу XX в. появляется и последний из указанных Лениным признаков эпохи империализма—начинается раздел мира экономически интернациональными трестами.

Для Европы, писал Ленин в другом месте, можно установить довольно точно время окончательной (подчеркнуто мной.—Н. Л.) смены старого капитализма

новым. Это именно—начало XX в. (т. XIX, изд. 3-е, стр. 85. См. также т. XVIII, стр. 195 и т. XIII, стр. 474)¹.

Итак, Ленин считал, что старый, домонополистический капитализм уступает окончательно место новому империализму с начала XX в.

Эта периодизация хорошо увязывается с первой ленинской схемой, в которой начало третьего периода (с русской революции 1905 г.) совпадает с началом эпохи империализма.

Но если эта эпоха окончательно вступает в свои права в первые годы XX столетия, то это не значит, что Ленин не считал возможным говорить о последних десятилетиях XIX в. как о некотором переходном периоде от старого капитализма эпохи свободной конкуренции к новому, монополистическому.

В статье «Империализм и раскол социализма» Ленин писал: «Последняя треть XIX в. была переходом к новой империалистической эпохе» (т. XIII, стр. 478. Подчеркнуто мной.—Н. Л.). В своей работе «Империализм как новейший этап капитализма» он говорит: «Супан берет 1876 и 1900 гг., мы возьмем 1876, пункт, выбранный очень удачно, ибо именно к этому времени можно в общем считать законченным (подчеркнуто мной.—Н. Л.) развитие западноевропейского капитализма, в его домонополистической стадии» (т. XIX, изд. 3-е, стр. 134—135).

«Тогда, в начале 90-х гг.,—писал в другом месте Ленин,—поворот к империализму и в смысле полного господства трестов, и в смысле господства крупнейших банков, и в смысле грандиозной колониальной политики только-только еще начинался во Франции, еще слабее в Сев. Америке и Германии» (т. XIV, стр. 306).

Итак, последняя треть XIX в.—вот тот хронологический отрезок, который Ленин считал возможным характеризовать как переходный этап к эпохе полного торжества монополистического капитализма. Наряду с эпохой классического империализма (с начала XX в.) можно таким образом говорить о некотором переходном пе-

¹ Ср. еще Ленин, т. XIII, стр. 474: «Ни Маркс, ни Энгельс не дожили до империалистической эпохи всемирного капитализма, которая начинается не раньше как в 1898—1900 гг.».

риоде: с половины 70-х или с начала 80-х гг. XIX в. до 900-х гг.².

В настоящей статье мы коснулись лишь некоторых вопросов рабочего движения эпохи довоенного империализма. Число подлежащих изучению или пересмотру проблем конечно может быть увеличено. До сих пор мы уделяли чрезвычайно мало внимания истории массового рабочего движения, в частности истории профессиональных союзов; необходимо разработать такую проблему, как роль Энгельса во II интернационале, на основании тех новых материалов (переписка Энгельса), которые имеются в ИМЭЛ. До сих пор мы занимались преимущественно историей довоенной германской социал-демократии, в меньшей степени—французской, совершенно недостаточно внимания уделялось англо-американскому рабочему движению (делионизм, Социал-демократическая федерация в Англии), еще меньше социалистическим партиям таких европейских стран, как Болгария, Италия, Бельгия.

Наконец ряд вопросов рабочего движения стоит в теснейшей связи с проблемой загнивания капитализма, являющегося одним из главных, коренных признаков эпохи империализма. Отсюда—необходимость конкретно-исторических иллюстраций в ленинской характеристике империализма как «загнивающего», «паразитического» капитализма³. В наших работах должен быть также разобран на конкретно-историческом материале ленинский закон неравномерности развития капитализма.

Вообще создание на основе документации подлинно большевистской истории рабочего движения эпохи довоенного империализма является нашей неотложной задачей.

² В своем докладе на всесоюзной конференции историков-марксистов я поставил этот вопрос недостаточно четко. Правильно отмечая, что в своей развернутой «классической форме эпоха империализма начинается лишь с 900-х гг., что период с 80-х гг. до нашего настоящего столетия можно рассматривать как эпоху переходную», я допустил ошибочную формулировку, утверждая, что «можно отнести начало довоенной эпохи империализма к началу 80-х гг.» («Проблема изучения эпохи империализма», стр. 13). Не приходится также говорить о том, что в вопросах периодизации, как и других, нам также приходится бороться с буржуазной социал-демократической историографией.

³ В моих «Очерках» применительно к Германии это не сделано.

Германский национал-фашизм

Нынешний кризис и расшатывание капиталистической системы, приостановка роста влияния социал-демократии и начавшееся ее развитие по нисходящей линии заставили буржуазию для спасения своего господства форсировать создание массовой фашистской партии, форсировать развертывание своих боевых организаций.

Крупный рост национал-фашистской партии и ее успехи в связи с последними президентскими выборами в Германии должны приковать наше внимание; мы должны усилить нашу борьбу против этого отряда буржуазной контрреволюции.

Что представляет собой эта партия? Какова история ее возникновения? Что дало ей силы? Каков ее путь и каковы ее роль и значение в развитии и обострении классовой борьбы в Германии?

В начале февраля 1921 г. улицы Мюнхена впервые после падения Баварской советской республики увидели убранные во все красное грузовики. На грузовиках развевались какие-то новые знамена: на большом красном полотнище скромно виднелся белый кружок, в центре которого находился крест с заломанными краями. С грузовиков разбрасывались листовки, приглашавшие на собрание национал-социалистической германской рабочей партии. Самое большое в Мюнхене помещение (цирк Кроне) вечером оказалось набитым битком: свыше 5 тыс. чел. пришли послушать, что скажет новая политическая партия. Почти не известный никому оратор не разочаровал собравшихся: Адольф Гитлер (так звали этого оратора) развернул перед слушателями яркую картину того упадка, к которому пришла Германия. Он бичевал роскошь жизни верхушки общества на фоне нищеты народных масс, он со всей резкостью показал неслыханное национальное унижение Германии, задыхающейся под оковами версальского мира.

Он громил марксизм, но не как обычный агитатор любой буржуазной партии: он заклеил марксизм как орудие интернационального финансового капитала, показав, как вожди с.-д.—Шейдеман, Мюллер, Носке—изменили своим принципам, как исключительно с их помощью интернацио-

нальная биржа сковала Германию версальской цепью. Он напал на финансовый капитал, объявив банкира паразитом общества, сосущим все соки из масс. Он призывал немецких рабочих освободиться от яда интернационализма: разве ударили французские, английские, американские рабочие палец о палец, чтобы предотвратить неслыханное разграбление и национальное унижение Германии? Он звал на борьбу за возрождение национальной чести германского народа, за великую свободную Германию, в которой воцарится настоящий немецкий социализм и социальная справедливость.

Падкая на сенсацию мелкобуржуазная мюнхенская публика, заполнявшая цирк, слушала с некоторым недоверием резкие выпады Гитлера против биржи ростовщиков, банкиров, но она успокоилась, когда Гитлер вскрыл подлинную сущность своей программы, бешено напав на коммунистов, «не признающих ни отечества, ни честно приобретенного имущества и толкающих Германию в пропасть разрухи и анархии».

Умелая игра Гитлера на националистических струнках привела собравшихся в восторг. Оратор имел большой и шумный успех. После собрания о Гитлере и национал-социалистической партии в Мюнхене заговорили.

Полтора года понадобилось новой партии, которой суждено было стать гегемоном германского фашизма, для того чтобы вырваться из неизвестности на широкую арену политической жизни.

В мае 1919 г., через несколько дней после падения Баварской советской республики, Гитлер вступил в небольшую группу, гордо называвшую себя «немецкой рабочей партией»; он был седьмым по счету членом этой партии.

В своей книге «Моя борьба», ставшей евангелием германского фашизма, Гитлер говорит, что к политической деятельности его толкнула ненависть к революции. Но организация, созданная им, значительно отличалась от бесчисленного количества кружков, объединений, отрядов, созданных после революции озлобленны-

ми контрреволюционерами. В то время Германия кишела такими организациями, в большинстве которых решающее место принадлежало контрреволюционному офицерству. Они играли крупнейшую роль, и без них Носке не удалось бы задуть пролетарскую революцию в Германии. Но они имели в своем распоряжении только одну политическую идею: ненависть к революции, борьбу за реставрацию монархической Германии. Будущее в германском контрреволюционном движении принадлежало не им.

Новая партия видела основную слабость контрреволюционных отрядов: отсутствие в их лозунгах и идеях притягательной силы для масс, отсутствие под этими организациями прочной массовой опоры. Национал-социалистическая партия поставила перед собой центральной задачей завоевание масс для дела контрреволюции.

Гитлер понимал, что в такой стране, как Германия, с огромным удельным весом пролетариата, в стране, в которой угроза пролетарской революции определяла все течение политической жизни, одними националистическими лозунгами, как бы ярко ни были они раскрашены, массы завоевать нельзя, и, оценив положение, он избрал оружием своей борьбы за массы социальную демагогию. Поэтому он и назвал свою партию «национал-социалистической немецкой рабочей партией», хотя она ничего общего не имела ни с рабочим классом, ни с социализмом; поэтому и программа национал-фашистов — знаменитые «неизменные» 25 пунктов, принятые новой партией в 1920 г., — является своего рода кривым зеркалом, отразившим большевистскую опасность, непосредственно нависшую над германским капитализмом.

Программа выдвигает ряд положений, общих всем националистическим группировкам Германии: создание «великой Германии», включающей в свои рамки немецкое население всего мира; уничтожение версальского и сен-жерменского мирных договоров; возвращение германских колоний; создание сильной армии и т. п. В этой части оригинальным является пожалуй лишь пункт, требующий, чтобы гражданином государства был только человек «чистой расы», в жилах которого течет чистая немецкая кровь, и отнимающий у евреев и других наций гражданские права.

Решительное отрицание парламентаризма также не является отличительной особенностью национал-фашистской программы: все националистические организации Германии после революции являлись противниками парламентской системы.

Иной характер носит социально-экономическая часть программы. Она начинается общими и ничего не говорящими положениями, которые впоследствии были объявлены сердцевинной настоящего, не фальсифицированного «немецкого социализма»: «Первый долг каждого гражданина государства — выполнять творческую работу, духовную или физическую. Индивидуальная деятельность не должна вредить интересам общества, а должна развиваться в его рамках и служить пользе всех. Общее благо стоит выше блага отдельной личности».

За этим введением следуют те демагогические требования программы, которые должны были завоевать массы.

«Мы требуем уничтожения всех нетрудовых доходов. Всякое личное обогащение благодаря войне должно считаться преступлением перед народом. Мы требуем полной конфискации всех военных прибылей.

Мы требуем огосударствления всех уже обобществленных предприятий (трестов).

Мы требуем беспощадной борьбы с теми, кто своей деятельностью вредит общим интересам. Подлые преступники перед народом, ростовщики, спекулянты и т. п., должны наказываться смертной казнью, не обращая внимания на их религию и расу.

Мы требуем земельной реформы, соответствующей нашим национальным потребностям, издания закона о безвозмездной экспроприации земли для общепользовательных целей, уничтожения процентов по ипотекам и ликвидации всякой земельной спекуляции».

Особый пункт программы был рассчитан на завоевание мелкобуржуазных элементов:

«Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения. немедленной муниципализации крупных универсальных магазинов и сдачи их в аренду по дешевым ценам мелким торговцам и ремесленникам: следует обязательно оказывать предпочтительные мелким ремесленникам при поставках государству, провинциям и общинам».

Программа заканчивалась требованием создания сильной диктаторской власти, опирающейся на сословные и профессиональные камеры. С такой программой, которая лживо раздавала обещания всем классам, которая обещала рабочим огосударствить тресты и ликвидировать нетрудовые доходы, крестьянам — экспроприровать землю и уничтожить власть ростовщика, ремесленникам и торговцам — покончить с властью банка и оптового торговца, национал-социалистическая партия двинулась в поход за массы.

Не менее характерен был и внешний символ, избранный национал-фашизмом: цвета и рисунок национал-социалистических знамен. Можно без конца декламировать, как это делают лидеры национал-фашистов, что красный цвет знамени символизирует социальную идею движения, белый — националистическую, свастика — миссию арийцев и антисемитизм; на самом деле красное знамя национал-фашистов, издали почти не отличающееся от знамен пролетарских организаций, было выбрано благодаря той притягательной силе, которую оно имело у масс в Германии. Оно должно было также сбивать с толку массы и мешать им различить истинный характер фашистского движения Гитлера, как и «социалистическая» и «рабочая» вывеска новой партии.

Национал-социалисты широко развернули агитационную деятельность; массовые собрания следовали одно за другим; политическая реклама, как и техника проведения массовок, была организована Гитлером с большим искусством. Начиная от кричащих зазывных плакатов и кончая обязательным предписанием проводить все собрания вечером, так как «вечером массу легче взять под свое влияние, ее воля, способность сопротивления чуждым воздействиям ослабевает», все до малейших деталей было тщательно продумано. Национал-фашистский агитатор не должен был заниматься теоретическими рассуждениями, его долгом являлось разжигать страсти, бить на чувство, уметь приспособливаться к массе и играть на ее слабых струнках.

Успех национал-социалистических собраний должен был закрепляться простым, но сильно действующим средством, честь изобретения которого принадлежала Гитлеру: малейшие попытки возражать оратору

Гитлер

тору приводили к тому, что возражавший выбрасывался с собрания избитым до полусмерти. Для этих целей были созданы особо подготовленные группы из наиболее надежных национал-фашистов, и преимущественно бывших военных; их террор должен был помешать проникновению идейных противников на национал-социалистические собрания. Очень быстро эти группы были реорганизованы в так называемые штурмовые батальоны с более широкими задачами, заботливо воспитывавшиеся в духе бешеной ненависти к пролетариату: из них должны были формироваться основные боевые кадры национал-фашизма, подготовленные для гражданской войны, для активного белого террора.

Первым крупным выступлением штурм-батальонов был поход на Кобург в октябре 1922 г. В Кобурге было сильно влияние коммунистов, и националистические группировки чувствовали себя в нем неважно.

Парад национал-фашистов

На организованный реакционерами «немецкий день» вооруженные штурмовые батальоны выехали особым поездом. В городе рабочие массы встретили дефилировавших под своими знаменами ударников контрреволюции свистом и шумом.

Национал-фашистам в первый раз пришлось доказывать свою боеспособность в сколько-нибудь солидном масштабе. Они напали на ничего не подозревавшую толпу, избивая беззащитных и невооруженных рабочих и оставляя после себя десятки изувеченных. Буржуазия Кобурга могла вздохнуть спокойной грудью: национал-социалисты оказались славными ребятами, несмотря на свои подозрительные красные знамена.

После этого опыта волна террора национал-фашистских батальонов прокатилась по всей Баварии, с особой силой обрушиваясь на те местности Баварии, в которых было сильно пролетарское влияние. Повсюду повторялась одна и та же картина: организованные и вымуштрованные фашисты внезапно налетали на не имевших оружия рабочих, избивая их и громя рабочие организации.

Национал-социалистическая партия быстро завоевала симпатии реакционных элементов Баварии. Энергия, проявленная ее организаторами, демагогия, поднятая почти на высоту искусства, готовность в любую минуту громить пролетарские организации заставляли тянуться к национал-фашистам самые разнородные элементы. В ряды национал-фашистов вступали безработные чиновники, националистические офицеры и интеллигенты, мечтавшие о реванше Франции, разоренные инфляцией мелкие лавочники, ремесленники. К национал-социалистам примкнул Людендорф — фактический диктатор Германии в последние годы войны, столп и надежда германской контрреволюции. Национал-социалисты становились в Баварии силой.

Обстановка некоторым образом им благоприятствовала. Инфляция повлекла за собой острое ухудшение жизни широких масс и усилила колебания разорившейся мелкой буржуазии; оккупация Рура французскими войсками с начала 1923 г. создавала идеальные условия для националистической агитации. Баварская буржуазия быстро оценила ту огромную пользу, ко-

торую могли принести национал-фашисты: в кассу национал-социалистической партии полился поток пожертвований баварских буржуа. Национал-социалисты не удовлетворялись одной поддержкой «лучших национальных элементов Германии». В их кассу стекались средства из разных источников: франки, гульдены, доллары, чехо-словацкие кроны пользовались здесь не меньшей любовью, чем марки.

С.-д. и левобуржуазная печать неоднократно обвиняла национал-социалистов, утверждая, что в это время они работали в дружественной связи и получали субсидии от швейцарской, английской и даже французской разведок. Во всяком случае точно установлено, что эти «рыцари» национальной чести Германии получили 60 тыс. марок от Муссолини.

Описывая историю первого периода развития национал-социалистической партии, Гитлер с удовлетворением заявляет: «Когда я четыре года назад примкнул к движению, у нас не было даже штемпеля. 9 ноября 1923 г. последовал роспуск партии и арест ее имущества. Стоимость последнего, включая все ценные объекты и газету, достигла уже 170 тыс. золотых марок». Борьба с «тлетворным» духом материализма за «победу духа национальной чести и возрождение немецкого идеализма» оказалась достаточно выгодным делом.

Выросла и организация: 30 тыс. национал-социалистов насчитывала одна Бавария осенью 1923 г.

Гитлер мечтает с такими силами о широком плане фашистского переворота во всей Германии. Вместе с Людендорфом он вырабатывает практическую программу действий: национал-социалисты захватывают власть в Баварии и превращают Баварию в исходный пункт похода на Берлин, который приведет к перевороту во всегерманском масштабе.

Этот план не был беспочвенной утопией: Бавария являлась самой реакционной частью Германии; Кар, глава баварского правительства, и генерал Лоссов, командовавший частями рейхсвера, были в резком конфликте с германским правительством и с своей стороны были готовы к походу на Берлин. Дело продвинулось настолько далеко, что северные границы Баварии укреплялись на случай вооруженного конфликта, практически разрабатывались вопросы

предотвращения забастовок (особенно у железнодорожников), неизбежных при перевороте. В план переворота и создания «национальной директории» были посвящены и влиятельнейшие круги Пруссии, его поддерживали крупнейшие промышленники, помещики, военные.

Но Гитлер не хотел ждать. Он мечтал одним ударом превратиться в господина Германии и надеялся, что, выступив первым, он поставит перед совершившимся фактом переворота и увлечет за собой все остальные реакционные группировки.

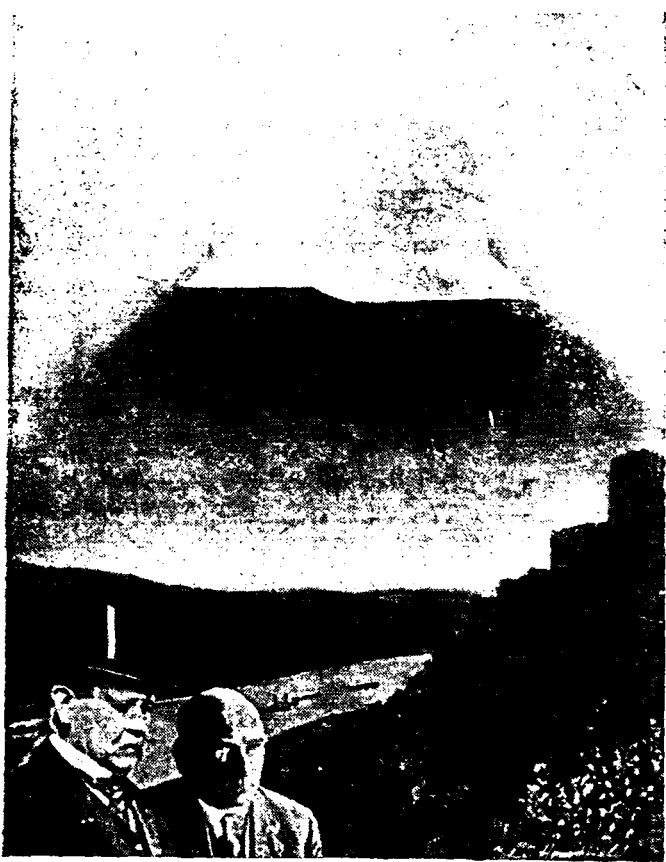
Он переоценил свои силы и до известной степени сорвал переворот, подготовившийся Каром.

8 ноября, в день годовщины ноябрьской революции 1918 г., Гитлер и Людендорф внезапно захватывают власть в Мюнхене и вынуждают Кара и Лоссова публично солидаризироваться с переворотом. Гитлер берет на себя роль руководителя всегерманского правительства, назначает премьером Кара, руководителем германской армии — Людендорфа. В самой большой пивной Мюнхена, зал который был свидетелем этого «исторического события», Гитлер сообщает собравшимся о перевороте, объявляет общегерманское правительство свергнутым и торжественно восклицает: «Завтрашний день увидит Германию свободной или нас всех мертвыми!»

Путч сорвался. Гитлеру удалось только несколько часов побыть диктатором. Кар и Лоссов ночью изменили ему, решив, что обстановка в Германии еще не созрела для переворота, и отдали приказ рейхсверу и полиции стрелять в национал-социалистов, если те не отступят без боя. 9 января Гитлер и Людендорф организуют шествие своих отрядов по Мюнхену. Полицейская часть, на которую натолкнулся отряд, открывает по нему огонь и кладет путчу конец.

«Завтрашний день» увидел многих участников путча арестованными, десятком рядовых национал-социалистов убитыми, а самого Гитлера — удирающим во весь дух из Мюнхена в роскошном автомобиле одного своего приятеля.

Если бы попытка переворота исходила от коммунистов, то их судьба была бы проста: военно-полевой суд быстро и беспощадно расправился бы с ними. Но Гитлера не ожидал расстрел, он мог быть спо-

Стальной шлем реет над Германией

Худ. Гартфильд

воен за свою жизнь: ведь во главе германской республики стоял Эберт, тот Эберт, который заявлял, что он «ненавидит революцию, как смертный грех»... А Гитлер ненавидел революцию ведь не менее сильно. Весной 1924 г. разыгралась комедия суда над организаторами мюнхенского путча. Гитлер был приговорен к пяти годам крепости, Людендорф оправдан. Не прошло и полугода, как Гитлер был снова на свободе.

Неудача фашистского путча побудила национал-социалистов всерьез заняться своей реорганизацией — несколько лет уходит на перестройку партии и на подготовку к более широкой деятельности. Любопытно проследить за литературой реакционных кругов Германии 1924—1926 гг. Центральным вопросом в ней является фашизм. Опыт итальянского фашизма изучается с величайшей тщательностью, малейшие детали разбираются со всей немецкой добросовестностью. Но это изучение далеко не носит «академического», оторванного от жизни характера. В каждой строчке, посвященной фашизму, чувствуется, что все взвешивается с точки зрения того, насколько и как может быть

приспособлен итальянский опыт к германским условиям. И национал-социалисты изучали этот опыт и проводили большую реорганизационную работу, поставив перед собою цель — выйти за границы Баварии и раскинуть свою сеть по всей Германии. Три—четыре года заняла перестройка рядов национал-социалистов. Создать организацию, охватывающую всю страну, располагающую сильными военными отрядами, реорганизованными штурмовыми батальонами, связаться с решающими кругами германской буржуазии, проникнуть в поры государственного аппарата — таковы были те основные задачи, на разрешение которых национал-фашисты бросили все свои силы.

Гитлеровцы создали своеобразную, довольно крепко сколоченную партийную организацию. Внизу — уличные и производственные ячейки, объединяемые в окружные и областные организации; наверху — свет партии, местопребыванием которого был назначен Мюнхен. Никаких выборов организаций, комитетов — все партийные функционеры назначаются сверху, важнейшие из них — непосредственно Гитлером, являющимся несменяемым вождем партии.

В национал-социалистической партии нет никаких дискуссий и голосований — Гитлер и его доверенные отдают приказы, дело низовых организаций — выполнять их. На массовых собраниях официальными ораторами развиваются одни и те же идеи, основным содержанием которых являются бешеные нападки на коммунистов, умелое разжигание национализма, погромный бесшабашный антисемитизм и освещение всех жгучих вопросов дня (безработица, кризис, нищета масс и т. п.) в том духе, чтобы слушатель был подготовлен к выводу: во всем виноваты версальский мирный договор и «ноябрьские преступники» (те, кто совершил революцию 1918 г.). В то же время ярко разрисовываются те блага, которые ожидают Германию, когда национал-фашисты будут стоять у власти и строить «Третью империю»¹.

Под руководством национал-социалистической партии работает ряд подсобных организаций: национал-социалистический студенческий союз, женская организация,

¹ «Первая империя» — Германская империя средних веков; «Вторая империя» — Германия 1871—1918 гг.

«гитлеровская молодежь» — национал-фашистский союз молодежи, союз врачей, союз национал-социалистов юристов. Важнейшими из этих организаций являются студенческий союз, получивший на выборах 1930 г. во всех высших учебных заведениях Германии не менее 30—40 проц. всех студенческих голосов, и «гитлеровская молодежь» — организация, развивающая большую и небезуспешную работу, главным образом среди мелкобуржуазной молодежи.

Особенно большое внимание отдали национал-социалисты укреплению штурмбатальонов. Их организация приняла строго военный характер. В штурмовых батальонах была введена единая форма военного образца: коричневый костюм, кепи, на плечах кокарда с фашистским крестом, ранец. Во главе областных штабов и отдельных отрядов поставлены офицеры, при чем преимущество отдавалось тем, кто имел путчистский опыт и опыт работы под начальством Носке в 1918 — 1920 гг. Национал-фашистские штурмбатальоны впитали в себя людской состав таких контрреволюционных офицерских организаций, как «Консул», «Оргеш», бригада Эрхардта и т. п., в них нашли себе приют убийцы Либкнехта, Рагенау и Эрцбергера.

Все наиболее активистски настроенные элементы контрреволюционного офицерства в конце концов оказались именно здесь, и, как правило, на командных постах.

Версальский договор обязывает германское правительство строго следить за тем, чтобы спортивные и милитаризованные союзы в Германии не имели в своем распоряжении оружия. Этот запрет не мешает конечно фашистским союзам Германии — Стальному шлему и национал-фашистским штурмбатальонам в первую очередь — иметь большие запасы оружия.

За 1930—1932 гг. в имениях симпатизирующих национал-фашистам помещиков десятки раз находили склады оружия, состоявшие не только из винтовок и гранат, но и из легких и тяжелых пулеметов.

Можно смело считать, что на один обнаруженный склад оружия приходится десятки необнаруженных. Таким образом надо иметь в виду, что штурмбатальоны довольно хорошо снабжены оружием.

Гитлер, впрочем, издал приказ, запрещающий национал-социалистам под стра-

хом исключения из партии ношение оружия, — приказ, неизменно фигурирующий в судебных процессах как лучшее доказательство полной безобидности штурмбатальонов. До сих пор не был исключен из партии по этому приказу ни один национал-фашист, хотя десятки и сотни их были привлечены к суду за убийства коммунистов и рабочих, совершенные конечно не голыми руками.

Формально обязанности штурмбатальонов остались прежними — охрана собраний. На деле же национал-социалисты создали армию в 200—300 тысяч по-военному организованных и обученных фашистов, имеющих оружие и подготовленных к ведению гражданской войны.

Но содержание партийного аппарата штурмбатальонов стоит денег и притом больших денег. Известно, что ни одна партийная организация в Германии не располагает такими огромными средствами, как национал-фашистская. Откуда взялись эти средства?

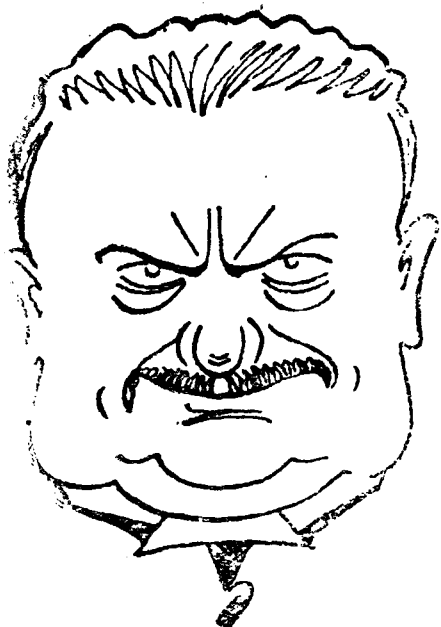
Опыт мюнхенского путча показал необходимость крепкой связи национал-фашизма с хозяевами индустрии и финансов Германии.

Но капитаны индустрии и банков не любят вкладывать свои деньги в несолидные предприятия. В их кругах по отношению к национал-социалистам наблюдалась известная настороженность: некоторые принимали всерьез демагогические требования программы национал-социалистов; некоторые, зная настоящую цену этим требованиям, побаивались риска, последствий, к которым эта демагогия может привести вне зависимости от доброй воли национал-фашистов; некоторые просто рассматривали национал-социалистическую партию как несерьезную авантюристскую группу.

На преодоление этого недоверия Гитлеру пришлось затратить известные усилия. Он добивался знакомства с влиятельными промышленниками и в личных и групповых беседах неутомимо разъяснял им истинные цели национал-социалистов. Отвечая одному туповатому буржуа, упрекавшему национал-фашистов в социалистических тенденциях и в невыполнимости их обещаний, он дал классическое определение существа всей национал-социалистической агитации, заявив, что: «цирковой плакат показывает всякие невозможные вещи, чтобы снз-

Фрик

Вейс

Тарнов

чала завлечь людей в цирк; то, что им там будет предложено, в конечном счете их удовлетворит»...

А так как Гитлер не особенно высокого мнения о потребностях масс,—в беседе со Штрассером он сообщил, что он достоверно знает, что «большинство рабочих не хочет ничего другого, кроме хлеба и зрелищ»,—то и национал-социалисты могли не стесняться в своих речах.

Буржуазия обязывала дать твердые гарантии верности ей и поэтому к «неизменной» программе социал-фашизма, принятой в 1920 году, были сделаны комментарии, которые должны были успокоить тех, кто не доверял благонамеренности национал-фашистов. Так например в апреле 1928 года Гитлер опубликовал следующее разъяснение к § 17 программы, говорившему о безвозмездной экспроприации крупного землевладения:

«Так как национал-социалистическая германская рабочая партия стоит на почве частной собственности, то само по себе разумеется, что выражение «безвозмездная экспроприация» создает лишь юридическую возможность отчуждения земель, незаконно приобретенных или плохо управляемых с точки зрения общественного блага. Таким образом оно направлено в первую очередь против еврейских спекулятивных земельных обществ».

Так национал-фашистский «социализм», оказалось, заключался в... признании частной собственности, а ликвидация крупного землевладения была сведена к обещанию ликвидировать «еврейскую» земельную спекуляцию.

Что касается хотя бы банков, то обертеоретик национал-фашистов Федер в одной своей речи в рейхстаге не хуже комментировал постоянные выпады национал-социалистов против «паразитического» финансового капитала:

«Мы стоим принципиально на почве частной собственности. Мы хотим социализировать лишь денежное обращение. Мы признаем большое общественное значение банкиров, которые не должны быть отстранены... Мы не намерены ликвидировать прибыли... (Обращаясь к лидеру народной партии Дингельдею): Вы не имеете никаких оснований подсовывать нам социалистические тенденции»...

В тайных обращениях к отдельным промышленникам национал-фашисты прямо говорили, чего они хотят. Вот содержание циркуляра, рассылавшегося национал-фашистами в 1927 г. промышленникам и банкирам.

«Секретно.

Многоуважаемый господин!

Национал-социалистическая рабочая партия включила в свою программу и защиту благоприобретенной собственности. Благодаря энтузиазму ее последователей и ее твердой организации только лишь она одна в состоянии действительно выступить против террора слева. К сожалению, это невозможно сделать без значительных денежных средств. Поэтому нам не остается ничего другого, как обратиться к национально-немецким и национально-отечественно настроенным кругам индустрии и торговли с просьбой о поддержке... За хорошее применение денег дает вам полную гарантию честность нашего движения».

Естественно, что в конце-концов национал-фашистам удалось постепенно преодолеть недоверие среди некоторых буржуазных кругов. По мере того, как обострялось внутреннее положение в Германии и грозный призрак большевизма надвигался все ближе, симпатии тяжелой индустрии и финансового капитала все более передвигались в сторону национал-фашистов.

Кридорф, лично посетивший один партейтаг национал-социалистов и пришедший в восторг от штурмбатальонов, Тиссен, Борзаг и многие другие магнаты тяжелой индустрии развязали свои кошельки для национал-фашистов.

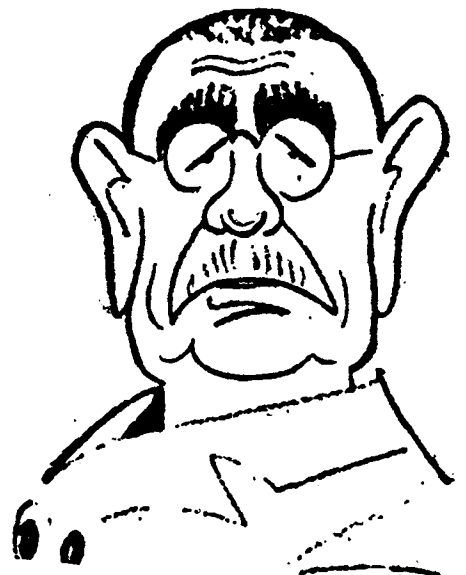
Но национал-социалистов нельзя было доверить самим себе — все-таки элементы авантюризма и политического шарлатанства в их среде вызывали большие опасения. Руководить национал-фашистами взялся вождь немецкой национальной партии, партии тяжелой индустрии и крупного землевладения — газетный король Германии Гугенберг. С 1929 г., со времени совместной кампании немецких националистов и национал-социалистов против плана Юнга, ведет свое начало дружественный союз этих двух партий, представляющих крайнее правое крыло немецкой контрреволюции. Фактическим гегемоном

Гитлер

Зеверинг

Носсе

этого союза являются немецкие националисты.

Национал-социалисты не потеряли внешней независимости и организационно не сомкнулись с немецкими националистами. Гитлер сохранил возможность неограниченно декламировать, копируя Муссолини, и вполне возможно, что он лично убежден в том, что не он пришел к Гугенбергу, а Гугенберг пришел к нему. Но преимущественно мелкобуржуазная по составу партия национал-фашистов целиком была поставлена на службу тяжелой индустрии, и вся ее стратегия и тактика стали определяться интересами тех классовых сил, которые стоят за спиной немецких националистов.

Национал-социалистическая «рабочая» партия обрела наконец своего хозяина.

Конечно, ни сам Гитлер, ни его помощники никогда не верили в искренность демагогической программы собственной партии. Но среди национал-социалистов «первого призыва» была известная прослойка мелкобуржуазных романтиков, ненавидевших спекулянта, банкира, ростовщика почти так же остро, как и социализм, и мечтавших о «Третьей империи», которая покончит с тем, о чем особенно тяжело думать мелкому буржуа в послевоенной Германии, и с большевистской опасностью. Острая ненависть к режиму, созданному в Германии после ноябрьской революции 1918 года, туманные мечты о какой-то новой социальной справедливости, стремление образовать самостоятельный фронт — эти настроения мелкобуржуазного утопизма нашли свое отражение в «неизменных 25 пунктах» программы национал-социалистов 1920 года. Путч 1923 года явился переломным моментом в развитии национал-социалистической партии. Реорганизованная партия трезво, цинично и расчетливо предложила свои услуги германской буржуазии на предмет борьбы с большевизмом и стала послушным орудием тяжелой индустрии и финансового капитала.

После путча влияние национал-фашистов сильно упало. Если в 1923 г. в Баварии было 30 тыс. национал-фашистов, то даже еще в 1927 г. по всей Германии их число не превышало 17 тыс., и выборы в рейхстаг 1928 г. дали национал-социалистам всего 800 тыс. голосов.

Тем не менее, национал-социалисты стали к этому времени несравненно сильнее,

чем в 1923 г. Они уже вышли за рамки Баварии — их организации раскинулись по всей Германии. В Пруссии, Саксонии, Тюрингии национал-фашисты стали уже твердой ногой.

Создана была охватывающая всю страну организация, создана пресса; штурмовые батальоны национал-фашистов знакомили со своей формой и своими нравами Северную Германию, завязывались важные связи с промышленно-финансовыми кругами. К этому времени национал-социалисты впитали в свою организацию ряд более мелких фашистских организаций.

Первые признаки экономического кризиса в Германии еще более оживили работу национал-фашистов. Ухудшение экономического положения Германии ставило на очередь подготовку решительного наступления буржуазии на рабочий класс и неминуемо должно было повлечь за собой обострение классовой борьбы, угрозу массовых выступлений пролетариата. В этих условиях национал-социалисты с их вымуштрованными штурмбатальонами приобретали в глазах немецкой буржуазии гораздо больший вес, чем в относительно спокойную полосу 1924 — 1928 гг.

Не меньшее значение имел для национал-социалистов тот факт, что мелкая буржуазия попала под удары кризиса. Изверившиеся в старые «традиционные» буржуазные партии и в некоторой части своей весьма недоверчиво, враждебно относящиеся к пролетарскому движению широкие слои мелкой буржуазии начали теперь остро интересоваться вопросами политической жизни. Они воспринимали программу национал-фашистов как откровение.

Мелкобуржуазная публика массами валила на собрания национал-фашистов, с воодушевлением слушала заманчивые обещания уничтожить рабство процента, покончить с крупными торговыми домами, покончить с еврейским финансовым капиталом. Организация национал-фашистов быстро росла, уже в 1928 г. увеличившись до 120 тыс. членов. Местные выборы, происходившие в Германии на протяжении 1928 и 1929 гг., показывали уже ту размежевку классовых сил, которая со всей отчетливостью выявилась на выборах в рейхстаг в 1930 году. Только две партии, как правило, выигрывали голоса: коммунисты и национал-социалисты. Старые «традиционные» буржуазные партии —

немецко-национальная, народная, демократическая — быстро теряли своих избирателей. Начала все быстрее терять своих избирателей и социал-демократия. Гитлер уже всерьез начинает думать о власти. Но нужно было окончательно рассеять некоторое предубеждение отдельных слоев буржуазии против национал-социалистов, вызывавшееся или непониманием национал-фашистской демагогии, или опасением, что она может в конце-концов привести массы не к фашизму, а к коммунизму. Национал-социалистам надо было выдержать своего рода «экзамен на государственную зрелость».

Такой экзамен национал-социалисты выдержали. В январе 1930 года один из лидеров партии — Фрик — был избран министром внутренних дел правительства Тюрингии и пробыл на этом посту около 1½ лет. Его деятельность способна была рассеять все опасения: Фрик не только не предпринимал никаких рискованных экспериментов, но и со всей решительностью проводил еще более реакционную политику, чем имперское правительство, и даже перещеголял его, явившись инициатором так называемого «негритянского налога» (поголовного налога) в Тюрингии. Правда, вся деятельность Фрика находилась в вопиющем противоречии с агитацией национал-социалистов вне Тюрингии и не имела ничего общего с той яркой картиной «Третьей империи», бороться за которую призывали массы национал-фашистские ораторы. Тем хуже было для этих масс.

Этот откровенно реакционный курс национал-фашистского руководства привел к «расколу» в партии. От партии откололась небольшая группа «революционных национал-социалистов» во главе с Отто Штрассером, стоявшая на платформе старой программы национал-социалистов и обвинявшая Гитлера в измене национал-социализму в угоду крупной буржуазии.

В брошюре Штрассера «Министерское кресло или революция» содержится замечательнейшая запись переговоров, которые в мае 1930 г. вел Гитлер с Штрассером и которые кончились их полным разрывом.

В этих переговорах Гитлер с величайшим цинизмом заявил Штрассеру, что только идиоты могут думать, что национал-социалисты, придя к власти, будут проводить в жизнь «социалистические» пункты своей программы, что рабочая масса этого и не потребует, так как она хочет только хлеба и зрелищ, что ей чужды всякие идеалы.

Опубликовывая эти переговоры, Штрассер несомненно еще больше повысил акция Гитлера в буржуазных кругах. Что касается Штрассера, то он остался главой небольшой группы национал-фашистских функционеров, командиром без армии.

Важным этапом в развитии национал-фашистской партии явился лейпцигский процесс (сентябрь 1930 г.) трех офицеров рейхсвера, обвинявшихся в организации национал-социалистических ячеек в рейхсвере. На этом процессе Гитлер дал торже-

РАБОЧИЙ КЛАСС В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ

Рабочая делегация, призывающая голосовать за т. Тельмана, на митинге германской компартии

ственную клятву в том, что национал-социалисты не намерены организовывать путча, что они завоюют власть легальным путем, многообещающе добавив: «и тогда покатыся головы ноябрьских преступников» (организаторов ноябрьской революции 1918 года).

На сентябрьских выборах в рейхстаг в 1930 г. национал-социалисты получили 6.400 тыс. голосов. Но национал-социалистам не удалось выполнить ту основную задачу, которую они ставили перед собой: прорваться в ряды «марксистских» партий: потерянные социал-демократией избиратели целиком ушли к коммунистам, не только не растерявшим своих избирателей, но и получившим прирост в 1.320 тыс. голосов. Избирательная победа национал-социалистов была неразрывно связана с поражением старых буржуазных партий (главным образом народной партии и партии немецких националистов). Национал-социалистам удалось увлечь за собой большую часть мелкобуржуазных и пролетарских избирателей этих партий. Национал-социалисты победили лишь потому, что они выступили на выборах с антикапиталистической платформой. Наряду с безудержной шовинистической демагогией национал-социалисты объявили «беспощадную» борьбу финансовому капиталу, банкам, бирже, обещали ликвидировать безработицу, уничтожить налоги, душащие мелкую буржуазию города и крестьянство, ликвидировать все нетрудовые доходы и т. п.

Вся тактика национал-социалистов после перевыборов в рейхстаг сводилась к тому, чтобы, оказывая фактическую поддержку важнейшим мероприятиям кабинета Брюнинга, сохранить видимость непримиримой оппозиции существующей системе, сохранить возможность отводить возрастающее недовольство мелкобуржуазных масс в свое русло.

В рейхстаге национал-социалисты голосовали против всех предложений об улучшении социального страхования, против повышения налогов на буржуазию, оказывали полную поддержку налоговой и таможенной политике Брюнинга. Когда комфракция внесла предложение о прекращении платежей по плану Юнга, национал-социалисты помогли правительству провалить это предложение. В своих речах в рейхстаге национал-социалисты вся-

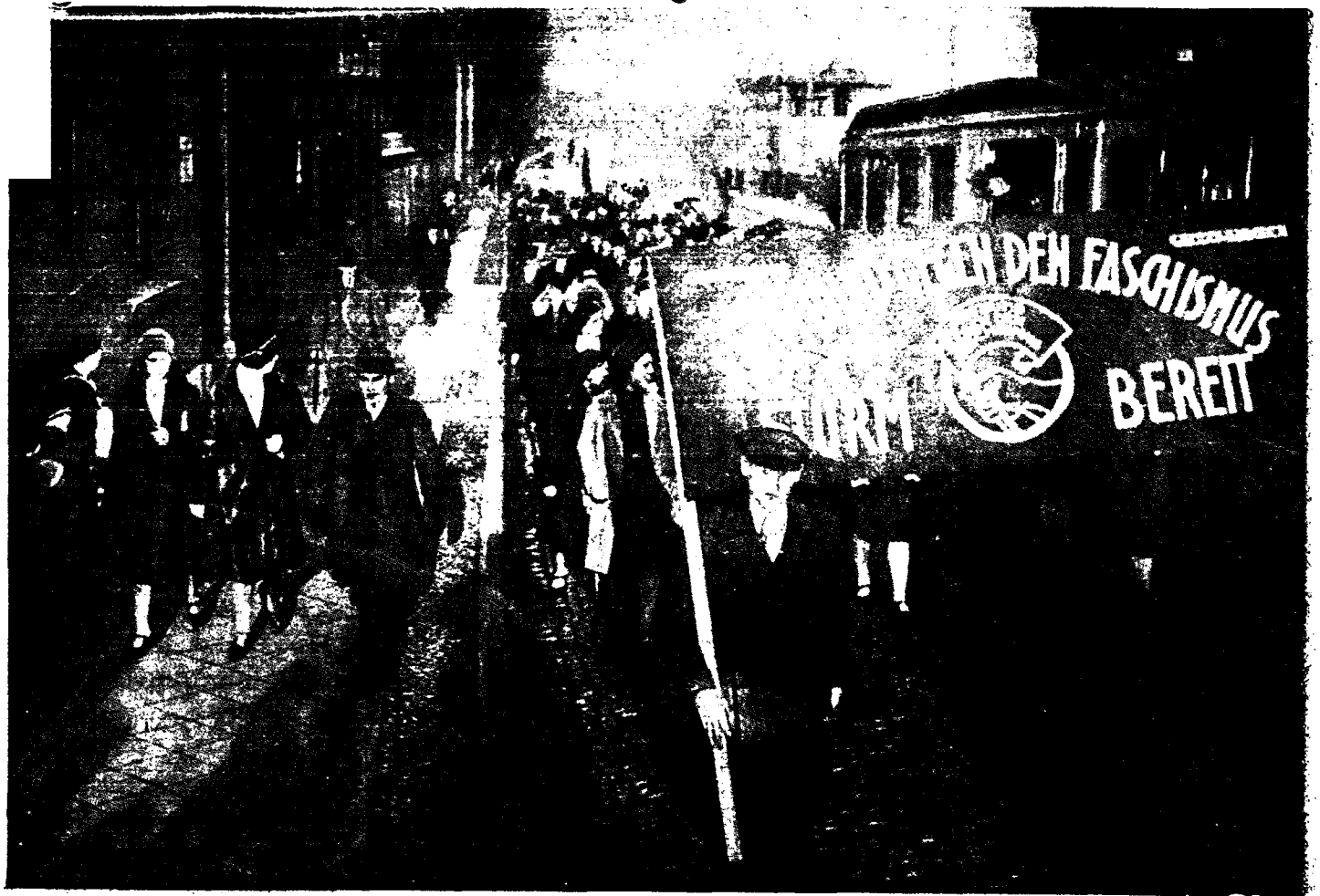
чески подчеркивали свою благонамеренность.

После нескольких месяцев такой «положительной» парламентской работы в феврале 1931 г. национал-социалисты вынуждены были произвести демагогический маневр — они покинули рейхстаг вместе с немецко-национальной партией, заявив, что они не хотят иметь ничего общего с «системой» и возвращаются в народ продолжать бороться с существующим строем. И тут национал-социалисты предусмотрительно хлопнули дверью рейхстага за день до того, как на его пленуме должно было стоять на голосовании предложение коммунистов о прекращении платежей по плану Юнга, оказав и на этот раз существенную поддержку Брюнингу. Но этот маневр не смог предотвратить роста недовольства в рядах части национал-социалистов, видевших резкое противоречие между предвыборными обещаниями национал-социалистов и их деятельностью в рейхстаге и начинавших понимать, что национал-социализм является послушным орудием тяжелой индустрии и финансового капитала в его борьбе с угрозой пролетарской революции. Учащались случаи выходов из национал-социалистической партии. Ряд национал-социалистов переходил в коммунистическую партию. Особенно большой шум и беспокойство в широких буржуазных кругах вызвал переход Шерингера в компартию.

18 марта 1931 года лейтенант Шерингер, главный обвиняемый в процессе о национал-социалистической пропаганде в рейхсвере, приговоренный к 1½ годам крепости, человек, который по заявлениям национал-социалистов является лучшим сыном немецкого народа и отважнейшим борцом национал-социализма, подал заявление о вступлении в коммунистическую партию.

Шерингер с полной отчетливостью заявил, что он окончательно убедился в том, что национал-социализм является гвардией злейшей реакции, что главная задача национал-социалистов состоит в спасении капитализма и организации террора против рабочего класса и что место честного борца за национальное и социальное освобождение Германии — только в рядах коммунистической партии.

Переход Шерингера к коммунистам произвел в политических кругах Германии впечатление разорвавшейся бомбы.

Слет антифашистских рабочих боевых союзов

есса Гугенберга и национал-социалистов пыталась объяснить его «психическим заболеванием», но смазать значение выступления Шерингера не удалось, и тревогу, охватившую широкие буржуазные круги, лучше всего выразил «Берлинер Тагеблатт», который, обращаясь к тем группам капиталистов, которые поддерживали национал-социалистов, писал: «Может быть перемена Шерингера заставит их встряхнуться? Жизнь других им не важна. Но может быть им важнее их собственный кошелек? Взбесившимся мелким буржуа, составляющим большинство среди 6½ миллионов, должно быть сказано, куда ведет путь. Господа биржевые короли, генералы в отставке, крупные промышленники! Желаете ли вы пережить изменение, происшедшее с Шерингером, в масштабе миллионов?»

В начале апреля 1931 года «раскололась» берлинская организация национал-социалистов. Отколовшуюся от партии группу в 2—3 тыс. чел. (преимущественно из состава берлинских штурмовых батальонов) возглавил Штеннес, бывший начальником штурмовых отрядов всей Восточной Германии. Группа Штен-

неса пред'явила Гитлеру по существу те же обвинения, что и Отто Штрассер. Национал-социалистическая партия «обуржуазилась», пережила тот же процесс, что и германская социал-демократия. Партия в лице официального руководства изменила принципам «немецкого социализма», отказалась от революционной борьбы за власть и взяла курс на легальность, на коалицию с Брюнингом. Новый проект хозяйственной программы партии обещает рабочему классу меньше, чем даже программа капиталистической государственной партии.

Группа Штеннеса остается верна «старому славному знамени» национал-социализма и будет вести борьбу за старые идеалы.

Этой группе была суждена такая же судьба, как и группе Штрассера, с которой она несколько месяцев спустя и слилась, что однако мало увеличило вес нового объединения.

Национал-фашистскому руководству пришлось серьезно задуматься над вопросом о том, как предохранить партию от подобных неприятностей. Вывод, сделанный Гитлером, сводился к следующему:

Социальная демагогия должна быть ослаблена, так как опыт показал, что она является слишком острым оружием; фашистские ряды должны быть беспощадно очищены от ненадежных элементов.

С «бунтом» Штеннеса было быстро покончено. Гитлер исключил его участников из партии и назначил специальных комиссаров для чистки партии, в течение пары недель исключивших из партии несколько тысяч человек. Секретные циркуляры национал-фашистов следующим образом оценивали значение этой чистки:

«По инициативе нашего вождя Адольфа Гитлера революционные элементы, активисты, решительно и бесповоротно исключаются из партии. Как ни печален весь этот жалко провалившийся пасхальный бунт, он все же принес партии большую пользу, заключающуюся в том, что партия отныне будет очищена от всех революционных и разлагающих элементов».

Одновременно с чисткой национал-фашисты начали усиленно подчеркивать легальность своей тактики и лояльность по отношению к государству. При появлении чрезвычайного декрета Гинденбурга о борьбе с политическими беспорядками (направленного всем острием против компартии и предоставившего полиции бесконтрольное право закрывать политические собрания, распускать политические организации и т. д.) Гитлер предложил всем местным организациям национал-фашистов безоговорочно выполнять все требования декрета под страхом немедленного исключения из партии его нарушителей. В приказе по партии в связи с этим Гитлер писал, что он рассматривает всякую попытку путча как безумие: «Я полагался в строгой легальности партии и не позволю никому сделать меня клятвопреступником». Гитлер и другие виднейшие лидеры национал-фашистов прямо заявляли, что они исключают Штеннеса как «революционера», пытающегося столкнуть лбами правительство и национал-фашизм.

Национал-фашисты так настойчиво подчеркивали свою лояльность, что «Форвертс» уже обрадованно заговорил о «просветлении» национал-социалистов, гордо заявив, что оно является результатом... бесстрашной борьбы социал-демократии против фашизма! Этим заявлением германские социал-демократы еще раз помо-

гли национал-фашизму скрыть от широких масс тот несомненный факт, что национал-фашизм по существу поддерживал правительство Брюнинга и что крики о его «непримиримой» оппозиции «системе» были чистейшим шарлатанством.

На некоторое время рост национал-фашизма замедлился. Но с осени поднялась новая волна, и все выборы показывали прирост голосов, подаваемых за национал-социалистов. Национал-фашистам удалось мобилизовать вокруг себя широкие мелкобуржуазные массы, удалось умело использовать тяжелую нужду крестьянства и обещаниями покончить с несправедливыми налогами и властью ростовщиков увлечь за собой значительные слои крестьянства.

На Гарцбургской конференции «национальной оппозиции» (октябрь 1931 г.), в которой приняли участие национал-социалисты, немецкие националисты (партия Гугенберга), «Стальной шлем», помещичье-кулацкий Ландбунд, была развернута ближайшая программа германского фашизма: правительство Брюнинга должно уступить место диктатуре национального блока, эта диктатура должна твердой рукой навести «порядок», сокрушить большевизм, инфляция даст выход из кризиса (и обогатит еще более капитанов тяжелой индустрии и крупных помещиков).

После этой конференции в «политических кругах» германской буржуазии все настойчивее стали говорить о привлечении национал-фашистов к власти. Центр—партия Брюнинга—высказал полное принципиальное согласие на коалицию с национал-фашистами. И Гитлер и Брюнинг готовы были на коалицию еще после сентябрьских выборов 1931 г. Гитлер запросил тогда очень высокую цену — министерство внутренних дел, армию и полицию. Сделка тогда не состоялась. Переговоры осенью 1931 года также не привели к успеху: центр соглашался допустить национал-фашистов к участию в правительстве, но не желал передавать им руководящую роль — и по соображениям внешней политики, боясь обострения положения с границей, и не желая согласиться на инфляционистскую политику, невыгодную тем группам финансового капитала и химической индустрии, которые представляет Брюнинг.

Теперь этот вопрос вновь стал в порядок дня, и результаты борьбы за президентский пост, в которой Гитлер получил

сначала, в первом туре, 11.300.000 голосов, а во втором 13.417.460 голосов, очевидно снова приведут к переговорам о включении национал-фашистов в правительство. Во всяком случае, ряд капиталистических групп, поддерживающих на выборах Гинденбурга, уже настаивает на том, чтобы национал-социалисты были введены в правительство.

Классовый характер правительства не изменится от замены Брюнинга Гитлером — оба являются проводниками интересов монополистического капитала Германии. Разница между ними заключается в том, что Брюнинг стремится осуществлять фашистскую программу по частям, тогда как Гитлер является сторонником быстрых темпов фашизации Германии, считая, что момент для открытой фашистской диктатуры вполне созрел.

Брюнинг, выражая настроения наиболее осторожных кругов германской буржуазии, вполне откровенно разъяснял в рейхстаге после Гарцбургской конференции Гитлеру, что его методы постепенного осуществления фашистской программы являются наиболее надежными, так как, говорил он, открытая фашистская диктатура сразу создаст единый фронт рабочего класса под руководством коммунистов и поставит под угрозу существование германского капитализма. Основной смысл теперешней борьбы между различными группами внутри германской буржуазии, и в первую очередь между национал-социалистами и социал-фашистами, заключается в решении вопроса: насколько изменение методов государственного управления соответствует интересам буржуазии, насколько оно обусловлено передвижкой классовых сил в стране. От того или иного ответа на этот вопрос зависит, кого должна буржуазия предпочесть в качестве управляющего делами буржуазии: старого, испытанного управляющего — социал-демократию и католический центр, которым будут помогать фашистские боевые организации, или же фашистов, которые будут работать вместе с центром и опираться на опыт и фактическую помощь социал-демократии. Между правительством социал-демократов и правительством национал-социалистов устанавливается та разница, что первое проводит политику империалистической буржуазии, действуя наряду с террором преимущественно обманом, а второе, отнюдь не уступая первому в са-

мой гнусной лжи и демагогии, действует преимущественно террором.

Национал-фашисты утверждают, что к началу 1932 г. национал-социалистическая партия объединила в своих рядах 900 тыс. человек, а штурмовые батальоны — 400 тыс. Вероятно эти цифры несколько преувеличены. Но все последние выборы конца 1931 г. в Гессене, Вюртемберге, Гамбурге, Ольденбурге показывают значительный прирост голосов, поданных за национал-фашистов, получивших около 35 проц. всех голосов. На президентских выборах 1932 г. национал-фашисты получили более 30 проц. всех голосов. По сравнению с последними парламентскими выборами они выросли более чем вдвое.

Кого ведет за собой национал-социалистическая партия? Совершенно бесспорным является тот факт, что подавляющее большинство национал-фашистских избирателей рекрутируется из мелкобуржуазных слоев города и деревни. Все успехи национал-фашизма как широкого движе-

ния вызваны тем, что ему удалось вовлечь мелкую буржуазию города и значительные слои крестьянства в фарватер своей политики. Это завоевание мелкобуржуазного избирателя национал-фашистской партией, служащей финансовому капиталу и тяжелой индустрии, связано с разгромом старых, «традиционных» буржуазных партий, с размыванием их массовой мелкобуржуазной и полупролетарской базы, привлекаемой в основном в лагерь национал-фашизма его социальной демагогией.

Национал-фашисты включили в свой состав разнообразные классовые элементы — от гогенцоллернского принца Августа-Вильгельма до отдельных групп безработных.

Мелкобуржуазные элементы однако составляют основное ядро в составе национал-социалистической партии. Мелкий торговец, хозяин небольшой мастерской, содержатель пивной, ремесленник, служащий, чиновник, академическая молодежь, не видящая перед собой перспектив в современной Германии и возлагающая огромные надежды на «Третью империю» Гитлера, — массы этих представителей нищающей и разоряемой кризисом мелкой буржуазии наполняют национал-фашистские собрания, восторженно внимают обещаниям покончить с властью ростовщика, с «рабством процента», ликвидировать универмаги и т. д. и составляют основной массив городских национал-фашистских организаций.

Тяжело страдающие под ударами кризиса, разоряемые высокими налогами и сокращением сбыта сельскохозяйственной продукции, крестьянские слои, разуверившиеся в политике немецких националистов и аграрных помещичьих организаций, жадно слушают заманчивые обещания национал-фашистских агитаторов уничтожить налоговый гнет и власть ростовщика и в значительной массе отдают свои голоса национал-фашистам.

Таков основной состав национал-фашистской партии. Но в этой пестрой массе мы встречаем и безработных генералов, и тайных советников, и представителей крупных банкирских домов и трестов, фабрикантов, адвокатов, профессоров, священников и т. д. и т. п.

Национал-фашисты затратили и тратят в настоящее время много энергии на то, чтобы проникнуть в рабочую среду. Организация производственных ячеек, стенга-

зеты, перенятые у коммунистов национал-фашистами, издание специальной массовой литературы для рабочего читателя. курсы для функционеров, предназначенных работать на производственных предприятиях, — целая система подобных мероприятий должна была обеспечить расширение влияния национал-социалистов в рабочих массах. Особенно интересно отметить, что национал-социалисты очень тщательно изучают опыт работы компартии и стремятся перенять ее методы работы. Подражание коммунистам доходит напр. до того, что национал-фашисты заимствовали мотивы всех популярных песен у коммунистов, и часто марширующую колонну фашистов издали можно принять за пролетарскую группу не только благодаря красному знамени, но и по боевой революционной мелодии, в которую облечены фашистские песни.

Национал-фашисты работают на предприятиях в известном смысле в самой благоприятной для них обстановке: при полной поддержке предпринимателей, с величайшей охотой берущих национал-социалистов на работу и во всем идущих им навстречу. В настоящее время в Германии достаточно быть коммунистом, для того чтобы при первом подходящем случае быть выброшенным с предприятия. Национал-фашистская же карточка является прочной страховкой от безработицы.

Несмотря на все эти благоприятные условия, национал-фашистам не удалось проникнуть в основные массы рабочего класса.

Как правило рабочие голоса, собранные фашистами на выборах, принадлежит или тем рабочим, которые прежде голосовали за буржуазные партии (народную партию, немецких националистов и т. п.), или рабочим мелких предприятий, имеющих десятки — полтора рабочих, владельцы которых зачастую не держат рабочих не национал-фашистов, или наконец безработным.

Те демагогические лозунги, которые имеют огромную притягательную силу для мелкой буржуазии (например уничтожение рабства процента), неспособны воодушевлять и мобилизовать вокруг национал-фашистского знамени рабочие массы. Еще меньший энтузиазм могут вызвать в рабочих кругах туманные положения «истинного немецкого социализма» вроде: «общее благо выше блага личности» и т. п.

Полицейские разгоняют антифашистскую демонстрацию компартии

Притом никакая демагогия не сможет прикрасить ту практическую работу, которую разворачивают национал-фашисты на предприятиях,—создание групп штрейкбрехеров, помощь предпринимателям в их борьбе против пролетарских организаций,—работу, которая повседневно доказывает рабочим массам, что национал-фашисты являются агентами капиталистов на производстве.

Мелкобуржуазная в своей подавляющей массе национал-социалистическая партия является орудием германского финансового капитала и тяжелой индустрии. Особенно большое влияние на национал-социалистов имеют магнаты рурского горнозаводского капитала во главе с Тиссенем, тесно связанные с руководящим штабом национал-фашистов и снабжающие их огромными средствами.

Национал-фашизм не является единственным отрядом германского фашизма. Нет ни одной группы буржуазии в Германии, которой были бы чужды фашистские тенденции. Фронт германского фашизма тянется от Гитлера и Гугенберга до Брюнинга и Зеверинга, Вельса и Тарнова, представляющих его «левое» крыло. Спасти германский капитализм от надвигающейся пролетарской революции путем перехода к методам открытой диктатуры, путем террора против революционного пролетариата — на этой платформе стоит

и «Стальной шлем», и помещичье-кулацкий Ландбунд, и партия центра, и германский социал-фашизм со своей военной организацией «Рейхсбаннер». Разница между ними—лишь в методах и темпах осуществления этой программы.

Национал-фашизм является наиболее агрессивным отрядом германского фашизма, сумевшим собрать вокруг себя широкие мелкобуржуазные массы. Он усовершенствовал методы работы националистических организаций германской буржуазии. Специальностью национал-фашистов являются массовые собрания, умело инсценируемые, с оркестрами, парадами штурмбатальонов, с бьющими по нервам эффектами. Национал-фашисты располагают лучшими ораторами Германии.

Обладая огромными средствами, привлекающими в кассу национал-социалистов из рук Тиссенев, Феглеров и других магнатов тяжелой индустрии, национал-социалисты развернули свою деятельность с огромным размахом.

Что сулит грудящимся Германии «Третья империя» Гитлера? «Гессенская программа» национал-фашистов дает яркий ответ на этот вопрос. В сентябре 1931 года гессенские национал-социалисты выработали «проект первого объявления населению после падения нынешних властей и преодоления коммуны», переданный правительству Гессена одним порвавшим с национал-фашизмом участником совещания, на котором выработывался этот проект.

После переворота вся власть передается руководству штурмовых батальонов национал-фашистов.

«Всякое распоряжение штурмового отряда, кем бы из командного состава оно ни было отдано, должно быть немедленно выполнено. Сопротивление будет, как правило, караться смертью».

В 24 часа всякое оружие должно быть сдано штурмовым батальонам. Всякий, у кого будет после этого срока найдено оружие, расстреливается на месте. Рабочие, служащие, чиновники обязаны продолжать свою работу. Сопротивление этому, попытки стачки или саботажа караются смертной казнью. Новые чрезвычайные декреты, как и старые, оставленные в силе, должны безоговорочно выполняться. Отказ в подчинении им влечет за собой смертную казнь.

Вводится принудительная трудовая повинность всего населения, начиная с 16 лет. От нее освобождаются лишь члены штурмовых отрядов и чиновники. Только выполняющие повинность получают продовольственные карточки. Все жизненные припасы находятся в распоряжении командования штурмовых батальонов и выдаются их уполномоченным по первому требованию безо всякой компенсации. Невыполняющим угрожает смертная казнь. Организируются специальные полевые суды.

Такова программа расстрелов и виселиц, которые готовят национал-фашисты революционному пролетариату. В центре экономической программы национал-фашистов стоит требование инфляции, путем которой тяжелая индустрия и аграрный капитал намерены освободиться от своих миллиардных долгов. На совещании промышленников и банкиров в Берлине в октябре 1931 г. экономический эксперт национал-фашистов Вальтер Функ, обосновывая национал-фашистские экономические планы, многообещающе заявил: «Общественные предприятия сумеют тогда использовать снижение себестоимости, вызванное радикальным понижением заработной платы. Экспорт также чрезвычайно усилится, так как он будет форсироваться без оглядки на жизненный уровень. Гитлер сумеет выколотить резиновой дубинкой из марксистов их убеждение, что «собственность является кражей».

Эти заявления бросают яркий свет на те блага, которые ждут трудящихся Германии в «Третьей империи» Гитлера.

Но может быть национал-фашисты добьются освобождения Германии от цепей версальского мирного договора?

«Национальная» программа национал-фашистов имеет такую же ценность, как и национал-фашистский «социализм». Гитлер десятки раз объяснял американской, английской и французской буржуазии в своих интервью, что исторической миссией национал-фашизма является спасение Германии и всей Европы от большевизма и что его националистическую фразеологию нужно рассматривать прежде всего под этим углом зрения, что он не намерен расторгать существующие договоры. Всего несколько дней назад, перед президентскими выборами, в интервью с американским журналистом Гитлер еще раз заявил, что он не намерен аннулировать версальский договор или план Юнга.

Эмиссары Гитлера, раз'езжавшие по Франции, Англии и Италии в 1930 — 1931 гг., дали буржуазным кругам Антанты десятки успокоительных заверений относительно целей, которые преследуют национал-фашисты во внешней политике, и доказывали, что национал-фашисты будут служить англо-американскому и французскому капиталу за сходную плату: Гитлер уверен, что ценой включения Германии в антисоветский фронт он выторгует некоторые уступки от держав-победительниц.

Поэтому лживый характер национал-фашистской националистической демагогии не подлежит никакому сомнению, и национал-фашисты будут так же верно выполнять версальский договор и план Юнга, как и правительство Брюнинга.

Истребление революционного авангарда пролетариата, неограниченное господство белого террора, невиданное ухудшение положения трудящихся, инфляция и каторжная трудовая повинность, включение Германии в антисоветский фронт и сохранение цепей версальского договора и плана Юнга — такова реальная программа национал-фашизма, программа, которая должна спасти германский капитализм от большевизма и обеспечить германской буржуазии

неограниченную эксплуатацию трудящихся.

Проследивая развитие национал-фашизма, необходимо остановиться на той роли, которую сыграла в его истории социал-демократия, так как успехи национал-фашизма связаны с ней самым тесным образом.

В бурные послевоенные годы социал-демократия стояла у колыбели германского фашизма. Кровавый пес германской революции Носке явился организатором контрреволюционных офицерских отрядов, образовавших основу германского фашизма. Под крылом Эберта могли беспрепятственно возникать и развивать свою работу многочисленные фашистские организации. Социал-демократия, взлелеявшая ростки германского фашизма, заботливо оберегала его от ударов и спасла от разгрома после кашповского путча, после путча Гитлера. В истории германской социал-демократии не найти ни одного случая, когда ее министры и чиновники карали бы фашистских убийц, попадавших в их руки.

В борьбе за спасение германского капитализма социал-демократия показала, что она может не хуже Муссолини проводить белый террор и топить в крови пролетарские восстания. Только с ее помощью германский капитализм устоял на ногах и спасся от разгрома.

Когда национал-фашизм укрепился и перешел в наступление, когда угроза фашизма с каждым днем приобретала все

Вожди германских социал-фашистов: Лебе, Зеверинг, Браун, Шейдеман

более острое значение, социал-демократия поставила себе целью прикрыть наступление фашизма и парализовать революционную активность масс в их борьбе с фашизмом.

Германской социал-демократии принадлежит заслуга запрета Союза красных фронтовиков — единственной боевой пролетарской организации, давшей отпор террору национал-фашистских убийц. Разгул террора штурмовых батальонов никогда не принял бы широких размеров, если бы Союз красных фронтовиков не был запрещен.

Несмотря на запрещение штурмовых отрядов национал-фашисты имеют огромные запасы оружия. С.-д. полиция с большим искусством отводила удар от национал-фашизма всякий раз, когда обнаруживались тайные склады оружия, в которых новенькие пулеметы и винтовки, гранаты и патроны тайно превращались при прикосновении к ним рук социал-демократических полицейских в труду ржавого

Фашистский парад. Полиция помогает участникам парада

металла. Запретив штурмовые отряды, правительство, во-первых, помогло Гитлеру освободиться от отрядов, ставших неудобными, так как в них имелись люмпен-пролетарские и частично пролетарские элементы. Во-вторых, оно помогло Гитлеру «легализоваться», сделать дальнейший шаг для участия в правительстве. Недаром Брюнинг и Зеверинг в своих последних речах указывают на свою готовность сотрудничать с национал-социалистами, если последние проявят лояльность к существующему порядку.

Национал-фашисты убили и искалечили десятки и сотни германских рабочих. С 1923 г. по 1931 г. убито национал-фашистами 323 рабочих и ранено 740. В последние годы не проходит ни одного дня, когда бы в том или ином углу Германии национал-фашистские убийцы не нападали на рабочих. Буржуазная печать неизменно выгораживает национал-фашистов, освещая эти случаи как «коммунистические бесчинства», виновниками которых являются коммунисты.

В тон им вторит всегда и социал-фашистская печать, оказывая ценную моральную поддержку фашистскому террору и посылно участвуя в той бешеной травле, которая ведется против коммунистов.

Все те успехи, которых добился фашизм в Германии, были бы немислимы без этой огромной помощи социал-демократии, прикрывавшей наступление фашизма, обезоруживавшей пролетариат, расчищавшей путь фашизму; социал-демократия пролагает путь к фашизму.

Сентябрьские выборы в рейхстаг 1930 г. обнажили все обострение классовых противоречий в Германии и показали быстрое нарастание революционного под'ема широких рабочих масс, сплывающих вокруг компартии, и превращение национал-фашизма в центр притяжения боевых сил контрреволюции. Они с особой остротой выдвинули перед германской буржуазией задачу парализовать активность рабочего класса.

Выполняя этот социальный заказ, социал-демократия выдвинула теорию «меньшего зла», стремясь удержать массы от борьбы против диктатуры буржуазии, облегчить фашизму осуществление его задач. Сущность этой теории сводится к следующему. Из двух зол надо выбирать меньшее. Правительство Брюнинга-Гин-

денбурга плохо. Оно правит страной без рейхстага, оно проводит чрезвычайные декреты, оно поддерживает капиталистов, ликвидирует социальное страхование, взвинчивает налоги. Но несравненно большим злом является угроза прихода к власти Гитлера. Поэтому, чтобы не допустить победы фашизма, социал-демократия должна терпеть, «толерировать» правительство Брюнинга.

И социал-демократия «терпит» во имя этой высокой цели правительство проведения фашистской диктатуры, поддерживая каждое мероприятие правительства Брюнинга и расчищая дорогу национал-фашизму.

Правительство Брюнинга не просуществовало бы и недели, если бы оно не опиралось на безоговорочную поддержку социал-демократии. Социал-демократия поддерживала все диктаторские мероприятия Брюнинга и не за страх, а за совесть помогала ему проводить программу монополистического капитала, стремящегося переложить издержки кризиса на плечи трудящихся масс путем безудержного сокращения заработной платы, беспощадной урезки социального страхования, взвинчивания налогов и т. п. Политика социал-демократии оказала неоценимые услуги национал-фашизму. Она стремилась парализовать активность рабочих масс и раздробить силы рабочего класса, она помогала Брюнингу тромить компартию и шаг за шагом ликвидировать остатки парламентаризма в Германии.

Социал-демократическая политика «меньшего зла» получила одобрение широких кругов германской буржуазии. Эта предательская политика германской социал-демократии встретила горячую поддержку и со стороны ренегата коммунизма контрреволюционера Троцкого, вместе с газетой «Форвертс» травившего компартию за ее решительную борьбу против правительства Брюнинга и пытавшегося убедить германский пролетариат, что во имя спасения от прихода к власти Гитлера «можно сблокироваться с самим чортом и его бабушкой».

Политика социал-демократии не прошла ей даром — не было ни одних выборов в Германии за последние два года, которые не показывали бы потерю социал-демократических голосов, и по мере быстрого падения влияния социал-демократии в рабочих массах в глазах германской

буржуазии повышалось значение национал-фашизма, укреплялась тенденция допущения национал-фашистов к власти.

Социал-демократия быстро реагировала на этот поворот хозяйской политики и осенью 1931 г. выступила с рядом заявлений, доказывающих, что германская буржуазия и в данном случае может рассчитывать на ее полную лояльность.

Брейтшейд, Тарнов и ряд других вождей германской социал-демократии заявили, что правительство Брюнинга—Гитлера все же лучше, чем правительство Гитлера, являясь «меньшим злом», и в качестве прикрытия поддержки блока центра и национал-фашистов выдвинули аргумент, что влияние национал-фашистов в массах упадет, если они будут допущены к власти. «Форвертс» 22 ноября 1931 г. прямо предлагал проделать такой «эксперимент»:

«Партия, которая, пребывая в оппозиции, растет, как грибы после дождя, может быстро свернуться, как только она будет освещена солнцем государственной власти. Если бы национал-социалисты несли за последние 13 лет хотя бы десятую долю той ответственности, которую несла социал-демократия, то вероятно от них не осталось бы и следа».

Через несколько недель «Форвертс» заявил уже о согласии социал-демократии терпеть и чистое правительство Гитлера.

«Если бы существовала уверенность,— говорит одна его декабрьская передовая,— что национал-социалисты, находясь у власти, будут уважать те правила демократии, при помощи которых они пришли к власти, то мы все были бы готовы допустить их к власти скорее сегодня, чем завтра».

Социал-демократия и фашизм разными методами выполняют одну и ту же социальную задачу—задачу разгрома классовых рабочих организаций и поддержки и укрепления капитализма. Именно это де-

лает их близнецами. Это однако не означает, что между ними нет различий и разногласий, что их методы и интересы во всем сходятся. Между социал-демократией и национал-социалистами конечно существуют разногласия, но это—разногласия частного порядка. Это—разногласия между двумя фракциями, стремящимися к сохранению капитализма и борющимися против пролетарской революции.

Одним из таких противоречий между ними является вопрос об «идеологии» для рабочих масс.

Национал-социалисты считают, что потуги социал-демократии рядиться в марксистские революционные одежды играют на руку действительным марксистам и революционерам—коммунистам. Поэтому нужно покончить с фразами о марксизме, классовой борьбе, интернационализме, оставляя самое необходимое, неизбежное—«социализм», превращенный в национальный, сверхклассовый «социализм», оставляющий частную собственность в руках эксплуататорских классов и обещающий рабочим «третье царство».

Социал-демократия старается доказать буржуазии преимущества своих методов работы. Но если вопрос об участии Гитлера в правительстве будет буржуазией решен положительно, социал-демократия конечно ничего реального против этого не предпримет, ибо для германской социал-демократии, как и для ее хозяев, есть одно зло, величайшее зло, по сравнению с которым бледнеет все, ради избежания которого социал-фашизм пойдет на все. Таким злом, «наибольшим злом» является угроза пролетарской революции, угроза диктатуры пролетариата. И в свете этой угрозы и следует рассматривать политику социал-демократии, этого «левого» крыла германского фашизма, и видеть единый фашистский фронт от Зеверинга, Брейтшейда, Троцкого до Гитлера и Гугенберга, единый фронт, которому противостоит единственная антифашистская сила в Германии—германская коммунистическая партия.

Мемуарной литературе — большевистская бдительность

В своем решении об издательстве «Молодая гвардия» ЦК партии указал, что «борьба за большевистское воспитание юношества и детей в духе ленинизма, за интернациональное воспитание пролетарской и колхозной молодежи Советского союза требует на данном историческом этапе исключительного внимания к острейшему большевистскому орудью на идеологическом фронте — к литературе для молодежи и детей».

Несомненно, что одним из наиболее острых орудий в арсенале молодежной литературы является наша большевистская мемуарная книга. Она, эта мемуарная литература, близко примыкает к литературе исторической, ее порой подменяет, а еще чаще дополняет. Она во всяком случае должна и может служить делу воспитания миллионов молодого поколения, делу выковывания из них устойчивых и опытных ленинцев.

«Мы должны воспитывать,—говорил т. Каганович на десятилетии ИКП,—членов партии, комсомол, мы должны поднимать новые и новые слои рабочего класса, воспитывая их на изучении истории нашей большевистской партии. А эта история не есть, как это думают многие историки-схематики, история безвозвратно прошедшего прошлого, канувшего в неизвестность вчерашнего дня. Вся наша история есть программа, стратегия и тактика, организация героической борьбы лучших, передовых элементов нашего класса за победу диктатуры пролетариата, за уничтожение классов, за коммунизм».

Вот почему так особенно остро т. Сталин реагировал на вреднейшие извращения и крупнейшие ошибки, которые были допущены в изложении истории нашей партии. Вот почему письмо т. Сталина подняло такую высокую волну большевистской мобилизованности и активности всей нашей партии.

Это заставляет с особой бдительностью относиться к мемуарной литературе, тем более, когда ее создают авторы, принадлежавшие к русскому меньшевизму—этой агентуре буржуазии в среде рабочего клас-

са, особенно если автор не только был в течение всех трех революций меньшевиком, но, войдя потом к нам в партию, обманул ее доверие, стал контрреволюционным троцкистом, за что был наряду с другими троцкистами изгнан из рядов нашей партии.

За последнее время нашлось немало таких «мемуаристов», которые лезут в «учителя» нашей молодежи, которые претендуют на то, чтобы на примере и опыте их воспитывалась пролетарская и колхозная молодежь. Но, занявшись воспоминаниями о романтических годах своей революционной юности, эти бывшие меньшевики, против которых с такой беспощадностью и ленинской последовательностью неустанно боролась наша партия, никак не хотят рассказать нашей молодежи про меньшевистские обман, демагогию и измены, не хотят раскрыть и разоблачить до конца всю теорию и практику меньшевиков, всю механику предательств этой буржуазной агентуры. А некоторые гнилые либералы среди большевиков своими сочувственными предисловиями потакают им в этом, совсем не подвергая или недостаточно подвергая большевистской критике эту меньшевистскую мемуаристику и не рассказывая юному читателю, кто авторы мемуаров. Каково было их последующее «героическое» прошлое...

«Воспоминания т. Фишелева проникнуты бодрым духом неунывающего пролетария-боевика... В воспоминаниях приводятся также и картины упадка рабочего движения во время столыпинской реакции. Только лишь активисты, среди которых и автор, не унывают, а продолжают дело борьбы... Наша молодежь несомненно встретит работу т. Фишелева с большим интересом». Так аттестует Мих. Фишелева и его книжку «От Харьковской голубятни до ангарской ссылки», изданную сначала Обществом политкаторжан, а затем третьим изданием и «Федерацией», т. Я. Шумяцкий.

Сам автор также не скупится на похвальные автохарактеристики: «Я был рядовым

солдатом революции и как солдат, по мере сил и возможности, держал винтовку наизготовке». Автор претендует на учительство молодежи: «История моей жизни — общая участь рядового работника революции 1905 г. И если я хотя неполно своими очерками нарисовал быт подпольщика того времени, если я хотя на мгновение ставлю идущих на смену остановить свое внимание на том, в каких муках и какими лишениями наш рабочий и крестьянин пришел к Октябрю, я буду считать себя счастливым тем, что красное знамя революции, передаваемое в крепкие руки молодежи, не будет выбито из ее рук, как бы ни была организована всемирная контрреволюционная сволочь».

Из этих характеристик как самого автора мемуаров, так и либерального автора предисловия перед юным читателем, в крепкие руки которого т. Фишелев так великодушно отдает красное знамя революции, встает якобы цельная, кристально-чистая фигура преданного делу рабочего класса пролетария-революционера, пролетария-большевика.

И совершенно напрасно встает: ибо на самом-то деле М. Фишелев, лезущий ныне в учителя нашей молодежи, которому безо всякой большевистской критики помогает в этом т. Я. Шумяцкий, не такой уж политический агнец и далеко не верный, даже совсем не верный солдат революции.

М. Фишелев во все три революции — меньшевик. Он меньшевик с 1905 г. по 1914 г. Он — так называемый интернационалист с 1914 г. по 1919 г. Это значит, что во все тяжелейшие периоды борьбы пролетариата с царизмом и буржуазией Фишелев был против рабочего класса и его единственно последовательной революционной партии — партии большевиков. Это значит, что он был с Плехановым и Троцким, Мартовым и Даном, против Ленина и его партии большевиков, что он был на стороне тех, кто травил большевиков-ленинцев.

И только тогда, когда революция победила, через два года после Октября, Фишелев вступил в нашу партию. Но его «верность делу Ленина» оказалась крайне краткосрочной: он вскоре снова подло и преступно изменяет пролетариату и его партии. В 1927 г. Фишелев, как известно, будучи директором одной из крупнейших типографий Москвы, как контрреволюционный троцкист обманул доверие партии и

органов Советской власти: напечатал, прибегнув к подлогу и использовав государственные средства, антипартийные документы (троцкистские материалы под обложкой из сочинений писателя Фурманова). Исключенный за это из партии, он только недавно был восстановлен.

Об этом должна помнить наша партия, должна особенно знать наша комсомольская, наша пролетарская и колхозная молодежь.

Наша партия выросла и окрепла в непрестанной, непримиримой, беспощадной борьбе с меньшевизмом как агентурой буржуазии в рядах рабочего класса. Наша партия вырастила и воспитала целое поколение подлинных пролетариев-большевиков в противовес меньшевикам типа Фишелева. Как же можно обо всем этом забывать? Как можно все это скрывать? Только гнилым либерализмом в отношении тех, кто затрагивал и затрагивает кровные интересы большевизма, можно объяснить, что ни в введении автора, ни в предисловии редактора не нашли места ни история измен рабочему классу, ни оценка меньшевизма, идеи и тактику которого разделял и организационные формы которого поддерживал вплоть до 1919 г. на протяжении всех лет, начиная с 1905 г., Мих. Фишелев.

Нельзя допускать, чтобы Фишелевы рисовались как солдаты революции в глазах большевистской смены, о которой Ильич в 1920 г. на III съезде комсомола говорил, что это поколение «и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество».

Вслед за б. троцкистом М. Фишелевым в «учителя» лезет матерый меньшевик В. Плесков, автор книги, тоже предназначенной для молодежи и даже издаваемой «Молодой гвардией», — «В годы боевой юности» («Молодежь накануне первой революции»).

Из того, что «южно-русская группа учащихся средних школ» в Ростове, существовавшая в течение 1902—1904 гг., заслужила одобрительные отзывы со стороны старой «Искры» и самого Владимира Ильича, совершенно не вытекает, что молодежь, на которую рассчитана эта книга Плескова, не должна знать, кто автор этой книги и что сама-то книга не большевистская.

Автор предисловия к этой книге, т. Станчинский (быв. меньшевик, а теперь член

партии), на протяжении целых полутора десятков страниц рассказывает о чем угодно, но только не о том, что В. Плесков (делающий все возможное, чтобы можно было сделать вывод, будто его ученическая организация в Ростове была прототипом ленинского комсомола) был на всем протяжении всей своей политической жизни активнейшим меньшевиком вплоть до Октябрьской революции, когда он, будучи членом МК меньшевиков, в буквальном смысле слова дрался против нас по ту сторону баррикад в решающие дни восстания рабочего класса и его партии за власть Советов, за диктатуру пролетариата.

А т. Станчинский, либерально скрывая прошлое Плескова, и по сей день находящегося вне рядов нашей партии, ничего лучшего не находит, как представить автора чуть ли не большевиком, который «призывает всех оставшихся в живых членов южно-русской группы пережить в наше боевое знаменательное время вторую юность, борясь за коммунизм под ленинским знаменем и активно участвуя в нашем грандиозном строительстве социализма».

Было бы значительно полезнее для дела ленинского воспитания нашей молодежи, если бы редактор книги т. Станчинский заставил Плескова подвергнуть жесточайшей критике политику меньшевиков, боевым активным единомышленником которых был всю свою жизнь В. Плесков — этот ожесточеннейший враг большевиков, которых он и его московские друзья шельмовали в 1917 г. как авантюристов и агентов реакции и германского империализма. И не менее полезно для дела ленинского воспитания молодежи было бы также, если бы сам т. Станчинский в своем большом предисловии уделил достаточно места разоблачению контрреволюционных позиций автора.

В компании с троцкистами и меньшевиками на такое же «учительство» претендует бундовец Б. Михалевич, написавший большую книгу «Воспоминания еврейского социалиста», которую пыталась выпустить «Молодая гвардия» в серии «Революционное движение в России в мемуарах современников».

О поучительном характере этих «мемуаров» свидетельствует та часть книги этого бундовца, где подается молодой, неиску-

шенной аудитории характеристика некоторых делегатов Лондонского съезда.

Вот как Михалевич живописует например Плеханова: «Украшением меньшевистской фракции был основатель и ветеран русской социал-демократии Г. В. Плеханов. Каждое его выступление было для съезда «событием», из кулуаров и боковых комнат прибегали слушать Плеханова. Стоя на возвышении, он глядел на публику своими красивыми глубокими глазами и направлял ша своих противников стрелы, отравленные легким юмором и насмешкой».

Когда возникал шум и крики мешали ему говорить, он спокойно выжидал, когда аудитория успокоится. Он имел привычку свои серьезные выступления уснащать словечками и цитатами из комедий Островского, Гоголя и Мольера. Его речи были шедеврами и заинтересовывали всех своей красивой формой. Он был европейцем в полном смысле слова».

Не жалеет бундовский автор самых тонких красок со своей меньшевистской палитры и для Мартова:

«Второе место во фракции занимал Ю. О. Цедербаум (Мартов). У него не было качеств, необходимых оратору. Он немного даже заикался. Говорил нервно и глотая слова. Но понемногу он овладевал внешней формой и захватывал слушателей глубиной своей речи. Мартов был блестящий полемист. Он причинял своим противникам неприятности, он, благодаря своей убежденной искренности, заставлял их прислушиваться».

Не забывает автор упомянуть и о том, что третье место — именно третье место — занимал И. Гуревич (Дан). Он так же эпически рассказывает, как «выступал также и старый П. Б. Аксельрод». И вся эта меньшевистская болтовня о любезных бундовскому сердцу Михалевича героях Лондонского съезда заканчивается текстуально следующим: «среди большевиков роль первой скрипки играл, конечно, Ленин». И все!

К этой наглой меньшевистско-бундовской выходке имеется следующая редакторская сноска: «Ну, конечно, Ленина автор не мог заметить, а особенно словословить его имя наряду с Мартовым, Даном и пр.; ведь это не к лицу ему». И все!

Подлинно, только «гнилой либерализм, имеющий теперь среди одной части большевиков некоторое распространение», мог

водить рукой тех, кто подписывал и выпускал этот труд ничему не научившегося и ничего не забывшего меньшевика-бундовца.

«На протяжении длинного пути своего исторического развития,—говорил т. Постышев на совещании культпропов при ЦК ВКП(б),—наша партия накопила богатейший опыт революционной борьбы, опыт руководства массами, опыт борьбы за социализм. В борьбе с ревизионистами учения Маркса—Энгельса, в борьбе за диктатуру пролетариата и удержание взятой власти, в осуществлении конкретных задач социалистического строительства, в

борьбе с попытками оппортунистического извращения ленинизма накапливала партия этот революционный опыт».

Мы не можем и не имеем права допустить, чтобы под видом передачи этого опыта нашему молодому поколению строителей социализма подносилась всяческая троцкистская, меньшевистская, бундовская контрабанда. Мы обязаны разоблачать самих контрабандистов, «систематически срывая с них маски», не позволяя им представлять себя в виде «Иванов, не помнящих родства», а тем более в виде героев революции, и не допускать, чтобы гнилые либералы, сидящие в наших издательствах и редакциях, им в этом содействовали.

„Мы должны воспитывать членов партии, комсомол; мы должны поднимать новые и новые слои рабочего класса, воспитывая их на изучении истории нашей большевистской партии. А эта история не есть, как это думают многие историки-схематики, история безвозвратно прошедшего прошлого, канувшего в неизвестность вчерашнего дня. Вся наша история есть программа, стратегия и тактика, организация героической борьбы лучших, передовых элементов нашего класса за победу диктатуры пролетариата, за уничтожение классов, за коммунизм“.

(Л. М. Каганович—„За большевистское изучение истории партии“).

Ленский расстрел

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕНСКИХ СОБЫТИЙ

Двадцать лет тому назад, 4(17) апреля 1912 г., под команду российского и международного капитала царскими жандармами была расстреляна в далекой сибирской тайге демонстрация ленских рабочих, поднявшихся на борьбу против неслыханной эксплуатации, угнетения и бесправия.

После 9 января это было одно из самых кровавых злодеяний царского самодержавия. Рабочий класс ответил на это преступление волной стачек, вылившихся в мощное революционное движение, ускорившее конец царизма и победу пролетарской революции.

Героическая борьба ленских рабочих и послеленский революционный подъем имели громадное значение не только для русского, но и для международного пролетариата. Ленские события вызвали отклик солидарности среди рабочих Европы и Америки, пославших ряд приветственных телеграмм ленским рабочим.

Забастовка ленских рабочих, окончившаяся расстрелом, наглядно показала, что в эпоху империализма борьба со «всесильем капитала» старыми «обычными методами» невозможна. Перед рабочими со всей остротой была поставлена дилемма: «либо отдайся на милость капиталу, прозябай по-старому и спускайся вниз, либо берись за новое оружие» (Сталин). И рабочий класс взялся за оружие.

Оценивая историческое значение ленской стачки, т. Сталин писал в своем обращении к ленским рабочим в 1927 г.:

«Отважная борьба павших в далекой тайге от царских пуль не забыта пролетариатом. Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать: ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними. Ныне свободные от царского и капиталистического гнета на берегах Витима мы имеем возможность добывать золото не для обогащения тунеядцев, а для укрепления мощи первого в мире своего рабочего государства. Честь и слава павшим в борьбе за победу рабо-

чего класса!» (Сталин, «Ленским рабочим». «Ленский шахтер», 17(4) апреля 1927 г., № 87, стр. 2).

Новая, двадцатая, годовщина ленского расстрела позволяет еще ярче подчеркнуть те громадные успехи, которых добился пролетариат под ленинским руководством партии за минувшее двадцатилетие — от ленского расстрела до современного этапа вступления в социализм.

Ленский расстрел является вместе с тем исторической датой не только в революционном движении нашей страны. То, что испытывал рабочий класс царской России, хотя в другой форме и других условиях, переживает еще и сейчас пролетариат капиталистических стран.

В условиях все более обостряющегося экономического кризиса, в условиях начавшейся империалистической войны на Дальнем Востоке и усиленной подготовки нападения на СССР, в странах господства капитала все более растет и ширится революционное рабочее движение, растет борьба широких трудящихся масс города и деревни за революционный выход из кризиса.

Империалистическая буржуазия, добиваясь контрреволюционного выхода из кризиса, пускает в ход все средства, чтобы подавить растущее революционное движение. Для этого мобилируются все силы фашизма и социал-фашизма. В странах господства капитала свирепствует жесточайший террор. Буржуазия применяет свои «ленские расстрелы» во всех странах мира. На наших глазах происходят расстрелы рабочих выступлений и демонстраций в Польше, в Румынии, расстрелы безработных в Германии, в Соединенных штатах, массовые расстрелы революционных демонстраций в Индии, Китае и других странах. В условиях этих новых «ленских расстрелов» в странах господства капитала имеет громадное значение изучение опыта героической борьбы русских рабочих против царизма и против капитала, приведшей к утверждению диктатуры пролетариата и к построению социализма в СССР. Этот опыт показывает трудящимся всего мира единственно возмож-

Общий вид ленских
приисков

ный путь свержения своих эксплуататоров и единственно возможный ответ на тот белый террор, на те бои и кровопускания, которые применяют против революционных масс господствующие классы в капиталистических странах.

ЛЕНСКАЯ СТАЧКА

Царская Россия была «очагом всякого гнета: и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме», ибо именно в России «всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма» (Сталин). На Ленских золотых приисках в необычайно конкретной, наглядной, осязаемой форме сказалась эта связь русского и международного капитала, давшая такое оригинальное сочетание на практике, как вооруженный кулак английских и русских капиталистов и царских охранников, направленный против рабочих, поднявшихся на борьбу.

Положение пролетариата на Ленских золотых приисках было типичным для положения рабочих в период третьеновской монархии.

Именно поэтому Ленин подчеркивал, что ленская стачка не являлась исключением, что она была лишь одним звеном в общей цепи стачечной борьбы пролетариата, которая развернулась как нарастающий массовый революционный протест рабочего класса против двойного гнета.

«Вовсе не борьба за одно из прав, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских

событий. Характерно для них полное отсутствие элементарнейшей законности во всех отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта несправедливость царской монархии и всего ее режима выступили на ленских событиях так ярко, что зажгли массы революционным огнем» (Ленин, т. XV, стр. 534, 3-е изд.).

Ленский расстрел явился, как писал Ленин, «поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем».

Этот подъем обозначился уже со второй половины 1910 года.

Осенние стачки 1910 г. отнюдь не означали просто борьбу рабочих «за право коалиции», как изображали движение ликвидаторы. Они были сигналом к революции.

«Началось новое глубокое, глухое брожение в миллионах и десятках миллионов угнетенных и эксплуатируемых после трехлетнего зверства и разорения. Этот подъем может быть пойдет быстро, может быть пойдет медленно и с перерывами, но он во всяком случае идет к революции» (Ленин, т. XIV, стр. 398, 3-е изд.).

Пролетариат выступает со своим истинным средством революционной борьбы — стачкой. Миллионные массы угнетенных не могут не прислушиваться к стачечной борьбе пролетариата, потому что

тяжелые годы разгула контрреволюции внесли в миллионы и десятки миллионов острую ненависть к монархии.

Пробуждаясь, эти массы видят в рабочем классе единственную до конца революционную силу, способную возглавить общенародную революцию.

Так пролетариат уже с лета 1910 г., открывшего полосу экономических стачек, все более перерастающих с 1911 г. в политические стачки, начинает в качестве вождя и гегемона революции свой «медленный переход в наступление».

Этот начинающийся под'ем проходит под непосредственным руководством ленинской партии, которая в январе 1912 г. на Пражской конференции четко констатировала нарастание революционного под'ема и наметила конкретные задачи, стоящие перед партией и рабочим классом.

Социалистическое воспитание, организация и сплочение передовых масс пролетариата, восстановление большевистских нелегальных организаций, использование наряду с этим всех и всяческих легальных возможностей, требование большевистской непримиримости в борьбе с оппортунизмом и примиренчеством—такие задачи ставила перед собой руководимая Лениным большевистская партия в борьбе за расширение и углубление начавшегося революционного под'ема.

Ленские события, как и отклик на них по всей России, не были случайными. «Ход событий,—писал Ленин,—за последние полтора года показывает с очевидностью, что наступление его (под'ема—*Бригада*) совершенно закономерно и с неизбежностью обусловлено всем предыдущим развитием» (Ленин, т. XIV, стр. 534).

Обратимся к непосредственным причинам кровавых событий в Бодайбинском районе.

Прииски принадлежали богатейшему Ленскому золотопромышленному товариществу, в распоряжении которого был почти что весь край — 423 прииска с общей поверхностью свыше 38.600 десятин. Крупнейшими акционерами этого общества были не только иностранные капиталисты, в руках которых было сосредоточено большинство акций, но и русский Государственный банк. В состав петербургского комитета «Лена—Гольфильд» входили крупнейшие правительственные чиновники. Наряду с министрами и правительст-

венными чиновниками с фирмой были связаны и члены царской семьи. Все местные власти и полиция находились на полном содержании у администрации приисков.

Рабочие находились в полной власти приисковой администрации. Ленский район не был соединен железной дорогой с Сибирской магистралью. Самая ближайшая железнодорожная станция — Иркутск — отстояла от города Бодайбо (административного центра края) на 1.700 километров. В весеннюю и осеннюю распутицу всякое сообщение Ленского края с остальным миром, кроме телеграфного, прерывалось на 2—3 месяца. Рабочие, попавшие на прииски, находились таким образом в ловушке. Так как весь район принадлежал одному Ленскому товариществу, то рабочий, если бы даже хотел, никуда не мог уйти от владельцев приисков.

Условия труда были самые кабальные. Согласно договору, обязаны были работать не только рабочие, но и жены и дети их, которым разрешалось приезжать с рабочими на прииски. Здесь в самой грубой хищнической форме происходила эксплуатация рабочих и фактически применялся принудительный труд. Самые антисанитарные жилища, самая недоброкачественная пища, один вид которой вызывал рвоту у рабочих, ничтожно низкая зарплата, двенадцатичасовой рабочий день в вечной мерзлоте, по колени в воде; самые зверские и дикие условия труда, когда каждый спуск в шахту был связан со смертельным риском; такое обращение с рабочими, что по словам старых рабочих «тюремные надзиратели обращались вежливее с пересыльным ворьем», чем служащие с ленскими рабочими (воспоминания Баташова),—таково было положение рабочих на Ленских золотых приисках. Администрация приисков полностью игнорировала даже жалкое царское законодательство. Зверская эксплуатация рабочих была основой неслыханных барышей этой акционерной компании. Например в 1910 г. компания получила прибыль в 6.812.925 рублей, из нее было выдано в дивиденд 4.233.000 руб., а 2.512.000 руб. было отчислено в запасный капитал.

Как раз накануне стачки «Лензолото» повело серьезное наступление на жизненный уровень рабочих. Товарищество систематически задерживало заработную плату рабочих. Незадолго до расстрела, воспользовавшись своим монопольным по-

Собрание ленских рабочих в годовщину расстрела

тожением в крае, компания понизила заработную плату в среднем на 20—25 проц.

Поводом к началу стачки 1912 г. послужила выдача рабочим абсолютно непригодного к употреблению мяса (дохлой коровы) на Андреевских приисках. Известие об этом было той искрой, которая произвела взрыв.

Начавшись 29 февраля, стачка в первые же числа марта охватила все, даже самые дальние, прииски. Стачка сделалась всеобщей. В стачке приняли участие 6.258 рабочих-мужчин, не считая женщин. Требования, поставленные рабочими, сводятся в основных чертах к следующему: 1) восьмичасовой рабочий день; 2) увеличение платы на 30 проц.; 3) отмена штрафов; 4) отмена выплаты заработной платы талонами на товар из лавок компании; 5) признание избранной рабочими комиссии; 6) увольнение рабочих с согласия комиссии; 7) неприкосновенность делегатов рабочих; 8) вежливое обращение; 9) улучшение медицинской помощи; 10) оплата сверхурочных работ по соглашению и оплата времени хождения в отдельные пункты, как за работу; 11) выдача

расчетных книжек на руки; 12) регулярная уплата денег за дни болезни и увечья по вине предприятия; 13) увольнение 27 лиц из администрации.

С началом стачки рабочие начали выбирать по приискам выборных. 4 марта состоялось собрание выборных от рабочих; были оформлены требования для предъявления администрации и был выбран стачечный комитет.

Накопляющееся годами возмущение рабочих прорвалось в забастовке, начавшейся по инициативе и под руководством большевика Зеленко на Андреевском прииске.

В ленской забастовке обращает на себя внимание исключительный героизм и организованность рабочих. Об этом ярко свидетельствует опыт почти 4-месячной героической борьбы ленских рабочих, об этом рассказывают все без исключения участники движения. Даже махровый оппортунист Думпе, оклеветавший стачечный комитет, изобразив его бессознательным орудием в руках меньшевиков, и тот должен это признать:

«Воодушевление, самоотверженность среди рабочих были такие, что не могу най-

ти достаточно ярких слов, чтобы это выразить». «Я,—пишет далее Думпе, проявляя характерное для меньшевика неверие в пролетариат,—никогда не подозревал, что эта темная, друг против друга (?) озверевшая масса на это может быть способна».

Ленская забастовка лишней раз показала, что «Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна» и что в России во главе революции стоял революционнейший в мире пролетариат.

Высокая организованность, исключительная дисциплинированность и сознательность ленских рабочих во время забастовки несомненно были результатом опыта предшествующей революционной борьбы, опыта 1905 г., революционной школы, которую прошел ряд руководителей движения, результатом идейного влияния большевиков.

Для того чтобы непосредственно руководить рабочими, по казармам был организован институт старост, на обязанности которых лежала задача служить связью со стачечным комитетом, следить и предупреждать всякие провокационные вылазки администрации приисков, наблюдать, чтобы не было пьянства, ссор и других порочащих стачку явлений. Благодаря этим старостам впоследствии удалось предотвратить не одну сотню случаев провокации, поджогов и т. п. Стачечный комитет должен был взять под свою охрану все прииски шахты, склады, магазины и принять меры против затопления шахт и против различных способов технического вредительства, которые применялись администрацией.

Все продовольственные магазины и казармы находились под бдительным контролем рабочих, которые непрерывно несли охранную службу. В корне были пресечены всякие возможности приобретения водки: торговля была прекращена в первые же дни стачки, и все казенки были закрыты, затем они совершенно были ликвидированы; водка из отдельных лавок была розлита. Был поставлен жесткий рабочий контроль над дорогами, чтобы ни одна бутылка водки не могла проникнуть на прииски (Подзаходников «Воспоминания», стр. 6).

«Все постановления и инструкции стачечного комитета передавались только через выборных. Староста и его помощник

не должны были покидать барак во время дежурства. Кто бы ни пришел в барак, ему должно было оказывать полное гостеприимство, посетившего напоить чаем, накормить, спросить, с какого он прииска, из какого номера барака, опросить имя и фамилию и немедленно передать выборному или же самому позвонить на тот прииск и справиться, есть ли такой-то в бараке, дома ли он. Если после проверки по телефону устанавливалось, что этот человек обманул, тогда предлагалось такого человека зазвать в сушилку, запереть его там и держать, пока не выяснится настоящее его лицо, местопребывание и служба, и только при установлении этого его освобождали.

«За распространение ложных слухов и хулиганство сами рабочие барака объявили бойкот» (Баташов, «Воспоминания», стр. 47—48).

Институт старост сыграл огромную роль в забастовке. Он воспитал тот рабочий актив, который впоследствии заменил арестованных членов стачечного комитета.

РУКОВОДСТВО СТАЧКОЙ

Стачкой руководил избранный рабочими стачечный комитет, возникший как «орган массовой непосредственной борьбы», как «орган стачечной борьбы». В состав его входили: председатель Баташов, товарищи председателя — первый Черепашин, второй Зеленко. Для ведения переговоров с приисковой администрацией были выделены: Баташов, Вязовой, Зеленко, Черепашин, Бондарь.

В своем подавляющем большинстве стачечный комитет состоял из квалифицированных рабочих, многие из которых имели большой опыт революционной борьбы, принимали активное участие в забастовочном движении и в революции 1905 г. Часть его членов имела политическую судимость. Многие из его участников не только прошли школу революционной борьбы, не только узнали «вкус» казацких нагаек, но и побывали в царских тюрьмах и в ссылке.

В момент забастовки на Ленских золотых приисках не было оформленной большевистской организации. Однако отдельные большевики и большевистски настроенные рабочие оказали на руководство забастовкой большое влияние.

Боевой революционный опыт был и у ленских рабочих. Еще задолго до забастовки

стовки здесь велась работа политическими ссыльными, в том числе и большевиками. Участники и организаторы забастовки указывают на то, что в Народном доме имелась библиотека, в которой находился целый ряд большевистских изданий. Пропагандистская работа с рабочими велась под флагом «драматического кружка», созданного Баташовым и другими в Народном доме.

Только беззаветным героизмом рабочих, только опытом революционной борьбы 1905 г. и революционными традициями большевизма, которые принесли с собой на Лену отдельные большевики и большевистски настроенные рабочие,—только их влиянием можно объяснить ту борьбу, которую провели ленские рабочие на протяжении четырех месяцев в условиях неслыханного террора и провокаций со стороны правительства и объединенного капитала, когда администрация выкидывала рабочих из их жалких жилищ, брала их измором, прекратив выдачу продовольствия и отопление казарм. Именно под руководством большевика рабочего Зеленко была начата забастовка на Андреевском прииске. Под его непосредственным воздействием было постановлено 29 февраля прекратить работы и поставить в известность о начале забастовки все прииски Витимско-олекминских горных округов. Влияние большевистской партии нашло свое выражение в героической борьбе большевистски настроенной части стачечного комитета и отдельных рабочих-большевиков за массы, за руководство стачкой, против ликвидаторской тактики срыва и предательства движения, которую проводили работавшие на приисках ссыльные меньшевики, имевшие своих сторонников также и внутри стачечного комитета.

Организованность движения тем более замечательна, что ссыльные Бодайбинского района, за исключением той небольшой группы, которая работала на приисках, не принимали активного участия в движении и не руководили им. Как показывали в своих воспоминаниях гг. Назаров, Подзаходников и др., большевистская группа в Бодайбо была сильно разгромлена еще до забастовки, меньшевистская же интеллигенция в Бодайбо омещанилась и разложилась, пристроившись к тепленьким местечкам, и никакой партийной работы не вела.

С самого начала забастовки мы наблюдаем со стороны оппортунистического

крыла стачечного комитета сознательную попытку срыва движения. Меньшевик Думпе, главарь этой группки (формально не входивший в комитет), с самого начала движения выступил как противник стачки. «Думпе,—рассказывает в своих воспоминаниях б. заместитель председателя стачечного комитета Черепяхин (Гриша),—все время хныкал и был против того, чтобы начать стачку, предлагая подождать, пока администрация не ознакомится с требованиями рабочих».

Не лучше была позиция ближайшего сотрудника Думпе—Розенберга. Вот что пишет о нем в своих воспоминаниях Баташов, рассказывая о разговоре с Розенбергом в первые дни стачки: «Воспользовавшись случаем, я обратился было к Розенбергу, но тот, предупредив меня, заявил: «Хорошо бы горняки пришли с дубинами нас снимать. Если мы сами объявим забастовку, нас арестуют».—«Ах ты, политическая ошибка!» — с досадой сказал я и пошел прочь. Надо было действовать».

Всю забастовку, по словам Баташова, «Розенберг просидел в своей комнате». Это же целиком подтверждает т. Черепяхин.

С самого начала очень неохотно пойдя на стачку, оппортунистическое крыло стачечного комитета стремится придать ей мирный и чисто экономический характер, всемерно добиваясь срыва стачки. Во время стачки Думпе и его сторонники, по словам Черепяхина, с пеной у рта доказывали необходимость скорейшего прекращения забастовки.

Оппортунистическое крыло стачечного комитета отчетливо выявило свое лицо во время совещания у главного инженера Тульчинского и во время происшедшего после него заседания стачечного комитета на Новоалександровском прииске, когда стачечный комитет раскололся на две части, после того как его оппортунистическое крыло открыто выступило с планом срыва забастовки.

Эта предательская политика встретила надлежащий отпор революционной части стачечного комитета в лице большевиков и большевистски настроенных рабочих.

Как пишет сам Думпе, 13 выборных, которые были против выхода на работу, «открыто заявили, что они не подчиняются большинству. Они ставили вопрос ребром: или исполнять требования сейчас же, или продолжать бастовать».

Стачечный комитет Ленских золотых приисков во время заседания

Напрасно Тульчинский и некоторые выборные выбивались из сил, чтобы уговорить рабочих выйти на работу. «Прошу доложить господину министру,—телеграфировал Тульчинский 30 марта горному департаменту,—что последние четыре дня все мои напряженные усилия были направлены убедить рабочих стать на работу».

Революционная часть комитета повела решительную борьбу против срыва забастовки, апеллируя к массам, проводя буквально героическую работу в массах, поддерживая их энергию и революционный энтузиазм, разоблачая ликвидаторские планы и призывая рабочих бастовать до конца.

Обе стороны провели энергичную агитацию в массах, выставив своих ораторов. Особенно ожесточенная борьба развернулась на Новоалександровском прииске, где выступал Думпе, который встретил энергичный отпор со стороны представителей революционного крыла стачечного комитета.

В этот период большевики и большевистски настроенные члены стачечного комитета проводят большую работу среди старост, агитируя за продолжение забастовки и проводя с ними «практические занятия» в пользу забастовки.

Наиболее ожесточенный характер носила борьба на Федосеевском стане, где было сосредоточено большинство рабочих. Здесь борющимися сторонами были выставлены две бочки из-под сахара — на одной была вывешена надпись: «выхожу на работу», на другой: «не иду на работу». Голосование происходило путем бросания камней. Сразу же к бочке с надписью «не

иду на работу» выстроилась целая очередь, и она была быстро заполнена. В другую же бочку было положено всего десятка полтора камней. Это свидетельствовало о том, что основная масса рабочих шла за революционной частью комитета.

Тульчинский, соловьиные речи которого на массы не действовали, 2 апреля телеграфирует губернатору Бантышу о наличии «внутреннего разлада» среди бастующих, предлагая арестовать ораторов, «оказывающих вредное влияние» на рабочих, и выслать на прииски сотню казаков. Однако на данной стадии борьба закончилась тем, что на четвертый день пасхи начало работать лишь незначительное меньшинство квалифицированных рабочих в мастерских. Шахтеры на работу не пошли.

То, что Ленские прииски были удалены на многие тысячи километров от крупных пролетарских центров движения, то, что на Лене не было оформленной большевистской партийной организации, а были лишь отдельные члены партии и большевистски настроенные рабочие, несомненно явилось одной из причин слабости и ошибок в работе стачечного комитета. Однако совершенно неправильно изображать стачечный комитет в целом как меньшевистско-хвостистский и отдавать его ликвидаторам, как это делает Думпе. Его точку зрения с теми или иными поправками воспринял ряд исследователей, изображающих стачечный комитет как орган, сознательно проводивший меньшевистско-ликвидаторскую политику, как «хвостистский генштаб забастовки» (Григорьев и Шапирштейн-Лерс, стр. 98, 124, см. также ст. т. Жукова в «Пролетарской революции» № 4, 1929 г.). Историки, которые недоста-

точно критически отнеслись к воспоминаниям Думпе, явно переоценили роль и влияние на движение оппортунистического ядра стачечного комитета. В действительности члены этого ядра не играли не только руководящей, но даже сколько-нибудь значительной роли в движении. Сам Думпе под видом «осторожности», как он сам признает, стоял в стороне от стачечного руководства забастовкой. Свою «руководящую» роль Думпе сводит к работе в мифическом «тайном совете», существование которого не подтвердили не только руководители стачечного комитета (последние могли и не знать о существовании тайного совета), но даже Черепяхин, имя которого как члена тайного совета фигурирует в воспоминаниях Думпе.

Некоторые товарищи, отрицая революционную роль стачечного комитета, приравнивают ее к предательской роли генсовета во время стачки английских горняков. Они совершенно забывают о том, что в то время как генсовет выступал в роли приказчика финансового капитала, в качестве прямого агента империалистической буржуазии в рабочей среде, в качестве прямого предателя интересов пролетариата, ленский стачечный комитет, несмотря на свои ошибки, провел героическую борьбу с «Лензолотом».

К участникам стачечного комитета целиком применима та характеристика, которую дал Ленин беспартийным представителям в советах 1905 г.

«Эти последние (беспартийные рабочие.—*Бригада*), — писал Ленин, — являются однако не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением»¹.

Подчеркивая всю важность революционных организаций, созданных самими массами, Ленин вместе с тем указывал на необходимость для пролетарской партии не растворяться в этих беспартийно-революционных организациях, а отстаивать внутри них «безусловно самостоятельную социалистическую точку зрения» и создавать «при малейшей к тому возможности самостоятельные партийные организации»².

Ошибкой большевиков, входящих в ленский стачечный комитет, было забвение этого основного условия, только соблюдая которое, можно работать в беспартийных организациях.

Растворение большевиков в стачечном комитете было одной из главных причин его ошибок и колебаний. Отсутствие четкого партийного руководства обусловило те ошибочные шаги, которые допустил стачечный комитет, как например посылка им телеграмм в биржевой комитет, буржуазным депутатам Гос. думы и лидерам кадетской партии.

Грубейшей ошибкой стачечного комитета были известные переговоры его представителей 24 марта с инженером Тульчинским, когда стачечный комитет, оголив прииски, слушал 8 часов подряд Тульчинского. Когда, не договорившись, депутаты разъехались по местам, среди рабочих администрацией был уже пущен слух, будто комитет дал обещание Тульчинскому прекратить забастовку. Эта ошибка была использована администрацией для того, чтобы нанести удар движению, натравив рабочих на выборных и подорвав в них, правда временно, доверие к стачечному комитету.

Однако уже в процессе борьбы ленские рабочие изживали свои ошибки. Рабочие с исключительным героизмом держались во время стачки. Правительство и администрация приисков принимали все меры к срыву забастовки, как путем репрессий, выселения рабочих из квартир, лишения пайков и пр., так и при помощи главноуправляющего инженера Тульчинского, распространения провокационных слухов (например о подкупе выборных), натравливания рабочих на стачечный комитет и т. п.

РАССТРЕЛ

Правительство решило подавить движение расстрелом.

Вскоре после начала забастовки по непосредственному распоряжению из Петербурга, помимо даже местного губернатора, на прииски была послана рота солдат и жандармский ротмистр—испытанный провокатор Трещенков, который, по его собственным словам, был участником расстрела 9 января 1905 г., а также имел уже «стаж» в разгроме стачек и вообще в провокации. Министерство внутренних дел считало необходимым применить вооруженную силу.

¹ Ленин, т. VII, ч. 1-я, стр. 40.

² Там же, стр. 333.

Оно предлагало в этом смысле «дать ротмистру Трещенкову определенные директивы для локализации забастовки». Согласно этим директивам, в ночь на 4 апреля явно с провокационными целями были произведены аресты выборных. Когда 4 апреля толпа направилась к управлению для подачи ходатайства об освобождении арестованных, по ним открыли стрельбу. Вот как описывали этот расстрел рабочие в своем заявлении на имя производившего ревизию сенатора Манухина.

«Лишь только рабочие достигли дороги на Надеждинский прииск, к ним подбежал г. Тульчинский, со стражником со словами: «Остановитесь! Куда идете?» Рабочие остановились; один из рабочих вынул из кармана общее заявление. Когда остановились около г. Тульчинского, то некоторые стояли, а некоторые стали закуривать. Задние лезли на табора лесов и тоже, уместившись и повытаскав кисеты, стали закуривать. Один рабочий влез на табор и только хотел передать слова г. Тульчинского задним, которые не слышали его, в это время раздался залп, заглушая все. Толпа в это время упала на землю. Солдаты продолжали стрелять по лежащим, некоторые поднимались и, согнувшись, перебежали назад, солдаты, пользуясь этим, стреляли подвигающимся. Чтобы избежать больших жертв, раздались крики: «Не бегите, лежите смирно». Солдаты, расстреляв первые обоймы и заложив вторые, продолжали стрелять»¹.

Всего было убито 270 и ранено 250 человек. Расстрел производился не только с ведома, но и при прямом участии администрации. Как показывали рабочие, во время стрельбы за цепью солдат стояли ротмистр Трещенков, мировой судья Хитун и товарищ прокурора Преображенский. Трещенков был богато награжден за расстрел. Были вознаграждены и солдаты.

Царское правительство послало на прииски с «ревизией» сенатора Манухина.

Меньшевики и эсеры и после расстрела продолжают свою тактику срыва и дезорганизации движения. Во время приезда сенатора Манухина, главным тактическим шагом которого, по его собственным словам, было «убеждение рабочих стать на работу хотя бы временно», часть выборных под влиянием оппортунистической части руководства (к этому моменту ряд боль-

шевиков был арестован) подала заявление Манухину о согласии временно стать на работу впредь до рассмотрения ревизией спорных вопросов.

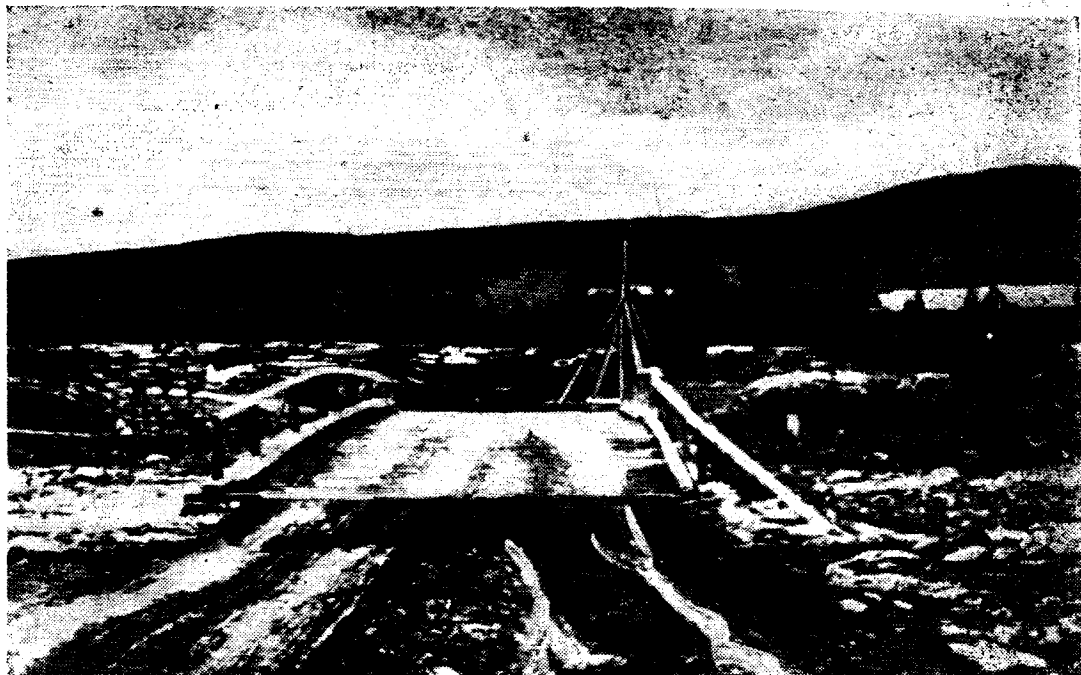
Во время приезда адвокатской комиссии штрейкбрехерскую деятельность развил Керенский, который выступил уже в этот период в роли «главноуговаривающего». По словам рабочих-федосийцев, он три дня бился на собраниях, чтобы убедить рабочих выйти на работу.

Вместе с Керенским с аналогичными речами выступал член стачечного комитета эсер Петухов, убеждая рабочих прекратить стачку, мотивируя это тем, что «тогда легче будет, основываясь на нарушении контракта, требовать оплаты с 29 февраля по 10 апреля». Эту же точку зрения Петухов отстаивал в стачечном комитете. Встретив решительный отпор со стороны его революционной части, Керенский и Петухов выступали с агитацией за прекращение забастовки на Федосеевском стане. Здесь против Петухова выступил большевик Черепашин, указавший рабочим, что Петухов выступает от имени меньшинства стачечного комитета.

Однако ни расстрел, ни уговоры эсеров и меньшевиков не сломили сопротивления рабочих. Ленские рабочие, начавшие забастовку с требований о хлебе без примеси, о доброкачественном мясе, о картошке и капусте, в количестве 4.000 человек покинули прииски, демонстрируя этим свой протест против зверств самодержавия.

Ленский расстрел со всей наглядностью показал рабочим самую тесную связь между экономической и политической борьбой против царского самодержавия. Ленские рабочие, начавшие забастовку с надежд на начальство, с посылки телеграмм в совет министров, в конце забастовки не пожелали подписать патристическое «обращение-благодарность» от имени рабочих сенатору Манухину, услужливо состряпанное чиновником Майша. На своем общем собрании рабочие отвергли это обращение 1.822 голосами при 7 воздержавшихся. Вместо этой «благодарности» рабочие в особом заявлении Манухину разоблачили сущность правительственных «благодетельств», показав, что и после царской ревизии «Белозеровский режим не изменился и в присутствии начальства (ревизии), виновность ленцев (правления) не установлена и на них не

¹ Ленские события 1912 г. Центрархив, стр. 72.

Место расстрела ленских рабочих

наложена обязанность уплатить штраф за все наши мучения; не восстановлена правда и не привлечены виновные 4 апреля, а наши выборные невинно сидят в тюрьме». * Начав с чисто экономических требований, ленские рабочие закончили политической демонстрацией, отказавшись от подписания нового договора, выработанного манухинской комиссией и делавшего лишь отдельные незначительные уступки рабочим.

Действия Треценкова и местной администрации были целиком одобрены правительством. Министр внутренних дел Макаров, дававший объяснения в заседании Гос. думы по запросу о ленском расстреле, под возмущенные крики с.-д. депутатов («кровопийцы!») и под рукоплескания правых произнес свою знаменитую фразу: «Так было и так будет впредь» (Стенографический отчет Гос. думы 3-го созыва, сессия 4-я, заседание 102-е, 11 апреля 1912 г.).

Ленский расстрел явился тем могучим прожектором, тем огромным кровавым заревом, которое осветило всю сущность «обновленного» столыпинского режима, всю сущность третьиюньской монархии в целом. Ленский расстрел наглядно показал, что «действительная власть в России принадлежит Треценковым, и они властвуют над народом штыком и пулей».

Расстрел безоружных рабочих; заявление министра внутренних дел Макарова — «так было и так будет впредь»; позиция в Думе крайних правых помещичьих «зубров», аплодировавших Макарову; позиция

буржуазного октябрьско-кадетского центра, возлагавшего всю ответственность за расстрел на «местных агентов власти», «неправильно применявших оружие», обвинявшего героический пролетариат Лены в том, что он явился «пособником провокации правительства»; ревизия сенатора Манухина, давшая ленским рабочим новый договор найма, фактически оставлявший без изменения прежнее положение; наконец отношение к революционному подьему различных политических партий, полное разоблачение в условиях революционного подьема ликвидаторов, — таков был предметный урок, полученный рабочими от ленского расстрела.

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ПОСЛЕ ЛЕНСКОГО РАССТРЕЛА

Сведения о ленском расстреле были получены в Петербурге 7 апреля. 8 апреля большевистская газета «Звезда» вышла в траурной рамке.

«Когда говорят, — читаем мы в статье «Жертвы больших барышей», — что капитал пьет кровь рабочих, то противники рабочих считают это измышлениями, преувеличениями и т. д. Но в этом кровавом событии это становится до боли, до ужаса ощутительным и понятным. Когда началась забастовка на Ленских приисках, акции Ленского общества стали падать и понизились до 3.425 руб., после же расстрела сразу поднялись до 3.540 руб. Пролитая там, в далекой Сибири, кровь рабочих перелилась сюда, в карманы ловких спекулянтов, звонким золотом» («Из

эпохи «Звезды» и «Правды», 1911 — 1914 г., стр. 32).

В газету «Звезда» и в социал-демократическую фракцию начали массами поступать протесты рабочих против зверского расстрела. В ответ на расстрел начались массовые стачки. Первыми забастовали 9 апреля николаевские заводы и верфи. Почти одновременно (9—12 апреля) началось забастовочное движение в Киеве. Забастовочное движение быстро охватывает весь юг: 10 апреля—Харьковскую губернию, 11—12-го—Херсонскую, 11—14-го — Екатеринославскую и вслед за ними другие губернии юга России. В Петербурге стачка началась 14 апреля и, с большой силой охватывая предприятие за предприятием, продолжалась до 19 апреля. Стачным движением был охвачен и Прибалтийский край (стачки 12—14 апреля), Московский район и другие промышленные центры. В 20-х числах апреля стачки временно прекратились, чтобы с новой силой вспыхнуть 1 мая. Первомайская стачка 1912 г. по существу была первой крупной майской стачкой после целого ряда лет реакции; инициатива движения принадлежала Петербургу. По подсчетам «Социал-демократа», в апрельских стачках, послуживших непосредственным ответом царской шайке на ленскую бойню, участвовало не меньше 300 тыс. рабочих. В забастовке 1 мая участвовало до 500 тыс. рабочих и работниц.

«Вопреки мнению либералов, а также ликвидаторов, движение в апреле—мае 1912 г. отнюдь не было случайной вспышкой, «неизвестно откуда налетевшим шквалом». Оно было началом нового революционного подъема. Не было буквально ни одного самого заброшенного уголка России, где бы пролетариат не выступал с протестом против ленской бойни.

«Факт массовых перекидывающихся из района в район забастовок, громадный рост их, быстрота распространения, смелость рабочих, учащение митингов и революционных речей, сочетание политической и экономической стачки, — все это с очевидностью указывает на истинный характер движения, состоящий в революционном подъеме масс» (Ленин, т. XV, стр. 535).

«Этот революционный подъем неизбежно перерастал в восстание, бросая сотни тысяч и миллионы искр во все стороны,—а кругом горячий материал самого край-

него озлобления, неслыханных мучений, холода, беспросветного произвола, бесстыдного и циничного надругательства над «нищим», над «мужиком», над «нижним чином» (там же, стр. 538).

Рабочие в своих резолюциях выставляют основные большевистские лозунги этого периода, выдвинутые Пражской конференцией и большевистской печатью: «свержение самодержавия и демократическая республика, конфискация всех помещичьих земель и восьмичасовой рабочий день».

«Мы стремимся, — писал Ленин еще в 1905 г., — не к одному только демократическому перевороту. Мы боремся за социализм, т. е. за полное освобождение трудящихся от всякого, не только политического, но и экономического угнетения. Мы объединяем в своей партии всех тех, кто признает эту великую цель и ни на минуту не забывает о подготовке к ее достижению. Но мы, социалисты, и менно ради достижения нашей социалистической цели (подчеркнуто нами.—*Бригада*) стремимся к самому решительному проведению демократической революции, к завоеванию полной победы ради успешной борьбы за социализм».

Только и исключительно в свете этой основной установки Ленина на завершение демократической революции и немедленное ее перерастание в социалистическую можно понять содержание большевистских лозунгов и большевистской агитации за «три кита» в годы под'ема.

Указывая на необходимость «постановки и расширения систематической политической агитации и всесторонней поддержки начинающегося движения масс и расширения его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии», Пражская конференция подчеркивала, что осуществление этих демократических лозунгов отнюдь не является нашей конечной целью, что «на очереди, как и раньше, стоит прежде всего (подчеркнуто нами.—*Бригада*) длительная работа социального воспитания, организации и сплочения передовых масс пролетариата».

Лозунг «Да здравствует социализм» фигурирует в огромном большинстве рабочих резолюций этой эпохи. Вслед за большевистской печатью резолюции рабочих подчеркивают, что «виновниками расстрела являются не только отдельные представители администрации и капитала,

Жертвы ленского расстрела

но весь третьейюньюнский режим, вся третьейюньюнская Дума в целом». Апрельско-майское движение носит характер протеста против всего третьейюньюнского режима и борьбы за новую революцию. Этот революционный характер движения, который всячески старались затушевать ликвидаторы-меньшевики и Троцкий, был результатом фруководящего, организующего влияния большевистской партии и большевистской печати.

Все движение шло под непосредственным руководством большевистской партии и большевистской печати—«Звезды» и «Правды», которая была создана в дни после ленского под'ема. Успех большевистской партии в массах был результатом борьбы за четкую большевистскую линию, результатом ожесточенной борьбы против ликвидаторства всех мастей, против правого ликвидаторства, против смыкавшегося с ним центриз-

ма Троцкого, против ликвидаторства «слева» в лице «впередовцев», результатом борьбы против оппортунизма и центризма на международной арене, борьбы против меньшевистских ошибок левых во II интернационале (Роза Люксембург и др.). Непосредственно в самом начале под'ема партия добилась подлинно большевистского единства на Пражской конференции (январь 1912 г.), которая организационно оформила исключение из партии ликвидаторов и создала подлинно большевистские учреждения партии. На Пражской конференции в Центральный комитет партии был избран т. Сталин, который в течение 20 лет состоит бессменно в составе Центрального комитета.

Партия возглавила революционную борьбу пролетариата, развернувшуюся после ленского расстрела, прошедшую через ряд этапов, обеспечивших победу пролетарской диктатуры и социализма в СССР.

В «Социал-Демократе», который редактировал Швейцер, в 1865 г. Энгельс напечатал стихотворение, публикуемое здесь в русском переводе. 27 января 1865 г. Энгельс писал Марксу: «Я отправляю этой публике (т.е. в редакцию «Социал-Демократа») небольшую датскую народную песню о Тидманне, которого убивает старик на тинге ¹ за то, что тот облагает новыми налогами крестьян. Это революционно, и все-таки против этого нельзя возбудить судебного преследования, главным же образом это направлено против феодального дворянства, против которого газета должна выступить безусловно. Я делаю к этому несколько соответственных замечаний». Стихотворение Энгельс сам перевел с датского на немецкий язык.

Сотрудничество Маркса и Энгельса в «Социал-Демократе» вскоре прекратилось из-за того, что преемник Лассаля Швейцер продолжал вести лассальянскую политику соглашения с Бисмарком. О том, что политика Маркса и Энгельса основана на классовой борьбе пролетариата, а не на соглашательстве, своевременно помнить всегда, особенно же теперь, когда небывалый кризис с исключительной резкостью обостряет все противоречия и ставит класс против класса, а империалистическая буржуазия стремится в войне против СССР — в кровавой бойне — спастись от неминуемой гибели.

Институт Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК ВКП(б).

¹ См. ниже примечание Энгельса

er
mä
er
er
tes
Da
hil
hat
all
ja
ter
gen
nen
An
ty-
er
so
ben
uf-
en,
si-
ke-
er-
ho-
sch
das
er-
er-
es-
ell.
daje
dab
ud»

Sie müssen nun selbst die Verantwortlichkeit dafür übernehmen, daß Sie, so bald nach dem Tode des Mannes, die Rolle des Todtenrichters mit demgemäß übernehmet.

Ihr ganz ergebener
Karl Marx.

Herr Tidmann.

Altäbnisches Volkslied.

Früh am Morgen, da ward es Tag,
Herr Tidmann streibet sich vor dem Belt,
Und er zog an sein Hemd so schön.

Das loben alle die Süderlent.

Er zog an sein Hemd so schön,
Sein schwarzer Rock war herrlich und grün,
Bodstlederne Stiefel schnürte er aus Wein.

Das loben alle die Süderlent.

Bodstlederne Stiefel schnürte er aus Wein
Bergelbete Sporen schnallte er drein,
So zog er hin zum Süderharder Thing.

Das loben alle die Süderlent.

So zog er hin zum Süderharder Thing,
Die Steuer verlangte er von jedem Edeling,
Sieben Scheffel Roggen von jedes Mannes Pflug.

Das loben alle die Süderlent.

Sieben Scheffel Roggen von jedes Mannes Pflug,
Das vierte Schwein aus dem Mastungswald —
Auf da stand der alte Mann.

Das loben alle die Süderlent.

Auf da stand der alte Mann:
Keiner von uns das geben kann
Und ehe die Steuer zahlen wir —
Das loben alle die Süderlent.

„Und ehe die Steuer zahlen wir,
Bleibt jeder Mann am Thing hier —
„Ihr Süderharder Bauern steht zusammen im Ring!“
Das loben alle die Süderlent.

„Ihr Süderharder Bauern steht zusammen im Ring
„Dere Tidmann darf lebend nicht kommen von
Thing!“

Den ersten Schlag der alte Mann schlug.
Das loben alle die Süderlent.

Den ersten Schlag der alte Mann schlug,
Herrn Tidmann nieder zu Boden er schlug,
Da liegt Herr Tidmann, von ihm rinnt das Blut.
Das loben alle die Süderlent.

Da liegt Herr Tidmann, von ihm rinnt das Blut,
Doch frei geht der Pflug im schwarzen Grund,
Frei gehn die Schweine im Mastungswald.
Das loben alle die Süderlent.

Dies Stück mittelalterlichen Bauernliedes spielt in der Süderharde (Harde ist Gerichtsbezirk) nördlich von Aarhaus in Jütland. Auf dem Thing, der Gerichtsversammlung des Bezirkes, wurden früher den gerichtlichen auch Steuer- und Verwaltungssachen erledigt, und wie mit dem Aufkommen des Abels dieser den Edelingen, d. h. den freien Bauern gegenübertrat, zeigt das Lied ebensowohl wie die Art und Weise, wie die Bauern der Abelsarranganz ein Ziel zu setzen wußten. In einem Lande wie Deutschland, wo die besitzende Klasse ebenso viel Feudaladel wie Bourgeoisie und das Proletariat ebensoviel oder mehr Ackerbau-Proletariat als industrielle Arbeiter enthält, wird das kräftige alte Bauernlied grade am Platze sein.

Friedrich Engels.

Барин Тидманн*

Ранним утром,—светлый день едва настал,—
Барин Тидманн одеваться в спальне стал
И красивую сорочку надевал.

Это нравится южанам.

Обтянувши вышитой сорочкой стан
И надев зеленый шелковый кафтан,
Он сафьянные штиблеты шнуровал.

Это нравится южанам.

И сафьянные штиблеты затянув,
Золоченые к ним шпоры пристегнув,
Он спесиво в Зюдергард пошел на тинг.

Это нравится южанам.

И на тинге он, не тратя лишних слов,
Новых требовал налогов с мужиков:
С плуга каждого семь шеффелей¹ зерна.

Это нравится южанам.

С плуга каждого семь шеффелей зерна,
С четырех свиней одну — да чтоб жирна.
Но старик один разгневался на то.

Это нравится южанам.

Но старик один разгневался на то:
«Столько дать не мог никто из нас, никто!
Прежде чем нам эту подать заплатить —

Это нравится южанам—

Прежде чем нам эту подать заплатить,
С тинга пусть никто не смеет уходить!
Зюдергардцы, соберитесь в тесный круг!

Это нравится южанам.

Зюдергардцы, собирайтесь все в кружок,
Чтоб отсюда Тидманн жив уйти не мог!»
И старик ему дал первый кулаком —

Это нравится южанам.

Тот старик ему дал первый кулаком.
Барин Тидманн — сразу наземь кувырком.
Вст лежит он, барин Тидманн, кровь вокруг.

Это нравится южанам.

Вот лежит он, барин Тидманн, кровь вокруг:
Но свободно в черноземе ходит плуг,
И свободно свиньи кормятся в лесу.

Это нравится южанам.

Этот эпизод средневековой крестьянской войны разыгрался в Зюдергарде («Гард» — судебный округ) к северу от Ааргауза в Ютландии. В «Тинге» — на окружном судебном собрании,—помимо судебных, разбирались также административные и податные дела. С возвышением дворянства оно выступило против «эделингов», т. е. свободных крестьян. Песня рассказывает, каким образом крестьяне сумели положить предел дворянским домогательствам. В стране, подобной Германии, где в имущем классе столько же феодального дворянства, сколько буржуазии, а в пролетариате столько же земледельческого пролетариата, сколько промышленных рабочих и даже больше,—старая бодрая крестьянская песня придется как раз к месту.

* Старолатская народная песня. Перевод Г. Шенгели.

¹ Шеффель — старинная мера, около полуцента.

К истории первых революционных выступлений рабочих завода им. Калинина

(бывш. Доброва и Набгольц, 1897 г.)

Промышленный подъем второй половины 90-х годов вызвал усиленный рост численности рабочего класса и его организованности. Эти годы являются началом массовой политической и экономической борьбы рабочего класса. Так, в промежуток 1895—1897 гг. число стачек, по отчетам фабричной инспекции, увеличивается вдвое. С ростом революционного движения изменяется и характер его. Если в 80-х годах и в первой половине 90-х годов борьба рабочих носила преимущественно оборонительно-стихийный характер, то во второй половине 90-х годов революционное движение рабочих становится на путь наступательной и более организованной борьбы. Организующая роль принадлежит социал-демократическим организациям, стоявшим во главе революционного движения этого периода, — «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге и «Рабочему союзу» в Москве.

Первая половина 1897 г. отмечена большим достижением московских рабочих: на крупных фабриках и заводах было отвоено сокращение рабочего дня. Борьба рабочих за сокращение рабочего дня происходила под руководством «Рабочего союза», который широко развернул свою деятельность. На всех более или менее крупных заводах и фабриках Москвы были организованы кружки — установлена связь с заводами: Бромлея, Вейхельта, Гужона, Густава-Листа, Доброва—Набгольц и др.

В начале января 1897 г. московский «Рабочий союз» руководит революционным выступлением рабочих завода Доброва и Набгольц. Это выступление нашло свое отражение в публикуемых ниже докумен-

тах, весьма ценных для истории первого этапа революционного пути этого завода.

Администрация завода под напором рабочих, а также напуганная тем стачечным движением, которое охватило в конце 1896 г. многие фабрики и заводы Москвы, обещала рабочим сократить рабочий день до 10 часов вместо обычных 11 часов, начиная с 1 января 1897 г. Но обещание не было выполнено. Тогда рабочие решили организовать забастовку, при чем выдвинули требование о сокращении рабочего дня до 9½ часов. 2 января объявление администрации о введении сокращенного рабочего дня лишь с 13 января рабочими было сорвано, а на стенах мастерских завода были вывешены воззвания самих рабочих и прокламация московского «Рабочего союза», призывавшие рабочих дружно отстаивать свои интересы.

Московское охранное отделение настойчиво следило за настроением рабочих завода. Утром 2 января пристав Пятницкой части сообщил в охранное отделение о необычайно возбужденном настроении рабочих и о появлении на заводе листовок «Рабочего союза». 3 января последовали массовые аресты рабочих завода — руководителей выступления.

Вслед за различными обещаниями, т. е. фактическим обманом рабочих, было сделано то, что скрывалось за этими обещаниями, — обезглавление революционного движения путем массовых арестов руководителей движения и высылки их под гласный надзор полиции в так называемые «избранные» места жительства.

Сохранившиеся подлинники воззваний рабочих написаны на небольших влочках

бумаги со следами столярного клея. Эти воззвания очень характерны и по содержанию и по своему стилю. Так, в «Предупреждении» рабочие, извещая администрацию о том, что они хотят подать заявление фабричному инспектору, иронически заявляют: «За твой образцовый порядок — рук не мыть, раньше приходить да поздней кончать, довольны мы тобою...» Документы показывают, как постепенно нарастало движение и какое значение имело руководство «Рабочего союза». Появляется определенно сформулированное требование рабочих: «Рабочий день чтобы не превышал 9½ ч., начало работ в 8 часов, обед с 12 до 1½ часа». Характерны упорство и настойчивость в достижении поставленных требований, которые чувствуются в по-

следнем воззвании рабочих: «Товарищи, не нужно оставлять свой вопрос без внимания, нужно требовать свое». Написанное на толстом картоне углем или разведенной сажей воззвание призывало требовать сокращения рабочего дня. «В случае отказа на работу не являться, а кто придет, тот — анафема проклятый...»

Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве революции и внешней политики в Москве (дело Московского охранного отделения № 53—1897 г. «О волнениях среди рабочих на заводе Доброва и Набогольц в 1897 г.»).

Бригада научных сотрудников
Архива революции и внешней политики.

1

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

Мы согласились просить тебя, хозяин, за твой образцовый порядок — рук не мыть, раньше приходить да поздней кончать — довольны мы тобою. Но хотим предупредить тебя. Мы хотим подать заявление Гос. Инспектору, чтобы дать время работать с 8 утра до 6 вечера и 2 часа на обед. Ожидаем Вашего постановления. Мы известные вам...

2

Товарищи

рабочие, просим всех цехов остановиться в обед у конторы и потребовать сбавки рабочего времени и двухнедельный расчет, так как на других заводах поставлено требовать рабочее время с половины восьмого до шести часов вечера, полтора часа обед.

Постараемся товарищи.

3

ТРЕБОВАНИЯ РАБОЧИХ.

Рабочий день чтобы не превышал 9½ часов.

Начало работы в 8 час., обед в 12 ч. до 1½, кончать в 7 час., под праздники в 6 час.

Дачку два раза в месяц, 10 и 25 числа.

Просим, чтобы постановление было с 7 января 97 г.

Предупреждение
Мы согласились просить
тебя, хозяин, за твой
образцовый порядок —
рук не мыть, раньше
приходить да поздней
кончать — довольны мы
тобою. Но хотим
предупредить тебя. Мы
хотим подать заявление
Гос. Инспектору, чтобы
дать время работать с
8 утра до 6 вечера и
2 часа на обед. Ожидаем
Вашего постановления.
Мы известные вам...

Новармиши
 Рабочие просим ль
 всяка цыловь остано-
 витьца въ обьудь и конторя
 и не потребовать сбавки
 рабочего врьмя и
 двунь неделными разсета
 Так какъ на дружи
 заводахъ поставлено
 требовать рабоче время
 въ половина девяти до
 шести, часовъ вечера
 полтора часа обьудь и
 постараемса товарищ

Требования рабочихъ
 рабочий день это-бы неперо-
 вышай 9 1/2 час.
 получка работъ въ в часъ до двъ
 разъ въ до 1/2 конторя въ
 праздники и предъиди въ вг.
 начинать въ 8 часа въ слухъ
 въ 1/2 часа
 и кто придетъ это-бы неостъ оно
 а нафема проклятыи

4

Товарищи.

Не нужно оставлять свой вопрос без внимания, нужно требовать свое, мы дали им вопрос, чтобы день был у нас 9 1/2 час. и получка была бы 2 раза в месяц 5 и 20 и под праздники часом ранее. Они нам заявляют, но это бесполезно, а нам, чтобы начинать в 8 час. на обеды 1 1/2 ч. нужно до обеда узнать настоящий ответ в конторе и в случае отказа на работу после обеда не являться, а кто придет, тот анафема проклятый.

ТОВАРИЩИ
 НЕ НУЖНО ОСТАВЛЯТЬ СВОЙ
 ВОПРОС БЕЗЪ ВНИМАНІЯ
 НУЖНО ТРЕБОВАТЬ СВОЕ
 МЫ ДАЛИ ИМЪ ВОПРОСЪ
 ЧТО БЫ ДЕНЬ БЫЛЪ У НАСЪ 9 1/2 час
 И ПОЛУЧКА БЫЛА БЫ 2 РАЗА
 ВЪ МЕСЯЦЪ 5 И 20 И ПОДЪ
 ПРАЗДНИКИ ЧАСОМ РАНЬЕ
 ОНИ НАМ ЗАВЯЖУТЪ НО ЭТО
 БЕЗПОЛЕЗНО НАМЪ ЧТО БЫ
 НАЧИНАТЬ ВЪ 8 Ч. НА ОБЕДА
 1 1/2 Ч. НУЖНО ДО ОБЕДА
 УЗНАТЬ НАСТОЯЩІЙ ОТВЕ
 ТЪ КОНТОРЫ И ВЪ СЛУЧАЕ
 ОТКАЗА НА РАБОТУ
 ПОСЛЕ ОБЕДА НЕ
 ЯВЛЯТЬСЯ
 А КТО ПРИДЕТЪ ТОТЪ
 АНАФЕМА ПРОКЛЯТЫИ

5

ПРОКЛАМАЦІЯ МОСКОВСКОГО «РА-
 БОЧЕГО СОЮЗА» К РАБОЧИМ ЗАВО-
 ДА ДОБРОВА И НАБГОЛЬЦЕ

Товарищи.

Вы помните, что по всем московским за-
 водам сокращают рабочий день. С 1 янва-
 ря сократили день у Старого Бромлея и
 Футельзанга; не сегодня — завтра его со-
 кратят и у Листа. Того же самого рабочие
 добились и у Дангауэра, Гагенталя и Гу-
 жона. Только у нас продолжают еще рабо-
 тать 11 часов. Правда, перед праздниками
 хозяин, испуганный Бромлеевской стач-
 кой, обещал нам сократить день с Нового
 Года, но вы сами знаете, как можно пола-
 гаться на хозяйские слова. Теперь уже он
 откладывает свое обещание до 13-го чи-
 сла. Кроме того хочет, чтобы мы работали

либо с 7-ми и до 7-ми и 2 часа на обед, либо с половины 8-го и до 7-ми и на обед полтора часа; между тем есть много заводов, например в Петербурге, которые работают только 9 часов, и хозяева их не терпят от этого никакого убытка. Того же начали добиваться рабочие и на московских заводах. Давайте и мы требовать: 1) чтобы работа продолжалась с 7-ми и до 6-ти, причем давалось бы полчаса на завтрак и полтора на обед, 2) чтобы срок найма был, как на других заводах, неопределенный и деньги выдавались два раза в месяц. Если мы потребуем этого дружно, хозяин уступит нам; только начались промеж нас перед рождеством разговоры, и он сейчас же пошел на уступки. Поэтому встанем и все как один человек будем добиваться 9-ти часового рабочего дня. Будем стоять, братья, все за одного и один за всех. В дружных действиях наша победа.

3 января 1897 года.

Рабочий союз.

РАПОРТ И. Д. МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА ПОЛК. Д. Ф. ТРЕПОВА МОСКОВСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ В. К. СЕРГЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ОТ 9 ЯНВАРЯ 1897 Г. № 67.

Секретно.

Главный директор и представитель чугунолитейного завода «Добров и Набогольц» Сергей Алексеев Добров перед рождеством обещал рабочим этого завода, которых до 1.500, сократить с 1-го января текущего года рабочий день до 10 часов, вместо обычных 11, но после Нового года он заявил рабочим, что сокращенный рабочий день будет введен после 13-го числа этого месяца. Рабочие усмотрели в этом умышленное нарушение обещания и решили предъявить свое требование, чтобы работа продолжалась не более 9 — 9½ часов в день.

2-го января, после завтрака, рабочие, не останавливая машин, начали стоваривать-

ся о необходимости потребовать у Доброва 9½ часовой рабочий день, но на это им было заявлено, что «сам Добров болен и не в состоянии теперь удовлетворить их требование». Тогда рабочие категорически заявили, что если сегодня не будет установлено сокращение рабочего дня, то они устроят забастовку. Вследствие этого администрацией завода было вывешено объявление, что рабочий день будет продолжаться только 10 часов, от 7 до 12 и с 2 до 7, при чем изменение это будет введено после 13-го числа, — к каковому времени должен быть окончен месячный расчет. Прочитав это объявление, рабочие сначала исправили в нем карандашом часы, пометив: «с 8 до 12 и с 2 до 6», а потом и совсем сорвали его.

К 6-ти часам утра 3-го января вместо хозяйского объявления рабочие вывесили на дворе и в ретирадном месте прокламации с требованием сократить рабочий день до 9½ часов, а заработную плату производить два раза в месяц и накануне праздников работу оканчивать часом ранее.

Агитаторы рассчитывали совсем остановить завод, но, ввиду ареста в этот день некоторых из них, подстрекателям не удалось привести в исполнение намерения устроить забастовку всех рабочих.

В качестве организаторов-подстрекателей и агитаторов стачки арестованы 3-го числа: 1) крестьянин Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, Илевской волости, села Илевского — рабочий завода Михаил Петров Моргунов, подстрекавший рабочих к забастовке, читавший им отпечатанные произведения и сам составивший прокламацию, оканчивающуюся словами: «а кто придет на работу, тот будет анафема проклятый»; 2) крестьянин Подольского уезда, Домодедовской волости, деревни Прыткова, Александр Иванов Воронцов, 18 лет, деятельно агитировал за забастовку и распространение прокламаций, убеждая рабочих в необходимости боевой кассы; 3) крестьянин Коломенского уезда, Мещеринской волости, деревни Боб-

новой, Григорий Сергеев Малахов, имевший влияние на Воронцова, за последнее время замечен в распространении среди рабочих разных фабрик и заводов нелегальной литературы и 4) крестьянин Тульской губернии, Богородицкого уезда, Непрядьинской волости села Новгородского, Дмитрий Данилов Хламеев, известен по рабочему кружку «Рабочий Союз», а в последнее время замечен в агитации совместно с Моргуновым.

Независимо сего, 5-го января арестованы по тому же поводу: 5) мещанин города Звенигорода Николай Егоров Кириллов, у которого по обыску отобрана гектографированная брошюра: «Социальный вопрос и огосударствление земли»; он же подбивал наиболее деятельных рабочих выпустить прокламацию и вообще неоднократно был замечен в подстрекательстве товарищей к забастовкам; 6) московский цеховой кушачного цеха Василий Ефимов, по заявлению Воронцова, наклеивавший прокламации на заводе 3-го января, неоднократно приносил на завод революционные издания и распространял их среди рабо-

чих и 7) мещанин города Богородска Михаил Петров Еремеев, устраивал конспиративные квартиры для свидания интеллигентов с рабочими и вообще давно известен своей политической неблагонадежностью.

Донося об изложенном, имею честь почтительнейше ходатайствовать пред вашим императорским высочеством об удалении всех вышеупомянутых рабочих из здешней столицы, с воспрещением им, на основании п. г. ст. 16 Положения об усиленной охране, жительства в Москве и Московской губернии: Малахову, Еремееву, Хламееву и Кириллову в течение 3-х лет, а Ефимову, Воронцову и Моргунову в течение двух лет.

К сему считаю долгом присовокупить, что Малахов состоит под особым надзором полиции, как лицо привлеченное в качестве обвиняемого к производившемуся при охранном отделении формальному дознанию по делу о «Московском рабочем союзе».

Исправляющий должность обер-полицейстера полковник ТРЕПОВ

I. ДИМЕШИНСКИЙ

Мемуары старых большевиков для молодежи*

Фейкс Кон, «На поселении в Якутской области». Огиз — «Молодая гвардия», 1930 г., стр. 127. М. Ольминский, «В тюрьме». Огиз — «Молодая гвардия», 1930 г., стр. 175. В. Залезский, «Молодежь в подполье». Огиз — «Молодая гвардия», 1930 г., стр. 71.

Перечисленная серия брошюр, изданных «Молодой гвардией» под редакцией А. И. Елизаровой и Ф. Кона, преследует цель ввести молодого читателя такого рода мемуарной литературы в круг вопросов, событий и переживаний, тесно связанных с работой, борьбой и скитаниями по тюрьмам и ссылкам старых большевиков в давно прошедшие времена их революционной деятельности при царском строе.

Воспоминания т. Ф. Кона, одного из старейших ветеранов революции, уносят мысль читателя к картинам ссыльно-каторжной жизни русских революционеров в гиблых местах Сибири четыре десятка лет назад. «Много лет с тех пор прошло, много протекло не только воды, но и крови» — говорит автор воспоминаний. И действительно, если иметь в виду только тот театр кровавых событий, который расположен около Полярного круга, в пустынях дикой сибирской тайги, у свидетеля происходивших там драм есть о чем порассказать. Перед читателем кратких и сжатых воспоминаний т. Ф. Кона мелькают, как на кинематографическом экране, кровавые тени, воскрешаемые словами: «Карийская трагедия», «Якутский протест», «Убийство Петра Алексеева» и т. д. и т. п.

Но самое страшное, как нам кажется, заключается даже не в этих эпизодах с убий-

ствами, расстрелами и издевательствами царских палачей над пленными борцами за дело революции, а в тех опустошениях, которые производили свирепая каторга и ссылка в мыслях и чувствах жертв царской юстиции и царской полиции. На страницах воспоминаний т. Кона то и дело попадаются нравственно разложившиеся типы бывших революционеров, идейно выдохшиеся, спившиеся... Даже такой светоч революционного народничества, как Войнаральский, в ссылке стал просто обывателем, занялся торговлей (правда, под каким-то благовидным предлогом) и обратил свою ферму в уголок для выпивок («быть может,—поясняет автор,—с целью хоть этим путем разогнать тоску»).

Констатируя факт духовного обнищания ссыльных того времени, их погрязание в болоте обывательщины, т. Кон, к сожалению, не поясняет своим нынешним молодым читателям, в какой мере эта упадочность духа объясняется не только (а может быть даже иногда не столько) тяжелыми условиями жизни в ссылке, но и разочарованиями революционеров того времени в общем ходе и характере революционной борьбы, которую взвалила на свои плечи народническая интеллигенция, не смогшая или не сумевшая связать судьбу этой борьбы с действительным или возможным движением широких масс, прежде всего промышленного пролетариата. Без такого освещения эпохи заката революционного народничества многое остается для

* Редакция намечает в следующих номерах ряд статей, посвященных разбору мемуарной литературы.

нынешней молодежи непонятным в той картине упадочных умонастроений среди осмысленных времен домарксистской полосы, которую с большим талантом живописует т. Кон.

Книга т. Ольминского «В тюрьме» является ценным художественным отображением переживаний революционера, упрятанного на долгие, долгие годы в одиночку тюрьмы, оторванного от родной революционной стихии и поставленного под знак мелочной, иссушающей душу борьбы с тюремными черберами. Пленник спасается от катастрофических состояний духа только тогда, когда его ум находит какой-нибудь счастливый выход для своей дремлющей интеллектуальной энергии, как например это случилось с самим автором мемуаров, увлекшимся в тюрьме большой работой по составлению словаря к сочинениям Щедрина.

Тов. В. Залезский, задавшись целью писать на тему «Молодежь в подполье», вспоминает свои юные годы, под-

готовлявшие его революционное зрелище и его дальнейший революционный путь. Революционное созревание будущего стального большевика происходило чрезвычайно быстро и даже быть может немножко подозрительно быстро. Так например шестнадцатилетний Залезский во время летних каникул (в 1897 г.) впервые услышал имя Маркса, «а о политической экономии хотя и слышал, но считал, что эта наука годится только для купцов и коммерсантов, учит тому, как лучше «обмеривать и обвешивать», а уж осенью этого года он, по прочтении книжки Бельтова, «окончательно примкнул к марксистам и со всей страстью новообращенного начал искать народников для дискуссий с ними». Но в общем и целом живой, жизне-радостный тон брошюры т. В. Залезского является ее несомненным плюсом.

В заключение необходимо отметить, что мемуарная литература старых большевиков издается «Молодой гвардией» недостаточно доброкачественно (внешнее оформление, бумага и т. п.).

А. ЛЕВИТСКИЙ, И. ТОКИН

Против искажений истории эпохи империализма

Фридлянд, «История Западной Европы». Том II, изд. 1928 г.

В связи с письмом т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» («О некоторых вопросах истории большевизма» всябил во II томе свои ошибки, отчетливо наша критика должна быть поднята на новую высоту. Критическому пересмотру необходимо подвергнуть и учебную литературу, на которой воспитываются наши новые кадры.

В этой заметке мы коснемся некоторых наиболее вопиющих искажений и ошибок, имеющих в распространенном учебнике т. Фридлянда.

Допустив огромное количество ошибок в I томе своей «Истории», в частности и в особенности смазав роль пролетариата в буржуазных революциях, неправильно осветив проблему демократии и либерализма, напад на Маркса и Энгельса за их будто бы неправильную тактику в революции 1848 г. (вопреки прямому указанию Ленина: «революция 1848 г. доказала, что

выявив свои чуждые ленинизму взгляды по основным вопросам истории XIX и XX веков.

Мы не будем здесь перечислять всех ошибок работы. Неленинские характеристики, совершенно ненаучное освещение отдельных фактов, грубейшие ошибки и просто странные формулировки встречаются в ней на каждом шагу.

Вскрыть политическую вредность трактовки автором некоторых из основных вопросов эпохи империализма — вот в чем наша задача.

Как надо освещать историю эпохи империализма? Работы Ленина и Сталина дают на это абсолютно точный ответ. Важнейшее тут — изучение обострения классовых противоречий, роста революцион-

нынешней молодежи непонятным в той картине упадочных умонастроений среди осмысленных времен домарксистской полосы, которую с большим талантом живописует т. Кон.

Книга т. Ольминского «В тюрьме» является ценным художественным отображением переживаний революционера, упрятанного на долгие, долгие годы в одиночку тюрьмы, оторванного от родной революционной стихии и поставленного под знак мелочной, иссушающей душу борьбы с тюремными черберами. Пленник спасается от катастрофических состояний духа только тогда, когда его ум находит какой-нибудь счастливый выход для своей дремлющей интеллектуальной энергии, как например это случилось с самим автором мемуаров, увлекшимся в тюрьме большой работой по составлению словаря к сочинениям Щедрина.

Тов. В. Залезский, задавшись целью писать на тему «Молодежь в подполье», вспоминает свои юные годы, под-

готовлявшие его революционное зрелище и его дальнейший революционный путь. Революционное созревание будущего стального большевика происходило чрезвычайно быстро и даже быть может немножко подозрительно быстро. Так например шестнадцатилетний Залезский во время летних каникул (в 1897 г.) впервые услышал имя Маркса, «а о политической экономии хотя и слышал, но считал, что эта наука годится только для кушеров и коммерсантов, учит тому, как лучше «обмеривать и обещивать», а уж осенью этого года он, по прочтении книжки Бельтова, «окончательно примкнул к марксистам и со всей страстью новообращенного начал искать народников для дискуссий с ними». Но в общем и целом живой, жизне-радостный тон брошюры т. В. Залезского является ее несомненным плюсом.

В заключение необходимо отметить, что мемуарная литература старых большевиков издается «Молодой гвардией» недостаточно доброкачественно (внешнее оформление, бумага и т. п.).

А. ЛЕВИТСКИЙ, И. ТОКИН

Против искажений истории эпохи империализма

Фридлянд, «История Западной Европы». Том II, изд. 1928 г.

В связи с письмом т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» («О некоторых вопросах истории большевизма» всябил во II томе свои ошибки, отчетливо наша критика должна быть поднята на новую высоту. Критическому пересмотру необходимо подвергнуть и учебную литературу, на которой воспитываются наши новые кадры.

В этой заметке мы коснемся некоторых наиболее вопиющих искажений и ошибок, имеющих в распространенном учебнике т. Фридлянда.

Допустив огромное количество ошибок в I томе своей «Истории», в частности и в особенности смазав роль пролетариата в буржуазных революциях, неправильно осветив проблему демократии и либерализма, напад на Маркса и Энгельса за их будто бы неправильную тактику в революции 1848 г. (вопреки прямому указанию Ленина: «революция 1848 г. доказала, что

выявив свои чуждые ленинизму взгляды по основным вопросам истории XIX и XX веков.

Мы не будем здесь перечислять всех ошибок работы. Неленинские характеристики, совершенно ненаучное освещение отдельных фактов, грубейшие ошибки и просто странные формулировки встречаются в ней на каждом шагу.

Вскрыть политическую вредность трактовки автором некоторых из основных вопросов эпохи империализма — вот в чем наша задача.

Как надо освещать историю эпохи империализма? Работы Ленина и Сталина дают на это абсолютно точный ответ. Важнейшее тут — изучение обострения классовых противоречий, роста революцион-

кой борьбы пролетариата и его союзников под руководством пролетариата против диктатуры монополистического затнивающего, умирающего капитализма.

Характеристика общих экономических и политических условий этой эпохи—первая задача. Как справился с ней автор?

Вместо того, чтобы в объяснении возникновения и развития империализма исходить из прямых указаний Ленина: «концентрации производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия» (т. XIX, стр. 107),—вместо этого автор говорит о концентрации после всех своих характеристик империализма, утверждая: «концентрация производства — таково то новое слово, которое сказала капиталистическая индустрия в конце XIX и в начале XX века» (Фридлянд, т. II, стр. 23). Концентрация капиталистического производства и централизация капиталов—явления, известные капиталистическому способу производства в всем протяжении эпохи промышленного и эпохи финансового капитала. Но усиление этих явлений и рост господства на их основе монополий в конце XIX в. было экономической основой империализма. Не понимая этого, автор характеризует империализм как «экономическую и политическую деятельность (подчеркнуто нами.—А. Л., И. Т.) имущих классов в определенном исторический период» (стр. 12), утверждая, что «решающая, основная черта империализма—есть колониальная политика как борьба европейских государств за перераспредел мира».

Гов. Фридлянд фактически сводит своим определением понятие империализма к политике («деятельность») буржуазии. Что это сведение империализма к политике не случайно, показывают объяснения автора того, почему «неприемлемы» для нас буржуазные теории империализма. «Неприемлемы» они, оказывается, потому, что они «совершенно не объясняют нам особенностей истории внешней и внутренней политики европейских государств конца XIX и начала XX века».

Отрицание ленинского анализа империализма приводит автора к утверждению, что эпоха империализма «резко отлична от предшествующей как в смысле типа

хозяйства, так и в смысле основ социально политического строя» (стр. 9).

Что империалистическая эпоха отлична от предшествующей, это верно, но совсем не верно, что она отлична по типу хозяйства. По типу хозяйство остается капиталистическим. Создается не новый тип хозяйства, а в силу развития происходит усиление до крайнего предела всех противоречий, и прежде всего — с выступлением в экономическом отношении в качестве решающего фактора монополии — противоречия, вытекающего из того, что монополии существуют наряду с конкуренцией. Вместо ленинского освещения эпохи империализма как эпохи затнивающего капитализма, когда обостряются до крайних пределов все противоречия капиталистического общества, автор рисует картину, приукрашивающую империализм. Именно приукрашиванием следует назвать такие утверждения, как то, что в эпоху империализма совершается «вторая промышленная революция» (стр. 14). Свой тезис о второй промышленной революции автор проводит во всех отделах книги (см. стр. 14, 51, 171 и др.). Известно, что под промышленной революцией надо понимать не только совокупность больших изменений в технике, но и революционный процесс создания нового типа общественных отношений. По автору, выставляющему утверждение о новой промышленной революции, логически можно прийти к мысли о создании в эпоху империализма без пролетарской революции нового типа общественных отношений. Но это сильно бьет в глаза, и автор не доходит до такого вывода. Поэтому автор старается кастрировать понятие промышленной революции, пытаясь свести его к революции в технике и только, этим самым обнаруживая полное непонимание диалектического характера развития техники и экономики.

Но даже если согласиться на минуту с автором на сведение промышленной революции только к развитию собственно техники, то и в этом случае можно ли говорить о том, что в эпоху империализма совершается промышленная революция? Конечно нет. Это будет означать ликвидацию ленинской установки в этом центральном вопросе.

Происходит ли развитие производительных сил, усовершенствование техники в эпоху империализма?

Ленин отмечал, что в эпоху империализма происходит дальнейшее развитие

производительных сил. Однако это не значит, что совершается «промышленная революция». Техническая база капитализма конечно изменяется, однако произвести техническую революцию капитализм не может, не в состоянии. В том-то и состоит обреченность капиталистического способа производства, что на определенной ступени развития, несмотря на общее ускорение развития, капитализм ведет к резкой задержке, к загниванию производительных сил.

«Ленин,—указывает т. Сталин,—вполне доказал, что рост капитализма не отменяет, а предполагает и подготавливает факт прогрессивного загнивания капитализма». («Вопросы ленинизма», 1932 г., стр. 111). Совершенно ясно, что техническая революция делается возможной только благодаря революции рабочего класса против капиталистической системы общественных отношений, т. е. благодаря пролетарской революции. Этого не понимает автор и, приукрашивая империализм, порывает с марксизмом в одном из основных вопросов эпохи империализма.

Помимо этого автор приходит к антиленинским установкам и в вопросе о периодизации развития стран Зап. Европы с 1870 г. по 1914 г. По автору, империалистическая стадия сменяет эпоху промышленного капитализма с 70-х годов. На стр. 10 автор утверждает: «В экономическом отношении эпоха империализма может быть в свою очередь подразделена на два периода. После бурного подъема, последовавшего за франко-прусской войной, уже с 1873 г. и до середины 90-х гг. мы отмечаем упадок в области индустрии и сельского хозяйства...» и т. д. Таким образом, по автору, эпоха империализма уже сменила предшествующую стадию капитализма в 70-х гг. Ту же периодизацию т. Фридлянд проводит и в других местах (напр. на стр. 20) и при исследовании конкретно-исторического развития отдельных стран (см. стр. 314).

Датирование смены эпохи промышленного капитализма эпохой империализма с 70-х гг. XIX в. не верно; оно противоречит ленинской периодизации. Ленин разработал не только теорию империализма, но и установил историю его развития, которую Фридлянд пытается заменить своей периодизацией. У Ленина по вопросам истории империализма мы находим абсолютно ясные и точные ответы. Вот что

Ленин например писал в своем классическом труде «Империализм, как новейший этап капитализма»: «Итак, вот основные итоги истории монополий: 1) 1860 и 1870 годы — высшая предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии — лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще переходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.—картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм» (т. XIX, стр. 86).

Кажется ясно и точно, когда сменяется эпоха промышленного капитализма империалистической; ясно, что т. Фридлянд говорит совсем о другой истории, нежели Ленин. Для т. Фридлянда оказываются чуждыми эти указания.

Возьмем вопрос о кризисах.

Как ставит ленинизм проблему кризисов эпохи империализма? При сокращении промышленных циклов кризисы в эпоху империализма становятся более острыми, более глубоко потрясающими капиталистическое хозяйство. Попытки монополий и государства смягчить кризис, как это особенно наглядно показывает теперешний кризис, приводят к еще большему обострению и длительности кризисов. Между тем автор, упоминая о «депрессии» и «замедлении» в развитии хозяйства после кризисов, о самих кризисах почему-то говорит, что «в отличие однако от промышленных кризисов половины XIX века, промышленные заминки (!) эпохи империализма отличались менее бурным характером...» (стр. 71).

В вопросе об определении роли государства автор скатывается к каутскианским позициям. Государство, по т. Фридлянду,—«коллективно выработанная воля» (стр. 35) господствующих классов.

Кроме этого автор, неоднократно анализируя проблему государства и отмечая, что оно есть не что иное, как диктатура буржуазии (нужно было бы добавить: империалистической; автор как-то опускает это в определении), таким образом освещает весь этот вопрос, что, согласно его утверждениям, получается: государство доимпериалистической эпохи собственно не было диктатурой буржуазии. Автор указывает, что в государстве эпохи империализма «установилась диктатура бур-

жуази, направленная против рабочих» (стр. 35). Следовательно, по автору, выходит, что государство доимпериалистической эпохи не было диктатурой буржуазии. Это конечно разрыв с ленинизмом.

Важнейшая проблема эпохи империализма — проблема развития классовых противоречий — разрешается т. Фридландом в троцкистском духе. Прежде всего автор приходит к следующему основному утверждению относительно развития массового рабочего движения: эпоха империализма, пишет т. Фридланд, есть эпоха «оппортунистического перерождения массового рабочего движения» (стр. 46). Подобного рода трактовка является отнюдь не случайной. Наоборот, автор старается провести подобное освещение во всех важнейших вопросах в различных отделах своей работы, подводя при этом значительные «обоснования», по своему характеру ничем не отличающиеся от положения об оппортунистическом перерождении массового рабочего движения.

Вывод т. Фридланда об «оппортунистическом перерождении массового рабочего движения» представляет собой так сказать заключительный, аккордный вывод, вытекающий из положения автора о притуплении классовой борьбы в эпоху империализма, из отрицания ленинской теории об абсолютном обнищании рабочего класса, из утверждения об улучшении материального положения рабочего класса. Что это именно так, можно видеть из того, что в эпоху империализма, согласно положению т. Фридланда, «некоторое улучшение материального положения влекло за собой притупление классовой ненависти» (стр. 43).

Таким образом теория притупления классовых противоречий налицо.

Хотя автор и пытается постоянно расшаркиваться перед теорией абсолютного обнищания рабочего класса, но это лишь для видимости, так как, производя исследования и выводы, автор в различных формах вновь и вновь возвращается к утверждению об улучшении материального положения рабочих.

Так напр. т. Фридланд, обобщая «исследование» Англии эпохи империализма, пишет: «Если мы при этом вспомним, что падение цен на предметы первой необходимости, помимо и несмотря на оппортунистическую политику тред-юнионов, сыгра-

ло решающую роль в повышении жизненного уровня широких масс трудящегося населения страны, то нам станет ясным, почему корни реформизма в Англии оказались столь цепкими» (стр. 114) (подчеркнуто нами.— А. Л., И. Т.). Здесь мы имеем тот же самый тезис, отрицающий абсолютное обнищание рабочего класса, при чем т. Фридланд использует в своих интересах оппортунистическую, механистическую «теорию цен» Ротштейна.

Важно отметить, что именно на основе отрицания марксистско-ленинской теории об абсолютном обнищании рабочего класса т. Фридланд пришел к троцкистскому тезису об оппортунистическом перерождении массового рабочего движения.

Тезис автора об оппортунистическом перерождении массового рабочего движения в эпоху империализма представляет собой не что иное, как потресовско-троцкистскую трактовку. В свое время Потресов (1915 г.), а за ним Троцкий в обоснование своей оппортунистической стратегии и тактики выдвинули эту теорию о перерождении «современной демократии», т. е. рабочего класса.

Ленин не раз отмечал, что это — клевета на массы, что на самом деле широкие рабочие массы отнюдь не переродились, что классовые противоречия отнюдь не притупились, а обострились.

Ленин беспощадно боролся против подобной характеристики эпохи, указывая на то, что «основной недостаток этой характеристики Потресова, как и соответствующей характеристики той же эпохи у Троцкого, состоит в нежелании видеть и признать глубокие внутренние противоречия в «современной демократии». «Выходит так,—писал Ленин,—как будто современная демократия данной эпохи оставалась единым целым, которое, вообще говоря, проникалось постепенщиной, национализировалось, отвыкало от нарушений постепенности и катастроф, мельчало, покрывалось плесенью» (Ленин, т. XVIII, стр. 112).

«На самом деле,—указывает Ленин,—так быть не могло, ибо наряду с указанными тенденциями действовали неоспоримо иные, противоположные тенденции, «бытие» рабочих масс интернационализировалось... классовые противоречия обострялись... Ни одна, буквально ни единая из крупных капиталистических стран Ев-

ропы в течение этой эпохи не была пощажена борьбой между двумя противоречивыми течениями внутри современной демократии» (Ленин, т. VIII, стр. 112).

Все это было направлено и против Потресова и против Троцкого. Тов. Фридлянд несомненно в этом центральном вопросе списывает все со скрижалей троцкизма, борясь тем самым против ленинизма.

Тезис т. Фридлянда об «оппортунистическом перерождении массового рабочего движения» как нельзя более кетати служит на пользу Каутскому, пытавшемуся в период войны оправдать так называемым объективным развитием эпохи свою измену.

Ленин писал: «Лгут те, которые говорят (Каутский в том числе), что «массы» пролетариев повернули к шовинизму» (Ленин, т. XVIII, стр. 343).

А т. Фридлянд продолжает еще в 1928 г. проводить каутскианско-троцкистскую клевету на рабочий класс.

Проводя неправильный анализ эпохи империализма и роли пролетариата в эту эпоху, т. Фридлянд дает неправильную, троцкистскую характеристику всем классовым отношениям. Вместо того, чтобы показать процесс революционизирования рабочих масс и подготовку условий для перехода мелкобуржуазных слоев города и деревни, особенно крестьянства, на позиции пролетариата, под его руководство в его борьбе за социалистическую революцию, автор относит мелкую буржуазию к реакционным классам населения.

Вот что пишет т. Фридлянд о мелкой буржуазии: «На стороне буржуазии оказывается и «среднее сословие» деревни. Все они вместе выступают солидарно против рабочего класса. Мелкая буржуазия превращается, как правильно заметил в свое время Гильфердинг, в охвостье крупного капитала и с энтузиазмом поддерживает империализм» (стр. 29).

Таким образом, по т. Фридлянду, пролетариат выступает не как сознательно революционная классовая сила. Нет, он остается в силу реакционности всей мелкой буржуазии совершенно изолированным, да к тому же и совершенно переродившимся.

Какой вывод может сделать читатель после всего этого? Только следующий: империализм творит вторую промышленную революцию, мелкая буржуазия реакционна, включая сюда и крестьянство; пролетариат, улучшив свое положение, оказывается переродившимся.

Как же тут можно говорить о том, что прав Ленин, указывавший на империализм как на канун социалистической революции? Теория ленинизма оказывается в руках «историка» т. Фридлянда несостоятельной.

Эти выводы явились в результате того, что т. Фридлянд протаскил, фактически борясь против Ленина, социал-демократическую трактовку коренных проблем, социал-демократическую трактовку по преимуществу в троцкистском ее аспекте, используя при этом аргументы Гильфердинга, Каутского.

Тов. Фридлянд троцкистскую теорию об оппортунистическом перерождении массового рабочего движения своеобразно протаскивает и при анализе такого вопроса, как развитие английского рабочего движения. Все английское рабочее движение окрашивается им в сплошной цвет оппортунизма, оппортунистической плесени; у автора получается таким образом, что это развитие происходило лишь на основе одной—оппортунистической—тенденции, а не на двух (оппортунистической и революционной) как указывали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин.

Так действительно по т. Фридлянду и получается. Тов. Фридлянд пишет: «Итак, в обстановке революционного подъема массового рабочего движения в Англии отсутствовала подлинно пролетарская партия: синдикализму противостоял реформизм» (стр. 112). Что тут верного и что неверного? Верно здесь то, что действительно в Англии не было создано подлинно пролетарской, т. е. революционно-последовательной до конца, наподобие большевистской партии в этот период. Но верно ли то, что в силу этого рабочее движение покрылось сплошь всеукутывающей плесенью оппортунизма и не имело больше ничего, как это хочет сказать т. Фридлянд своим утверждением о том, что «синдикализму противостоял реформизм»? Нет, такого рода утверждение неправильно, оно не ленинское.

Трюк, который делает тов. Фридлянд от одного правильного утверждения о том, что в Англии не было подлинно пролетарской партии, к другому, уже неправильному положению, согласно которому все рабочие организации объявляются сплошным оппортунизмом, должен быть разоблачен. Ленин не ставил так вопроса; он, наоборот, боролся против такой постановки. Ленин

видел и в английском рабочем социалистическом движении революционные элементы, которые, по его мнению, были представлены левой частью английской социал-демократии в лице Г. Квелча.

В 1913 г. Ленин например писал: «Квелч был в первых рядах тех, кто боролся стойко и убежденно против оппортунизма и либеральной рабочей политики в английском рабочем движении» (Ленин, т. XVI, стр. 608).

Видя левое крыло в с.-д. и его заслуги, которое оно несомненно имело за плечами, и революционные дела, Ленин вместе с этим указывал и на те слабости, которые были у этой части с.-д. и которые придали ей характер непоследовательной, но все же революционной организации.

Ленин указал на характер слабости, которую имело это левое крыло английской социал-демократии:

«Правда, оторванность от масс налагала иногда на английских социал-демократов некоторый сектантский характер. Вождь и основатель социал-демократии Англии Гайндман докатился даже до шовинизма. Но социал-демократическая партия дала ему отпор, и во всей Англии только (подчеркнуто Лениным) британские социал-демократы вели в течение десятилетий систематическую пропаганду и агитацию в марксистском духе. Это величайшая историческая заслуга Квелча и его товарищей» (т. XV, стр. 608).

Мы видим таким образом, как гениально разрешал Ленин проблемы английского рабочего движения, видя в левой части с.-д. выразителей революционной борьбы пролетариата (а не сплошную плесень и оппортунизм, как это делает т. Фридлянд) и в то же время отмечая непоследовательный характер левых в силу того сектантского груза ошибок и колебаний, который они имели за собой.

Протастив в вопросах об империализме, государстве, в оценке мелкой буржуазии, в оценке характера массового рабочего движения и т. д. социал-демократические, по преимуществу троцкистские, положения, т. Фридлянд в своем дальнейшем исследовании партийных течений в международном рабочем движении продолжает преподносить антиленинские установки.

Левые радикалы в германской с.-д. для него — «подлинно революционно-марксистская оппозиция» (стр. 452): т. Фридлянд повторяет несколько раз это утверждение, забывая ленинские характери-

стики влияния оппортунистических теорий на взгляды и тактику «левых радикалов». Отдельные критические замечания по адресу «левых», делаемые автором, совершенно непоследовательны и имеют тенденцию как бы исторически оправдать тот факт, что левые радикалы не пошли на раскол с оппортунистами и имели крупнейшие теоретические изьяны, сближавшие их с центризмом. «Левая оппозиция» не сделала, — пишет он, — да и не могла сделать в то время всех необходимых организационных выводов» (стр. 485, 520 и др.). Это была «беда их» и пр.

Наиболее развернутую троцкистскую оценку левым радикалам т. Фридлянд дает на стр. 482:

«Историческое значение ревизионизма между прочим заключается в том, что он способствовал рождению левой подлинно марксистской оппозиции в рядах германской социал-демократии» (подчеркнуто нами. — А. Л., И. Т.).

Тов. Фридлянд, по-троцкистски оценив левое крыло германской с.-д., продолжает дальше опять же по-троцкистски трактовать проблему взаимоотношений ленинизма и люксембургизма. Для т. Фридлянда борьба Р. Люксембург против Ленина в ряде важнейших вопросов есть не выражение полуменьшевистского характера ошибок Р. Люксембург, а просто лишь «любопытное» явление; так, т. Фридлянд пишет: «Любопытно (!!), что даже представительница левого течения германской с.-д. Р. Люксембург выступила противницей раскола и врагом организационного учения Ленина» (стр. 645).

Далее т. Фридлянд ставит Р. Люксембург в заслугу то, что она якобы понимала корни оппортунизма, когда она, по его мнению, «вынуждена была признать, что оппортунизм порожден парламентаризмом» (стр. 646).

Задача большевика-историка должна была бы заключаться именно в том, чтобы показать, как далеко стояла Р. Люксембург от ленинского понимания корней оппортунизма. Тов. Фридлянд же этого не дает, а наоборот — ставит в заслугу Р. Люксембург ее взгляд на парламентаризм как основной источник оппортунизма.

Верно конечно, что парламентаризм, обстановка парламентаризма имела значение для развития оппортунизма. Ленин писал например: «Центр — люди рутины, изъеденные гнилой легальностью, испорчен-

ные обстановкой парламентаризма...» (т. XX, стр. 126). Но однако в чем главное, когда мы говорим о причинах оппортунизма, о классовых корнях его?

Ленин на основании глубокого изучения империализма установил действительно научно социальные корни оппортунизма; они выражаются, по Ленину, в том, что «известные слои рабочего класса (бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частичка доходов от эксплуатации колоний и от привилегированного положения их «отечества» на мировом рынке), а также мелкобуржуазные попутчики внутри социалистических партий явились главной социальной опорой этих тенденций и проводниками буржуазного влияния на пролетариат» (т. XVIII, стр. 127).

В противовес этому Роза Люксембург, как известно, корни реформизма ограничила влиянием парламентаризма и мелкой буржуазии, отрицая роль рабочей аристократии. Она например в годы войны, в связи с изменой Легинов и К^о, писала о том, что «господствующему классовому государству не нужно входить в расходы: этих проституток можно иметь даром, они бегут на самый тихий посвист».

Эти утверждения Розы конечно совершенно расходятся с взглядами Ленина на социальные корни оппортунизма.

Неленинский характер этих взглядов Розы необходимо вскрыть, так как ясно, что ее неленинская установка в понимании социальных корней оппортунизма в значительной степени обусловила крупные ошибки в вопросе о том, рвать или не рвать организационно с социал-шовинистской партией, и т. д.

Тов. Фридлянд идеализирует люксембургизм и в этом вопросе.

Тов. Фридлянд, протавив в разделе о германском рабочем движении антиленинские характеристики, задался благим намерением в разделе о II интернационале установить не что иное, как международную роль большевизма. Но это лишь благие намерения. Фактически т. Фридлянд дал такую трактовку вопроса, которая ничего общего не имеет с ленинизмом.

Мы имеем попытку со стороны Фридлянда раскрыть содержание большевизма; автор говорит (на стр. 644): «в теории и практике большевизма 1905—07 гг. получила свое дальнейшее развитие идея всеобщей стачки, непосредственно увязанная с вооруженным восстанием для захвата

государственной власти». Кажется очевидным, что здесь следовало бы сказать, что «ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» (Сталин). Здесь надо было бы сказать, что только большевизм есть дальнейшее развитие в теории и практике революционного марксизма. Здесь важно было бы дать освещение таких вопросов в ленинизме, как борьба Ленина за разрешение до конца задач буржуазно-демократической революции, борьба за ее перерастание в социалистическую, борьба Ленина за диктатуру пролетариата.

Напрасно станет искать читатель все это в книге у т. Фридлянда. Для историка-ленинца обязательным было освещение революционной подлинно марксистской последовательности большевизма в таком решающем вопросе, как теория диктатуры пролетариата (так же, как и в других вопросах).

Для т. Фридлянда не существует такой задачи.

По т. Фридлянду, последовательность большевизма, оказывается, проявилась в постановке таких основных вопросов, как «при формулировке (!?) обнищания масс...», в том, что Ленин не удовлетворялся академической (разве дело только в академичности?) критикой ревизионизма со стороны Каутского (стр. 645). Нечего конечно распространяться о том, что т. Фридлянд обошел международное значение борьбы большевизма с меньшевизмом и центризмом в России, борьбы большевизма на международной арене, критику Лениным левых радикалов и т. д.

Тов. Фридлянд «забыл» эти решающие вопросы теории и истории ленинизма не случайно, а из-за троцкистского представления о ленинизме как течении, боравшемся лишь за буржуазно-демократическую революцию. По т. Фридлянду так и выходить, так как по его мнению большевизм «был авангардом российского пролетариата, ведущего повседневную революционную борьбу с царизмом» (стр. 645),—и это все! Можно ли после такого освещения содержания большевизма серьезно верить т. Фридлянду, когда он, начиная выяснять роль большевизма в довоенную эпоху, пишет: «Можно с полной категорич-

ностью утверждать, что большевизм в довоенную эпоху был единственно последовательным революционным течением в рядах II интернационала» (стр. 644). Но это положение для т. Фридлянда является лишь пустой фразой, рядом с которой у него—совершенно иное освещение; стоит лишь вспомнить утверждения т. Фридлянда о левых радикалах как последовательном марксистско-революционном течении, чтобы убедиться лишним раз, что фраза автора о единственно последовательном характере большевизма—фраза, под покровом которой не только забыто главное в ленинизме—диктатура пролетариата, борьба Ленина с русским и международным меньшевизмом,— но под покровом кото-

рой ленинизм сведен до троцкистского его освещения: большевизм—течение, борющееся лишь с царизмом; большевизм—демократическое движение.

Подводя итоги, мы имеем такую картину: т. Фридлянд не только не дал ленинского освещения коренных проблем эпохи империализма, но наоборот—т. Фридлянд дал социал-демократическую, преимущественно троцкистскую трактовку этих проблем. В силу этого обстоятельства книга в теперешнем ее виде является политически вредной.

Учебник по истории эпохи империализма должен быть написан заново с ленинских методологических позиций на основе положений Ленина и Сталина.

Ответственный редактор **М. Н. Покровский**

Редакционная коллегия: Б. Волин (зам. отв. редактора),
Л. Мехлис, А. Панкратова, И. Токин (ответствен. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
И. Сталин	
Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом (13 декабря 1931 г.).	1
П. Постышев	
Десятилетие Общества старых боль- шевиков.	13
А. Панкратова	
М. Н. Покровский — большевистский историк.	20
М. Н. Покровский	
К вопросу о пугачевщине (письмо семинару 1-го курса ИКП истории, 1931 г.).	36
Б. Граве	
Из истории большевистской «Правды».	40
И. Лукин	
Некоторые вопросы рабочего движе- ния эпохи довоенного империализма.	55
В. Касименко	
Германский национал-фашизм.	83
Б. Волин	
Мемуарной литературе — большевист- ская бдительность.	104
Бригада Института истории Комкадемии	
Ленский расстрел.	108
МАРКС -- ЭНГЕЛЬС -- ЛЕНИН	
Ф. Энгельс	
Барин Тидманн.	120
ДОКУМЕНТЫ	
Бригада науч. сотр. Арх. рев. и внеш. политики	
К истории первых революционных вы- ступлений рабочих завода им. Кали- нина	122
БИБЛИОГРАФИЯ	
П. Лепшинский	
Мемуары старых большевиков для мо- лодежи.	127
А. Левитский, И. Токин	
Против искажений истории эпохи им- периализма. (Фридрих, «История За- падной Европы». Том II, изд. 1928 г.)	178